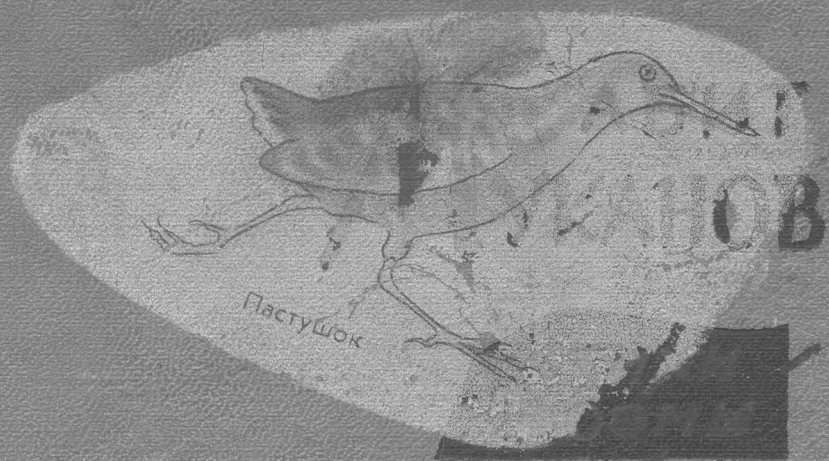

Р. 26.

Л. Б. Гайдаров к
Даву

САБИТ МУКАНОВ

СТИХИ
и
ПОЭМЫ

Избранное

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата
1960

1496

3315

Русскому читателю широко известно имя и творчество Сабита Муканова. Сабита Муканова хорошо знают как прозаика, автора популярных романов «Ботазоз», «Сыр-Дарья», «Школа жизни», очерков о целине, о Китае и Цейлоне.

Но Сабит Муканов начал свой творческий путь как один из первых советских поэтов, и на протяжении сорока лет до сегодняшнего дня в периодической печати появляются его остро злободневные стихи и поэмы. На русском языке только в 1934 году выходил единственный сборник его стихотворений — «Тулпар».

Казахское государственное издательство художественной литературы предлагает вниманию читателей первое издание избранных стихотворений и поэм Сабита Муканова, посвященное славному шестидесятилетию со дня рождения и сорокалетию творческой деятельности писателя.

533608

Редактор Л. Кривошеков. Художник А. Сергеев. Худож. редактор Н. Гаев.
Техн. редактор П. Вальчук. Корректор В. Масленикова.

Сдано в набор 30/V-60 г. Издат. № 174. Подписано к печати 19/VII-60 г.
УГ03356. Бумага 84×108¹/₃₂ = 12,25 в. л. — 20, 00 усл. печ. листа. (Уч.-изд. 19,98 л.)
Тираж 10000 экз. Цена 12 руб. 00 коп. (с 1961 г. цена 1 руб. 20 коп.)

Алма-Ата, Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры
Казахской ССР. Заказ № 1214.

TAXA

ЗАЧЕМ БЕСПОКОИШЬСЯ, СЕРДЦЕ МОЕ...

Зачем беспокоишься, сердце мое?
Чего не хватает?.. Твое бытие
В раздумье, как в озеро, погружено;
Кругами на струях — волнение твое.

Я знаю, прости и докончить позволь...
Я понял старинную, жгучую боль,—
Не мне обвинять ее! Горечь остра,
Как едкая солончаковая соль.

Ты рвешься к мечте. Но мечта далека,
Как Роза ветров от крыла мотылька!
Но бедность легла у тебя на пути —
Невольно моя опустилась рука...

Задушены бедностью все соловьи.
Завалены снегом дорог колеи.
Да! Бедность тебя не пускает вперед,
Арканом захлестнуты ноги твои!

Куда ты пойдешь по дороге такой,
Куда поплывешь и какою рекой,
Чтоб доле счастливой поверил бедняк
И жизнь переделал своею рукой?

Не надо сомнений, о сердце, к чему?
Будь смелым, решительным, верь одному
Мечу, что отточен для классовых битв,—
С ним к солнцу пробьешься сквозь

душную тьму!

1917

ТВОЯ ДОЛЯ

В людском достоинстве и дочь и сын равны.
Но дочь — калым, наездники — сыны.
Ведь в день рожденья дочери казахи
Приумножают в мыслях табуны.

Дочь в люльке сватают — обычай старый строг,
Ей с детства нету к вольности дорог,
И мать, напоминая о запретах,
Ее не выпускает за порог.

В тринадцать лет в чужой семье она
Доить кобыл, доить коров должна.
И отдыха не знает днем и ночью
У очага коптящего жена.

Так душу ей навек заволокла
Печальной тенью облачная мгла.
Чуть оступилась, в чем-то оплошала —
Бьет старая свекровь ее со зла.

Морщины ранние — страданий тяжких след.
Забыта юность, сверстниц рядом нет.
Она за стол с мужчинами не сядет,
Объедки ей бросают на обед.

Обновы ей на праздник не надеть,
Ей не присесть, ей песенки не спеть!
Она обречена рабой покорной
В молчанье издевательства терпеть.

И муж-старик совсем не пара ей —
Она ровесница его детей.

Но говорит обычай: покоряйся
И чашу горя до конца испей.

А если муж до ссор и драк охоч,
Он будет бить ее и день и ночь.
И только в вечном холоде могилы
Она несчастье сможет превозмочь.

Но вдруг и смерть отсрочит свой приход.
Тогда она согнется от забот,
Состарится до срока. Горемыку
Седую ведьмой юность назовет.

Как можно прозябанье жизнью звать?
В любом ауле так страдает мать.
Наверное, одна из сотни женщин
Жестоким доли может избежать.

Так не гордись ты, девушка, красой
И, не смиряясь с будущей бедой,
По зову сердца своего стремись
Утешить душу лаской молодой.

Пока ты спеешь яблоком в саду,
Пока с беспечной юностью в ладу,
Отбрось печаль и веселись, как можешь:
Еще узнаешь горе и беду!

Цвети красою внешнею цветка.
Еще сгустятся в тучи облака,
И молодость твоя навек увянет —
Суровая зима недалека.

МОЛДАГАЗЫ

Еще в полдень было светло,
День прозрачным и ясным был.
Тучей небо заволокло,
И по-волчьи ветер завыл.

На одно мгновенье закат
Кровью край земли обагрил
И померк. Так души спешат
В вечный холод своих могил.

Наступает черная ночь,
Давит каменной глыбой грудь.
И усталой земле невмочь,
И не может земля отдохнуть.

Хлещет ливень ночь напролет,
Все залил ледяной водой.
Мнится, в мозг отравя ползет
После встречи с такой бедой.

Скрылись звезды с наших небес,
Душит ночь меня, апырай!
Разыгралась, как черный бес,
Залетевший в аульный край.

1917

ДВА ПИСЬМА

1

Читал я ваше письмо, Молдеке,—
Нет смысла в слащавом его языке,
Такую любовь наш пророк осудил,
Суровый запрет на нее положил.

Зачем вы святой исказили коран
И грешный вокруг напустили туман?
Вы девушку смели с Каабой сравнить —
В день судный едва ли вам грех искупить!

2

Я получил ответ, любовь моя,
Его писала пери, думал я.

Но в нем осмеян тот, кто так влюблен.
И я стою, письмом ошеломлен.

Во сне ли это или наяву —
Я слышу непонятную молву.

Запрет на чувства сердце гложет мне,
Так только враг ответить может мне.

Бродил в песках араб Габдували,
Медждуном ставший для своей Лейли...

Ведь без любви и жизнь мрачней могил.
Любовь — исток душевных стойких сил.

Хаза не зря мученья принимал —
В сладчайшем сне он пери увидал.

Но раз запрещена любовь для всех,
Как перед богом мусульманским грех,

Тогда таит неверные слова
В коране об Иосифе глава.

Я не могу томиться, как в бреду.
К тебе примчусь, а не пешком приду.

Свидетель бог, вот так, от страсти пьян.
Любил Корпеш прекрасную Баян.

Как перекасти-поле, одинок,
Стремлюсь я к солнцу счастья и тревог.

И если тем же не ответишь мне,
Как бабочка, сгорю я на огне.

ВОПЛЬ БАТРАКА

Знойный день,— он будет долго длиться,
Душной пылью веет ветер в лица,—
Ни минуты отдыха, к тому ж
Нам с утра до вечера поститься.

Со вчера желудок пуст; к тому же
Простоквашу тухлую на ужин
Скаредный нам отпускает бай;
Ешь да не ворчи, иль будет хуже.

Прилегли б — натруженное тело
Занемело, задеревенело,
Но хозяин: «Коли нету сил,
Помирайте, мне какое дело!»

Все ему не нравится работа,
Спину гни хоть до седьмого пота,
Изобьет, ни грошика не даст,—
Спорить с ним кого возьмет охота?

Говорят ишаны¹, что под нами
Область ада — яростное пламя,—
Будет ввергнут в это пламя тот,
Кто при жизни мясо ел постами.

Поневоле кислым караваем
Пренебречь приятнее, чем раем;
Чем в подземном корчиться огне,
Лучше на земле поголодаем...

И ш а н — мусульманский священник.

Я уж стар, нет прежней силы в теле,
Но еще не довелось доселе
Быть женатым,— говорит один,—
Первенца баюкать в колыбели...

Редко-редко у меня корова,
А замолви о женитьбе слово —
Тотчас же потребуют с тебя
Выкуп сорокасемиголовый...

Наживать — моей не хватит силы;
(Что могу, задерганный и хилый?)
Изнурясь от тяжкого труда,
Я до времени дождусь могилы!

СВОБОДА

К рабочим-казахам

Кланялся баям, чиновникам — тоже,
Ночью и днем все аллаха тревожил,
За бесценок свой труд продавал.
В тяжелой работе обветрена кожа.

Черного хлеба черствый кусок
Был платой тебе. Без хозяйки не мог
Глотнуть молока. И не мог откусить
Краешек курта — казахский сырок.

Целый день на работе: нельзя отдохнуть.
Спертый воздух в жилище — натружена грудь.
А кидали когда одевальную рвань,
Спешил ты себя, словно в шелк, обернуть.

Труд тяжелый тебя с колыбели давил.
Плечи устали, и не было сил.
В рабстве позорном изнемогал,
И ничего у судьбы не просил.

Верил аллаху и верил в коран.
Но разве они исцелители ран?
Жалок был стон твой протяжный в ночи.
Плакался ветру, от слез ты был пьян.

Тучу на небе увидел вдруг ты
Необыкновенной такой густоты.
Ветер подул, превратился он в вихрь.
Скалы разрушил и снес он мосты.

Молния — следом стремительный гром —
Врагов поразила упрямым мечом.
Пали они, истекая в крови,
— Аллах, это думаешь? Нет, нипочем!

То — могучие руки Кызыл Октября
Лед растопили упорный не зря;
Ты — свободен, весна твоя смело идет,
И в саду твоём розы на радость горят.

Ты свободен — с тобою вздохнула страна
После тяжелого, смрадного сна.
Стрелой помчись же грядущему вслед.
Страна расцветает — счастлива она!

ЛЕТНЕЕ УТРО

Отпрянуть сумерки спешат,
восход забрезжит светом бедным,
и в обновленном небе бледном
сверканье звезды завершат.

Еще висит, еще горит
и улыбается Венера,
но облако, что было серо,
стать ярко-желтым норовит.

Пронизывают весь просто
светила золотые спицы,
и пробудившиеся птицы
кричат средь голубых озер.

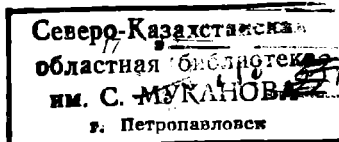
Пора горланить петухам!
Из ночи, из ее воронок
уже взмывает жаворонок
на радость старым пастухам.

И примеряет вся земля
цветов богатые короны,
обильно овцы и коровы
стекаются в свои поля.

Как сладостно покинуть дом,
проснувшись утром рано!
Не надобно другого рая,
Лишь здесь бы жить, смотреть кругом.

1920

Северо-Казахстанская область

СОБАКА И КАРАВАН

О, лает, лает бедная собака,
и лай другой ей вторит за стеной.
Зачем она окликнула собрата,
как будто часового часовой?

Что надо ей? Ужель ей это надо:
чтоб приоткрыл глаза скупые бай
и сонно молвил: «Пес — моя отрада.
Как утешает сердце этот лай!»

И лает пес в своем пустом старанье,
и эта песня так жалка, слаба,
слышна лишь на коротком расстоянии,
как сказанные шепотом слова.

Проходит ночь, светлеет на востоке.
Сквозь солнце, дождь, сквозь утренний туман
под флагом ярко-красным и высоким
торжественно проходит караван.

Собака просыпается во мраке
и лает и на лапы привстает.
Нет каравану дела до собаки —
он величаво движется вперед.

Пусть делает свое собачье дело!
Но караван не причинил ей зла.
Там, в темноте, когда луна глядела,
он бодро шел, пока она спала.

А впереди — туманы, перевалы
и много псов, сидящих у ворот.

Но все-таки проходят караваны,
и радостно встречает их народ.

Они идут так медленно и гордо.
И помешать им в этом нелегко.
Пусть лает пес, надсаживая горло.
Пусть караван уходит далеко.

Добро пожаловать, уважаемый гость,
слезы утерший у плачущих гость.
От вашего дома вдали
мы вам с поклоном подносим горсть
освобожденной земли.

Вам мало знакома наша страна,
но та ж у нее судьба,
что в вашей стране. И строга,
жестока наша борьба.

Мы вынесли много нужды и беды,
но жизнь изменилась у нас.
Люди боролись и были горды.
Класс их — и мой класс.

Баи сосут еще, как барсуки,
львиную грудь бедняков.
И не везде еще бедняки
вырвались из оков.

Не поднимают свои голоса,
служат баям лихим.
Невежество темнит им глаза,
надо учиться им.

Много аулов у нас в глуши.
К ним дойти нелегко.
И все-таки — я говорю от души —
и они вздохнут глубоко.

1924

ЛЕНИН ГДЕ!

Ленин, говорят, лежит в земле,
В Москве, в мавзолее. Правда ли это?
Ленина тело может истлеть,
Но Ленина славят певцы-поэты.

Ленин не только в себе самом,—
В каждом трудящемся, пролетарии;
В батраке, согнувшемся под грузным мешком,
В молотобойца метком ударе.

Ленина имя — в миллионах сердец.
Бьется сильнее, кровь убыстряя.
Так с вестью желанною мчится гонец
От края земли до другого края.

С именем этим кидаются в бой,
Горы взрывают и жертвуют жизнью,—
Знамя высоко взметнув над собой
За великое здание социализма.

1924

АБДУЛЛЕ АСЫЛБЕКОВУ

*Первому казахскому партизану
в бывшей Акмолинской области.*

Не ты ль, товарищ Абдулла,
Познал, что значат бай, мулла?
Их научился ненавидеть.
И вражеская кровь текла.

Ты был глашатаем свободы
Для угнетенного народа.
Ни горы, даже ни моря
Не преграждали путь в те годы.

Тебе не страшны были волны,
Ты шел вперед, отваги полный;
Не падал духом никогда,
Ты побеждал — и был доволен.

Велик был твой геройский труд.
Его в пример другим берут.
Ни годы, ни враги вовек
Твои заслуги не сотрут.

Бессмертный путь звенит в веках.
Ты победил, чтоб враг зачах.
О чем мечтал ты — наяву.
И крепнет большевистский шаг!

1924

В ДЕНЬ ТРАУРА

На солнце затмение нашло,
и ветер охрип от рыданья.
О горе, как ты тяжело,
и нету тебе оправданья.

«О Ленин!» — народ говорит.
Темнеют печальные флаги.
А сердце — болит и горит,
глаза тяжелеют от влаги.

Вокруг затихают слова,
людские дыханья клубятся.
Склонилась моя голова.
С колен не могу я подняться.

1925

ЗДОРОВЬЕ

О дождь, о дождь, о дождь,
как смысл ты все с дороги.
Зачем тебе, о дождь,
губить наше здоровье?

А ветер туч надул,
и все кругом залито,
и повалил недуг
веселого Шокпыта.

В том маленьком доме
творится что за чудо?
Стоит шаман в дыму,
болящего врачуя.

Та черная коза
зарезана. Все резче
съедает дым глаза
под звуки странной речи.

Так таинство свое
вершит он, причитает
и лижет острие,
и руки подымает.

Шаман сегодня сыт,
полна еды посуда.
Хворает наш Шокпыт.
Тяжка его простуда.

1925

БАБУШКА

Шестой десяток бабушке моей,
но как она, однако, молода.
О, сколько разожгла она огней,
другого переделала труда.

Коров доила и кормила кур,
вставала рано-рано по утрам.
скатает и сушить разложит курт
и склонится к своим большим коврам.

Как ткет она, о господи, как ткет!
Другому не отдаст веретена.
Нагнется над узором — и поет,
как хорошо поет и ткет она!

Так ткань ее прекрасна и пестра.
Рука точна. Сосредоточен взор.
И сыновьям своим взамен письма
пошлет она причудливый узор.

Я над ковром, над таинством его
готов стоять весь день и допоздна
и наблюдать, как льется мастерство
у тонкого ее веретена.

1925

МОЛОЧНЫЙ ЗАВОД

Смех поселянок звонко раздается:
— Скорей, подруги, а не то — прольется...
И сепаратор на ходу поет,
Как быстрый ключ, не знавший мглы колодца.

Сердцам свободным эта песнь близка.
Играет ветер пеной молока,
Насвистывает что-то над воронкой,
Губами прикасаясь к ней слегка.

Течет сметана. Молоко течет.
И ребятня, набив сметаной рот,
На солнце жмурится... А матери сметану
Несут в тяжелых ведрах на завод.

Завод недалеко. Он — враг былой кибитки.
С ним победим бывшего пережитки...
С улыбкой женщины выносят со двора
Крутого масла золотые слитки...

...С работы вечером пришел домой Шокпыт.
Дымится чай. Скатеркой стол накрыт.
Жена Шокпыту подает тарелку:
— Ешь. Ты устал. Вот масло,— говорит.

И режет хлеб. И мажет маслом: «На!
Былой батрак... Хлеб с маслом? Времена!»
...Поел. Попил. Передохнул немного.
Подсел к окну и закурил... «Жена.

На этом свете много перемен!
Сын батрака, бедняк Алдаберген

Пуд масла в город свез и нам в аул
Немало утвари и книг привез взамен».

Так редко солнце было у Шокпыта!
Вся молодость безжалостно забита,
В рог согнута хозяйской пятерней...
...Но — треснуло хозяйское корыто!

Из-за степей к нам большевик пришел;
С ним вместе — масло к бедняку на стол...
Есть сепаратор, и корова есть —
Не будет год, как некогда, тяжел...

...Иное утро входит в Казахстан.
Уполз шакалом испуганный туман.
Гурты машин идут с завода в степь —
На пастбища и пажити крестьян.

КЮНШАШ

Кюншаш, тебе досталось бедной
Жесток с тобой был бай Рысты..
То «сумасшедшею», то «ведьмой»
он звал — и отзывалась ты.

Что знала ты? Коров доила
да нянчила чужих детей.
Но вот к тебе явилась сила,
большая сила новых дней.

Ты гордо повела плечами,
и бедный бай разжал кулак.
Он исхудал в своей печали,
как лошадь дикая — кулан.

И оказалось, ты не дура,
ты — умница. Твои слова
важны.
От злого духа
мутится бая голова.

Испуганный твоею силой
и ей поверженный во тьму,
бредет он, как шаман унылый,
сквозь наш аул, чужой ему.

1926

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Нежный запах травы, о травы!
Чистый воздух вдыхают все корни.
Вы правы, вы навеки правы,
всех деревьев шелестящие кроны!

Как сияет огонь золотой,
все томится от неги и лени,
и под тяжестью зелени той
все деревья сгибают колени.

Как поют эти птицы вокруг,
поправляют свое оперенье.
Все забыв, остановишься вдруг,
различая мотивы их пенья.

Так живут эти звери и те,
и букашки, покрытые лаком,
в бесконечной своей суете
тоже ищут утех и лакомств.

Жадно пью молоко я и мед,
я природу мою обнимаю,
и пословицу я вспоминаю:
«Снова лето, сверкая, придет...»

1926

КРАСНЫЙ УГОЛОК

Кошмовое покрытие юрты
поскрипывает на ветру.
Но стены юрты так уютны.
И книгу в руки я беру.

Весна — и посреди аула,
как будто яркий уголек,
исполнен шелеста и гула
краснеет красный уголок.

Как сладко нам вникать в ученье,
изведать тайны бытия.
Читать, читать — о радость чтенья,
открыть мира и себя!

Читай, мой брат. И мысли резвость
пусть осенит тебя навек.
Ты — украшение и редкость
твоей планеты, человек!

1986

СМЕРТЬ РЕБЕНКА

О, недаром народ говорит,
что дитя — это печени часть.
Мое бедное тело горит
в этот час, в этот горестный час.

О мой мальчик, мой мальчик родной!
Я кричу, словно раненый зверь.
Арыстан, жеребеночек мой,
для кого это имя теперь?

Как остался я, господи, жить!
Я — живой, да и впрямь ли живой?
Мне бы голову нужно сложить
рядом с милой твоей головой.

Твое малое тельце держал
я в руках. Я поверить не смел.
А румянец твой — жил и дышал.
Я смотрел. Я смотрел. Я смотрел.

Я до этого не понимал,
как ты мал был, как мал был, как мал.
Я могилу твою обнимал,
как когда-то тебя обнимал.

1926

Смуглые вышки к солнцу бегут,
Здесь торжествует ударный труд.
Нефть промчалась по проводам;
Будет бензин и чумазый мазут.

Для чего загорелые люди спешат?
И в масле как будто рубашек ряд?
Каждый рабочий — герой труда,
Силу отдать за республику рад.

Нефть добывая — машины дадут,
Гудки заводские смелей запоют.
Нефтью богата наша земля,
Потраченных зря мы не знаем минут.

Работа кипит на твоих промыслах,
Эмба-нефть, и стремится уверенный шаг
Рабочих к победе, штурмуя пласты.
Друзья будут рады, в неистовстве — враг.

Индустрия — выше! Крепчает страна,
Отвагой ударной она зажжена;
Твердо стоит на сильных ногах,
С каждой секундой мужает она.

Миру всему подает пусть пример
Строящий новое СССР.
И миллионы дружеских глаз
Смотрят оттуда, где труд еще сер.

Рабочие Гурьева! Пусть прозвонит
Песня моя, как в ночи динамит.
Пусть вышки, как дети родные, растут,
Пусть Гурьев наш станет везде знаменит!

Сабит Муканов в юности.

КРАСНЫЙ МАК

Лето Октября — цветы, деревья,
рек движение...

И говорю:

Я тебя за все твои даренья,
Лето Октября, благодарю.

Я благодарю тебя за чудо —
за цветок, возникший из земли,
растопыривший смешно и чутко
розовые лепестки свои.

О земля, мираж мой разноцветный,
я твою вбираю доброту.
Радуйся — и с радостью ответной
я с тобою вместе расцвету.

Что взрослею — не подам и виду,
выскочу во двор, захохочу,
из зимы опять здоровым выйду,
как козленок малый, поскачу.

Красный мак, он из земли выходит,
зреет, словно яблоко, торчит
красною головкою гвоздики.
«Вырасту я, вырасту!» — кричит.

Так он и стоит — в зеленом шелке
на вершине стебля своего,
алые показывает щеки,
слаще меда выходки его!

Нежно извиваясь и качаясь,
как похож на утро он, когда
отступает темнота, кончаясь,
и последняя видна звезда.

Как он тонко чувствует повадки
солнца, вставшего над головой.
Подмигнул он солнцу: «Все в порядке»,
и смеется с ним наперебой.

Повезло ему, цветку, что летом,
маленький, он встал среди полей.
Зачарован его красным цветом,
глаз с него не сводит соловей.

Все мешается в одном концерте,
все сливается в один поток,
точно выбран центр, и в самом центре
красный распускается цветок.

Скоро округлится его тело,
широко раскинется ладонь.
Как настойчиво, как оголтело
светит его маленький огонь.

Солнышко его к себе поманит,
голубая напоит вода.
Знаю я, что лето не увянет,
лето не увянет никогда.

Пронзительная зимняя пора.
День выглядит
приниженно и сонно.
Приблизилось уже к закату солнце.
Последних красок кончилась игра.
Игра шла так:
алели небеса,
они алели призрачно и броско,
но алый цвет сошел с них.
Полчаса
они еще желтели, словно бронза.
Потом сгустился мрак,
великий мрак.
Соединились в море
реки мрака.
Затихло все —
и даже лай собак,
и ночь была черна,
как черный мрамор.
Закрыла ночь
сегодняшнее,
будущее.
Казалось, время повернуло вспять.
И только люди,
ясный свет не любящие,
вдохнули сладко:
«Бог нам дал поспать!»
Они легли
в свои постели теплые,
их души
тоже были темным-темные.

Но были те,
кто не поддался полночи,
кто, веря в то, что будет вновь восход,
смотрели с верой,
ожидая помощи,
смотрели напряженно
на восток.
Но наступает возвращенье красок,
и солнце —
верю —
все-таки взойдет.
Оно пока показывает краешек,
но чувствую —
взойдет оно вот-вот!

Котыр-кок¹ мой товарищ и плут!
Этот воздух весенний — как зелье.
И проходит торжественно плуг,
разрезая тяжелую землю.

Стал ты за зиму добрым конем,
бороздою идешь деловито.
Глубоко эту землю копнем,
Погляди-ка, что в поле зарыто.

Улыбаюсь я, рядом стою.
Торопись! Поднатужься и дергай.
Так похожи на гриву твою
эти кудри зеленые дерна.

И согласно движенью копыт
вот проходит он, сеятель гордый,
твой веселый хозяин Шокпыт —
величав, как верблюд одnogорбый.

Так, не видя вокруг ничего,
он спешит то туда, то обратно,
и для красной пшеницы его
вся земля раскрывает объятья.

Знать, работа ему по душе.
Этот труд так отраден и вечен.
О, как сладко в своем шалаше,
утомленный, заснет он под вечер.

¹ Кличка лошади.

Спит Шокпыт, и восходит луна,
и земля предстает голубою;
и мешок молодого зерна
тоже спит под его головою.

Преет каша на углях рябых
и наверх пузырьки выдыхает,
тут же рядом — Куншат, бурый бык,
гулко жвачку жует, отдыхает.

И обиженный раньше не раз,
знавший столько нужды и печали,
сын Шокпыта встает — Карабас,
горделиво поводит плечами.

Изменился за несколько лет,
да и только ли он — ведь известно,
даже хлеб изменился — тот хлеб,
что на поле восходит извечно.

Как его тяжелы семена!
Как нова и обильна природа!
О, поистине эта весна —
радость и благодать для народа.

НЕ ОТМЩЕННЫМ НЕ БУДЕШЬ, РОДНОЙ

Памяти брата, убитого баями

О судьба, для чего над моей головой
ты надвинула эту беду?

О земля, для чего ты была голубой
и зеленою в этом году?

Он был молод — мой брат.

Собиралась гроза.

Он сказал. Он не знал ничего.

Будь несчастлив, мой враг, чьи пустые глаза
не помиловали его.

Стойко встретил я горе. В ладони я брал
эту землю, прощаясь с тобой.

Я клянусь тебе, брат, я клянусь тебе,

брат:

не отмщенным не будешь, родной.

РОЖДЕНИЕ СЫНА

Боюсь припомнить сначала
ту ночь июльскую. Ту ночь.
Как ты кричала, как кричала!
А я тебе не мог помочь.

В руке твоей, в руке родимой
(о, как бледна, как горяча!)
то бился пульс, как конь ретивый,
то гас, как тонкая свеча.

Вот так же плачет жеребенок,
волками пойманный в лесу.
Когда ж возникнет твой ребенок
и ты прижмешь его к лицу?

Я думал: как такие муки
вместились в тело?
В стороне

трех тетушек мелькали руки,
и смех их долетал ко мне.

Меня просили: «Будет, будет.
Утешься ты и слез не лей.
Она про эту боль забудет,
как позабыли мы о ней».

Так меж собою говорили
и, к обрезанию пупка
готовясь, топкерме¹ варили,
и пахли масло и мука.

И спрашивал я их в печали:
«Зачем так тяжела беда?»
С улыбкою мне отвечали:
«Жена твоя так молода».

¹ Суеверное обрядовое кушанье.

Безумные метались руки.
Сменяло утро темноту.
У изголовия старухи
шептали: «Слышите? — Марту¹»

Уже и Фатиме² молились,
и видели во мне отца,
а эти слезы все катились,
и не было слезам конца.

Вся эта боль в меня вонзалась,
и так она была страшна!
Мне в то мгновение казалось,
что вся земля искажена.

Казалось мне — я с ней расстался,
мне в ней не любо ничего.
И вдруг — тот новый плач раздался.
О, плач ребенка моего!

И — утро, с гомоном и лаем.
И — утро, свежесть и трезвон.
И — «поздравляем, поздравляем!»
Неслось ко мне со всех сторон.

В прекрасном теле утомленном
затихла боль.

Лежала ты
с лицом, как будто утоленным,
прозрачным, полным доброты.

И так сияли, так блестели
глаза твои и прядь волос —
все солнце вокруг твоей постели
тем ранним утром собралось.

И вышел, вышел я из дома,
туда, где небо, где поля.
«Пусть радость твоя длится долго!» —
кричала добрая земля.

1927

¹ По суеверию, злой дух, мешающий роженице.

² Дочь пророка Мухамеда, покровительница женщин.

В СЕМЬЕ

Лицо твое прекрасно, спору нет.
Его не смели утомить морщины.
Ты проходила — встречные мужчины
печальный взор тебе бросали вслед.

Да, женщина, твоя всесильна власть.
Да, есть в тебе таинственное нечто.
Твой муж смотрел в твои глаза так нежно
и до сих пор не насмотрелся всласть.

Он пил тебя, как пьют тягучий мед,
и в меде том не различал отравы.
Он так искал в твоём лице отрады,
в глазах твоих,
в бровях твоих вразлет.

Так жили вы. Чем дальше, тем грустней:
у вас в семье не появлялись дети.
Зато обильно появлялись деньги.
Но денег меньше все-таки, чем дней.

Как страстно деньги полюбила ты!
О, серьги твои,
бусы и румяна,
И все-то тебе было мало, мало.
В деньгах ты видела источник красоты.

Когда-то пышный, опустел карман...
А ты все покупала вещи, вещи,
и все они прекрасны, но не вечны.
Так к вашим окнам подступил туман.

Протянешь ножку: «Туфлю мне надень»,
О, как ты им жестоко помыкала.
Но вам ничто уже не помогало.
Все тягостней ваш начинался день.

А он тебя любил, любил всегда.
Но что-то между вами умирало.
И он порою признавал устало,
что не зажглась та яркая звезда...

КАЗАХСТАН

Казахстан, наш Казстан,
Выполняй ударный план.
Пусть сердца врагов сгорят,
Пусть хлестнет щедрее град
В непокорный байский ряд!
Им завидно: мы растем,
Мы гудками небо рвем;
И не спит уж мертвым сном,
Как столетия, страна,
Новым светом зажжена!
Первенец страны — завод ¹
На работу всех зовет
Вот который год!
И теперь призыв гудка
Дорог сердцу батрака:
Как к себе домой, идет
На родной завод.
Ожила сухая степь,
Байская забыта степь,
И дехкане свой же дом
Строят собственным трудом.
Ну, дробилка, крепче зубы.
Станут камни тебе любы,
И пусть радостнее взвезет
Быстроногий мой конвейер.
Веялка, вей
Пищу скорей
Домне моей!
Тысячеградусный пламень,

¹ Карсакпайский медеплавильный завод.

Точно масло, тает камень.
Нет усталых
и отсталых.
Рапортуй стране металлом.
Машет пламя языком,
Здесь упорный труд знаком,
Правит здесь один закон:
Красной меди — сотня тонн!
Цифры — птицы точно, рыщут:
Были сотни — станут тыщи!
И огонь сердец рабочих
Растопил седые ночи.
А казахская земля,
И заводы, и поля
Расцветут друзьям на радость.
Слов других теперь не надо:
Казахстан, наш Казстан
Выполнил ударно план!

I

На далеком на Дальнем Востоке
Густой, кудрявый лес растет.
Кабан там рыщет одинокий,
Зверье на водопой идет.
Мороз надвинулся трескучий,
Из хижин редких вьется дым,
И небо застилают тучи
Свинцовым пологом своим.
И катится от гор Алтая
Через бескрайнюю Сибирь,
Упругая и налитая,
Ручьи, как мать детей, сзывая,
Река — могучий богатырь.
И Ледовитый океан
Ей пристанью последней дан.
Богаче рек других на свете,
В своей подземной кладовой,
Давно в преданиях воспета,
Хранишь ты золото. Постой,
Твои я разгадаю тайны,
Достигну я желанных недр;
В упорстве в необычайном
Узнаю все. И станет щедр
Великолепный богатырь,
Прорезывающий Сибирь!

II

Вихрь нашей жизни силен,
Развеет тебя, как траву.

Кто в грядущее братски влюблен.
Пусть увидит его наяву.
И этот могучий вихрь
В Сибирь Темиртая занес,
На Лену. Затем он стих
Отстучавшею песней колес.
Золото здесь искал
Земляк мой, друг Темиртай.
Но золота вместо — оскал
Заснеженных труб... И лай
Унылых собак в ночи...
Лена, как прежде, молчит.
В барак Темиртая ввели.
Койку дали ему.
На мгновенье ночник зажгли..
Все погрузилось в тьму.

III

Спит он.
Темиртаю снится:
Чернобурая лисица
За руку его берет,
К золоту его ведет.
Груды золота лежат,
Радую батрацкий взгляд.
Точно скатерть-самобранка,
Вот он сам — директор банка —
На собрании сидит,
Золотым звонком звенит..
И... проснулся от звонка,
Ох, натерла как бока
Безматрачная кровать..
— Эй, сосед, пора вставать!
Темиртай глаза протер,
Выругавшись:
— Что за черт!
Ого-го! Как бы не так!
Видел банк, попал в барак.
Спецодежду получил,
Ломоть хлеба захватил..
Невеселою гурьбой
Горняки пошли в забой,

Кругом голова идет,
Шум и стук идут кругом.
И горняк, как будто крот,
Пласт копает за пластом.
С непривычки Темиртай
Жмет кирку:
— Куда попал?
Что мне делать? Ай, ай, ай!
Бедный Темиртай пропал!

IV

Ко всему человек привыкает.
Стал горняком и друг мой Темиртай.
Товарищей в труде опережая,
Он полюбил суровый этот край.
Бурил уверенно, взрывал гранит,
Так пусть о Темиртае песнь звенит.
Работал долго он... Хозяева жирели,
А Темиртай перебивался еле-еле.
Не разбирая племени, ни расы,
Сдружился с горняками крепко он:
Он понял, что рабочих братство
Единственно есть стоящий закон.
Росло рабочее негодование:
Хоть было в январе,
Но словно вешний гром,
Так грянуло рабочее собрание:
— Довольно нам терпеть!
К хозяину идем!
Загнали всех нас до седьмого пота.
А пища — скверная,
А денег — все нема!
Товарищи, бросай скорей работу! —
И разошлись.

Барак. Параша. Тьма.

V

Холодный ветер свищет.
Но двинулись в туман,
Третий день без пищи
Понявшие обман.

Собой покрыли поле,
В тулупах, в армяках.
За лучшую за долю
Направили свой шаг.
— Куда вы прете, черти?
Ступай назад!
— Мы не боимся смерти
Взглянуть в глаза!
— Ваши представители
В карцере сидят!
— Проклятые мучители!
— Осади назад!
— Против рабской жизни
Вышли мы на бой!
Пули вражьи брызнули —
Падает герой.
Кулаки зажаты,
Мечь кипит в глазах.
— Близок час расплаты,
Знай, жестокий враг:
Не позволим мучить
Товарищей своих!
Здесь буран могучий
На мгновение стих.
И на снеге белом
На Лене в первый раз
Маки заалели
Червонней, чем топаз...
— За нашу кровь заплатят! —
Промолвил Темиртай...
Пестрого халата
Был окровавлен край.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

(М...е)

О хрупкая, как стебель тальника,
не знавшая ни счастья, ни печали,
ты шла, не открывая тайника
очей твоих, чуть поводя плечами.

О дочь Мусайта, слову моему
доверила ты свой характер детский.
Я никогда, наверно, не пойму
поступок твой, застенчивый и дерзкий.

Так шли мы сквозь овраги и кусты,
и нам навстречу поднимался ветер.
Казалось мне — упрашиваешь ты,
чтоб я сказал: «Не бойся. Путь твой верен».

Он верен! И свидетелем тому
пусть будет незамазанная совесть.
Да, лжи не извинял я никому
и жил достойно, с подлецами ссорясь.

Я верным другом был друзьям моим.
С врагами был заносчивым и гордым.
Я отвечал пословицею им:
«В пути твоём питайся луком горьким».

Я предпочел достоинства души
всему тому, что украшает внешность.
Был верен путь. Мы до конца дошли.
И я твою благословляю нежность.

И все-таки — как это началось?
Мне друг помог. И я увидел это —
глаза твои и облако волос,
и разговора уловил я эхо.

Вы шли по лесу. И навстречу мне
он вел тебя. И трепетали листья.
Там, в этой зелени и тишине,
смущенные, сияли наши лица.

Дрожала ты. О, как дрожала ты.
«О господи,— сказала,— кто же это?»
Молчал я, и от звезд, от темноты
как будто дожидалась ты ответа.

Я прошептал так нежно: «Будь со мной»
что ветер сам не мог нежнее дунуть.
Потупилась ты бедной головой,
сказала: «Брат, позвольте мне подумать».

«Подумайте, подумайте, сестра»,—
ответил я печально и покорно.
Но с той поры — все ночи до утра,
все дни до ночи я не знал покоя.

И наконец — о счастье, о беда —
единственная, милая навеки
сказала мне: «Согласна!»
Никогда
не разлучат нас ссоры и наветы.

Пускай встает над нами утро. Пусть
на нас ложатся отблески рассвета.
Я говорю: был верен этот путь.
И я благодарю тебя за это.

1928

ЗОЛОТОИСКАТЕЛЮ

Далеко золото лежит,
Оно — в лесах, оно — в горах,
Оно запряталось от глаз
В невзрачных жилистых камнях.

Под сотней этажей земли
Таился камень сотни лет,
Но ты нашел его, нашел
И вытащил на белый свет!

В муку его ты размолот
И золотой песок извлек,
Недаром был затрачен труд,
Недаром был твой путь далек.

Народу золото даешь
Ты каждый день и каждый час!
Перед тобой лежит кругом
Земля, как золотой запас.

1929

НОВЫЙ ОТАУ¹

*Посвящается образованию автономной
Каракалпакской области.*

То рассыпаясь пеной белой,
То припадая, как змея,
То распустив по ветру гриву
И берегов грызя края,
Летит к Аралу сквозь пустыню,
Мутна от смытого старья,
Копытами срывая глину,
Кочевий мать — Аму-Дарья.

И ей, стремительной, на шею
На всем скаку упал аркан,
Аркан — плотина; присмирела
Река на поводу дехкан —
Пошла послушно по арыкам,
Сверкая в солнце. Мудрый план
Каракалпакских земледельцев
Аму-Дарье отныне дан.

От солища медные, дехкане
Не заарканили б волны
Седой кочевницы столетий,
Когда б не поняли: нужны
Пескам живительные струи...
В руках сверкают кетмени.
Поют сердца: большое дело —
Вершить судьбу своей страны!

Пески пустынь — не паразиты,
Как бай некогда... Они

¹ Новый дом.

Аму-Дарью сосут, как дети
Грудь матери своей... Взгляни,
Вот шелком расстелился клевер,
Вон в матовом стекле — огни
Кустов хлопчатника, а выше —
Пшеницы золото звенит.

Стреляй коробочками, хлопок,
Клонись, пшеница, до земли.
Вблизи Аму-Дарьи великой
Недаром вы весной цвели!
Полки колхозов и совхозов
Идут в соломенной пыли.
Полны до края урожаем,
Плывут комбайнов корабли.

На клеверных лугах пасутся
Отары собственных овец.
Лоснится по ветру каракуль,
Похожий на набор колец,
Стеблей и усиков растений...
Степь — в кудрях из конца в конец!
И вторит бубенцу барана
Соцветья легкий бубенец.

Когда бы власть Советов сотни
Каракалпакской детворы
Не обучила жить и строить,
И вольно зажигать костры
Пытливых, дерзостных исканий,
И брать природу в топоры,—
Ввек не покрыли бы пустыню
Зеленошумные ковры!

Приверженцы бежавших баев
Мешали нам вперед идти;
В ночах кулацкие лопаты
Нам рыли ямы на пути.
Но мы смели врагов презренных...
...Отау молодой, расти,
Живи по ленинским заветам,
Под солнцем партии — цвети!..

ПЛАЧ АРАБИСТОВ

*К переходу газеты «Энбекши-казак»
на сплошной латинский алфавит*

— Одним из имен Магомета
Было, как говорят, Ахмет.
И, верю такой согреты,
Тянулись сотни смуглых лет,
И тысячу и одно имя
Имел в веках седой аллах.
Ахатом звался меж другими
Он именами. И друзьями
Ахат с Ахметом были. Тот
Ахмету дал коран священный,
Дабы хранил он неизменно
Для правоверных сей оплот.
Чтоб изучить слова корана,
В ущелье гор ушел Ахмет.
Встречая боль и славя раны,
Он испытал так много бед.
Средь богатеев он нашел
Своих приверженцев, и быстро
В руках ша-ач-яры — министра...
Тогда взлетел зеленый шелк.
То было знамя газавата —
Войны священной. Покорил
Он все, от Тигра до Евфрата,
Иран, Аравию и Нил.
Среди песков, среди бурунов
Ахмет явился Байтурсунов¹

¹ А. Байтурсунов — казахский буржуазный писатель.
ние переводчика).

И, не возьми Советы власть,—
Царил бы над народом.
Он говорил: — Я дал алфавит
Своей стране, как Магомет.
Казахами я должен править!
И проповеди звонкой медь
Вот в эти дни проводит память.

Душил нас русский царь нещадно.
Восстали мы, долой царя!
Настал байрама краше праздник:
Аулы радостью горят.
Муллы и баи, аксакалы
Клялися вязью букв, значков:
— Под наше знамя, старый, малый!
Мы победим большевиков.
Гляди, как знамя зеленится,
Смелей вперед! Руби врага!
Создали мы свою столицу,
Была святой алаш-орда!
В боях нам помогал Колчак.
Истекши кровью, он зачах.
Тогда пошли мы тихой сапой,
Проникли в школы и печать.
Но дело наше было слабо:
Навеки надо замолчать.
Большевиков крепчала сила,
Дехкане сами взяли власть.
Алфавит наш лежит в могиле.
И скоро нам в нее упасть!

ЗДРАВСТВУЙ, МАЙ!

1

Здравствуй, Май,
Товарищ мой давнишний,
Веселый спутник юности моей!
Играют встречу яблони и вишни,
И лучшей песней дарит соловей.

И я пою
Ту песню, под которой
Шел человек сквозь темные века,
Напевом грея ледники и горы.
Леса и пастбища материка.

Ты помнишь, Май,
Как на пологих склонах
Я расстилал каракуль бороды,
Чтобы овес в метелочках зеленых
На зорях славил майские труды.

В пустых песках
Я рыл тебе арыки —
И шахматной доской из края в край
Легли поля... Мой спутник солнцеликий,
Тебе — мой заступ, труд и урожай.

Покров земли
Стал радостен и ярок,
Стал на ковры персидские похож.
Прими, товарищ, мой простой подарок.
Кто скажет, что подарок нехорош?!

Вот я пою
В дни твоего рождения,
Я прославляю песнями тебя,
Твою походку, рост, сердцебиенье
И молодость твою любя.

Добро пожаловать!
Шуми в сердцах, в березах,
Труби на речках, травы шевели.
Сияй в цехах, на шахтах и в колхозах,
Желанный, самый лучший гость земли!

2

Товарищ Май,
Природа с колыбели
Учила нас на солнце проращать.
В часы недуга тихо у постели
Дежурила, как ласковая мать.

Я, видно, все же
Самый беспокойный,
И ей со мною ладить нелегко.
Мне мало, что, звеня, течет в подойник
Душистое парное молоко.

Оно доступно,
Право же, любому.
А я — с далеких детских лет пытлив;
Прислушиваюсь к тишине и грому,
Свои мечтанья
Мыслью окрылив.

Я — непоседа,
Я ишу и рыщу.
Под облаками и в земных пластах
Я нахожу для звонких песен пищу;
Моей строке совсем неведом страх.

В огне борьбы
Сжимаюсь, как пружина,
Сквозь дым я вижу солнце впереди.
Я верю в мощь народа-исполина,
В судьбу моей Отчизны... Погляди —

Текут полки рабочие
С окраин,
И я, как знамя, поднял песнь мою.
Я — сын земли, и я — ее хозяин,
Поэт и каменщик — иду в строю!

3

Природа-мать,
Ты помнишь злое детство?
Ты часто ночью плакала над ним...
Оно росло среди обид и бедствий
Щенком забитым и почти слепым.

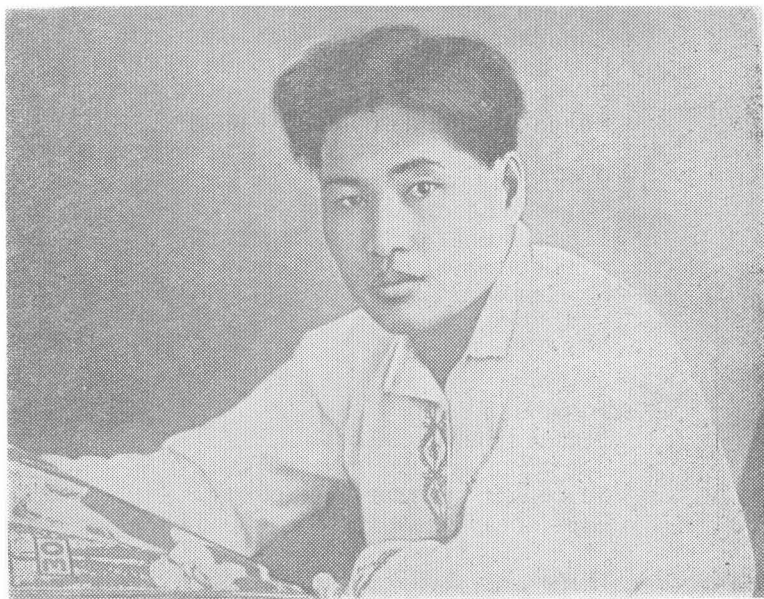
Все в синяках
От злости толстых баев,
В кровоподтеках от шипков муллы,
Дрожало, никогда не согреваясь,
Больное детство, тыкаясь в углы.

Нас в юности
Душили богатеи,
Бараном был трудящийся для них.
Веревки мыльные для нашей шеи
Всегда лежали в ханских кладовых.

Но мы порвали
Цепи и веревки,
И в Октябре зажгли большой маяк.
Трудящимся мы роздали винтовки,
И давний враг разгромлен был в боях.

Пятнадцать лет,
Как сабли отсверкали:
Страна Советов крепче, чем гранит.
Товарищ Май, на нашем пьедестале
Звезда пятиконечная горит.

Мильоны ламп
Горят в полночной стыни,
И провода горят из края в край.
Покрыты сплошь созвездьями густыми
Урал и Ала-Тау, и Алтай.

Сабит Муканов — 1928 год.

В своей земле
Справляемся без ханов.
Нет сил таких, чтоб задержать разбег!
И покорились большевистским планам
Волна Днепра и степи, и Казбек!

В моей стране —
Навечно власть Советов.
Весна ломает ребра льдистых призм.
Прибоем электрического света
Ночь залита... У нас — Социализм!

4

Товарищ Май,
В день твоего рожденья
Все песни лучшие мы принесли тебе.
Мы знаем, что твое сердцебиенье
Все — безраздельно — отдано борьбе.

И мы
Не только радуемся птицам,
Не просто смотрим на твои сады,—
Мы в этот день на площадях столицы
Крепим свои рабочие ряды.

Пусть за границей
Воют озверело
Псы бешеные гитлеровских свор...
...Бессмертен тот, кто пал за наше дело,
Кто встретил смерть, как большевик, — в упор.

Я —
Гражданин Советского Союза —
Хочу (правительство, прости меня!),
Чтобы моя промасленная блуза
Была прошита нитками огня

На баррикадах
Старого Берлина...
...Волнуется народный океан,
Ведь ночь и день фашистская машина
Штампует смерть рабочих и крестьян.

Мир
Порохом пропитан до отказа
И сыпью лихорадочной покрыт.
У Лиги Наций на лице — проказа;
На складах Лиги — в бочках — динамит.

Злой дух войны
Летит в крутом вираже.
Открыт баллон. Течет горчичный дым.
Но мы — за мир. За жизнь. И мы — на
страже.
И мы врагу ни пяди не сдадим!

5

Товарищ Май,
В ряды рабочих армий
Я призван вместе с песней боевой.
Я — знаменосец, большевик, ударник,
И я — горнист, сзывающий на бой.

В руках с оружием
Мы врагов изгнали
С просторов отчей трудовой земли
И на ветру — на горном перевале —
Звезду пятиконечную зажгли!

В любой стране
Она видна под вечер.
Ее хранит республика труда —
Мать всех народов, языков, наречий
Трудящихся «Великая Орда».

Сегодня мы
Подводим вместе с Маем
Всем неполадкам и победам счет.
Мы тем сильны, что нашу землю знаем,
Как знает мастер свой родной завод!

* * *

Товарищ Май,
В день твоего рожденья
Все песни лучшие мы принесли тебе.

Мы знаем, что твое сердцебиенье
Все — безраздельно — отдано борьбе.

Добро пожаловать!
Шуми в сердцах, в березах,
Труби на речках, травы шевели.
Сияй в цехах, на вахтах и в колхозах,
Желанный, самый лучший гость земли!

ПАРАД

Проснулся я под звуки барабана.
Был прерван сон в седьмом часу утра.
Рассвет за легкой пеленой тумана
Качался над булыжником двора.

На улицу, одевшись, быстро вышел...
Бранил природу — почему она
На мостовой, на тополях, на крышах
Раскинула отрезы полотна,

Скрывая птиц весеннего восхода...
...И вдруг, как бы поняв мой гнев,
Уплыл туман, полоска небосвода
Над головой сверкнула, засинев.

На ясном плюше, темносинем, ровном,
Как вытканное золотом лучей,
Под звуки труб всходило солнце, словно
Творенье рук неведомых ткачей.

Гремел оркестр, марш нарастал, он рвался,
Как сильный парус из упрямых рук.
Казалось, что мои звенели пальцы,
Казалось, сам я превращался в звук.

Так смейся, солнце! До заката смейся!
Еще вдали вечерняя заря...
...Под марш Буденного идут красноармейцы,
Колхозники, шахтеры, слесаря.

Идет страна... Вдруг — что это такое? —
На берег улиц хлынула волна,

И белыми барашками прибой
Ко мне подкатывается она.

«Ура»! — кричу. Счастливую дорогу
Уже с утра наметил я себе...
...«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в **борьбе**...»

Поют матросы. Эта песнь любима,
Знакома издавна; ее я пел
В былые годы, средь огня и дыма,
Когда в стране жестокий бой кипел!

Ряды прошли. Вдали взметнулось пламя —
Плескал кумач по голубым клинкам.
То — кавалерия. Алеет знамя.
Ряды стройны, и нет числа коням...

Похожи пики на густую рощу,
Над ней зарею льется небосклон.
Мне кажется, что вышел лес на площадь
И вспыхнул сразу с четырех сторон!

Идет конармия под звонкий цокот.
Она в боях добыла трудный мир.
И самым первым на коне высоком —
Конармии бесстрашный командир.

Скаун под ним, напористый, грудастый,
И улица звенит под ним, как мост.
Играет мускулами часто-часто.
Не конь — огонь; скачи до самых звезд!

А позади сомкнулись эскадроны.
Звено к звену. Нерасторжима цепь!
(В гражданскую их так же вел Буденный,
Тугим кольцом охватывая степь).

...Потом пылят (Сабит, очнись скорее!)
Князей кибитки, сданные в музей?!
Приблизились... Нет, это батареи,
Направленные против всех князей!

За ними вслед, зеленовато-серы,
Распарившись на солнечном огне,—
Чудовища палеозойской эры,
Их лапы скрыты в кольчатой броне.

Одни из них похожи на верблюда,
Другие — на гигантских черепах.
И, растерявшись от густого гуда,
Насквозь бензином ветерок пропах.

Открылась тихо броневая дверца,
Я земляка увидел своего.
— Что за машины?
— Это наше сердце,
Броневики и танки...
— Для чего?
И он сказал:
— Когда клыки медвежьи
Ощерит враг, чтоб нашу землю рвать,
Их и на самом дальнем побережье
Сумеем, будь уверен, обломаты! —
Закрылся люк. Бегут автомобили;
На них — с винтовками — сидят бойцы.
А помнится, шагали мы по пыли,
Нас не пугали дальние концы.

Слабели ноги, и клонила дрема...
Теперь не то: везут машины всех,
И никакие трудные подъемы
Размеренный не остановят бег.

И отчий дом от вражеского дыма,
От грабежа мы защитим в бою.
Мы отстоим республику свою...
Да, наша армия непобедима!

Вдруг облака приходят в содроганье:
Густые стаи на Москву летят
Под самым солнцем... И мое сознание
Ведет меня на много лет назад.

Припомнилась молитва из корана,
Что я зубрил в потемках детских лет;
В ней тонко, ядовито и пространно
Людей запугивает Магомет:

«Давным-давно взорвал терпенье бога
Народ, в грехах погрязший,— кураиш.
Он ангелами был наказан строго:
Сгорел хибарок высохший камыш.

Те ангелы, набрав камней в подолы,
Вдруг стали трижды демонов лютей,
Побили насмерть нищих, полуголых
Мужей и жен, и старцев, и детей...

Шум близится. Невиданные птицы!..
...В семье пернатых всех сильнее орел.
Он, камнем падая на мех лисицы,
Гортанным клетотом тревожит дол.

Орел — гроза в небесном бездорожье...
Но птицы над Москвой с орлом не схожи
По клетоту, по росту, по крылу...
До них никак не дотянуть орлу!..

Они летят в порядке журавлином,
Над майскою Москвою серебрясь,
А впереди, хвостом качая длинным,
Плывет по стрежню голубой карась.

На небе — рыба? Рыба над домами?!
Легенда «Чубар-Тас» воплощена!
(Там рыбы ходят горными тропами,
Когда к волне склоняется луна...)

Мне кажется, вослед за эскадрильей
И я срываюсь... Поплыла земля.
Перед глазами крылья, крылья, крылья...
Сильнее газ! Вперед! Вдруг вижу я:

Мне машут с ближнего аэроплана;
То — Малдыбаев, сверстник мой Ахмет.
— Здорово, друг! Давно ль из Казахстана?
Давно ль пилотом сделался поэт?!

Мои слова схватил с налету ветер.
Ахмет, кивнув, улыбкою ответил;
Была она спокойна и ясна...
Внизу плыла Советская страна.

ТОВАРИЩ БУДЕННЫЙ

Морской грядой, то синей, то зеленой,
То алюминиево-голубой,
По Красной площади идут миллионы;
Пред мавзолеем пенится прибой.

В раскатах трубных — мужество героев;
Они — на вахте солнечной земли,
Чтоб мог народ учиться, мирно строить,
Чтоб помешать враги нам не смогли.

...И я шагаю в армии миллионов,
И вдруг тебя внезапно узнаю,
Водитель конницы, Семен Буденный,
И чувствую стремительность твою.

В сраженьях был ты для врагов грознее,
Чем лев для лани, для дерев — гроза.
Ты жег дотла! Недаром пламенеют
Двумя кострами зоркие глаза.

У правого бедра — наган-товарищ,
А слева — шашка, и на ней рука.
Закалено в огне больших пожаров
Твое оружие большевика.

Ты, улыбаясь, машешь нам рукою.
А на груди — повзводно — ордена.
Могучим шагом, чуждая покою,
По Красной площади идет страна.

Глаза влажны. Не «бабьи слезы» это.
Но слишком гулок сердца был удар.

И ты сегодня извини поэта,
Прости его, товарищ командарм!

* * *

Давно укрытые земной корою,
Но вызванные памятью моей,
На миг воскресли давние «герои»
На побережьях высохших морей.

И вижу я хромого Тамерлана;
С ним Кахарман, Рустем, Азрет-Али
И тени Чингис-хана и Достана,
Наполеона... Войнство земли!

«Герои» эти жгли Восток и Запад,
Топтали Север и громили Юг.
На их руках, как на звериных лапах,
Засохла кровь детей, мужей, старух.

* * *

Герои наши — сыновья народа,
В груди у них — бесстрашие орла.
Их в правый бой вела сама свобода,
И стали песней славные дела!

И мы поем в Отчизне обновленной
Свою любимую (Лети, мой конь, храни!):
«И-эх... конная Буденного
Раскинулась в степи...»

Большая жизнь! Полвека за плечами.
Но крылья молоды, душа закалена.
И если вспыхнет боевое знамя,—
Тебя перед победными полками
Увидит вновь советская страна!

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОСЕНЬ

Шестнадцать лет
Живет, цветет страна,
Чья осень каждая —
Как ранняя весна.

Так здравствуй, большевичка молодая.
И в ясный день рожденья твоего
Прими в подарок песнь; она простая,
Она — родник из сердца моего.

Твоим теплом теплы слова поэта,
Твоей зарей знамена зажжены.
Октябрьским солнцем ласково согреты
Фабричный дым и нежный смех жены.

Прости, родная, если я припомню
Весну другую, мачеху-весну:
Она швыряла нас в каменоломни
И вешала на ближнюю сосну.

Она тарантулом впивалась в губы,
Нагих, бездомных в каторгу гнала.
Смеялась вслед. Ей, видно, были любы
Жестокие, кровавые дела.

Руками беспощадными за шсю
Хватала и душила. Я синел.
Но я не знал, как мне бороться с нею,
И слова против вымолвить не смел.

К себе простоволосая кликуша,
Скосив глаза, раскрыв беззубый рот,

Скликала беков, баев, всех, кто душит.
Кто обирает, мучает народ.

В семнадцатом ее Октябрь прикончил!
И ты взошла на гребень баррикад.
Твой смелый смех балтийских льдинок звонче.
Когда весна их гонит на Кронштадт.

Твоими первыми словами были:
— Я большевичкой выросла в борьбе.
Зажжем мы солнце, чтоб лучи светили
Всем, кто борьбу избрал в удел себе!

И с той поры с тобой мы неразлучны,
И, верю, вечно так мы будем жить,
И, что ни год, дружнее жить и лучше,
И нас уж никому не разлучить!

Так и растем мы — вместе со страной,
И небеса все голубее, чище.
Пройди, подруга, по стране родной
И посети рабочие жилища.

Иди в аулы и колхозы; там
По-новому дехканину живет.
Степнячка, что доверилась мечтам,
Ждет с песней тракториста у колодца.

Имена и ханские дворцы
Мы заняли... Вот это перемена!
В своих огнистых галстуках юнцы —
Детишки наши слушают Шопена.

Ты на площадки, в ясли загляни,
Взгляд удержи на материнских лицах.
Смех юности послушай, что звенит
На зависть нашим самым певчим птицам.

Ты посмотри, подруга, в закрома:
Там просто горы золотого хлеба.
Коровники утеплены... Зима
Нам не страшна, когда нагрянет с неба.

Народа неустанная рука
Плотины строит, школы и заводы,
Взвивает стратостат за облака
И на воду спускает теплоходы.

Она ласкала и тебя, сестра,
Как яблоню на утреннем откосе.
С тобою потеплели вечера.
Сторонкою идет, сутулясь, осень...

Цвети и пой! Но забывать нельзя,
Что время битв еще не миновало.
По всей земле живут твои друзья,
Но и врагов живет еще немало.

Ты не боишься? Да, ты прав, мой друг.
Не бойся их — они тебя пугают.
Винтовок верных никогда из рук
Твои защитники не выпускают.

Ученьем Ленина страна озарена.
Нас партия ведет вперед, и это
Порукою, что не свернет страна
С великой магистрали пятилеток.

Мы до конца сумеем пронести
Октябрьский стяг, что освящен борьбою,
Шестнадцать солнц встречало нас в пути,
Шестнадцать солнц, добытых нами с бою!

ВУЛКАН

1

Гудит, гудит котел земли,
Когда орудие гремит,
Когда, как молния, снаряд
С налету глину, камень жжет.
Когда, шипя, летят в зенит
Руда, гранит и корневища
И, как вулкан, воронка свищет.—
Тогда, застигнутый в пути,
О дивной силе огневой
Прохожий сыну говорит.

Такой же (много лет назад)
Снаряд, таящий страшный жар,
Пролетарьяту всей земли
Дал в руки Маркс... И грохнул взрыв!
Хоромы королей и бар
Летели к тучам!.. Закаляли
В огне борьбы полоски стали
Полки рабочие. Врага
Без промаха и насмерть — в грудь —
Разить учился коммунар.

2

На крыльях ветра лоскуты
Огня занесены в Париж,
Берлин и Лондон... Глобус весь,
Смолой пропитанный, горел,
Переплавляя ребра крыш!..

...Для синеглазых армий мира
Борьба сковала командиров:
Нас Ленин мудро в бой ведет!
Заря рабочих и крестьян,
Ты, что ни день,— сильнее горнишь!

3

Социализм дворцом труда
Сияет на одной шестой
Планетной суши. Наш союз
Корчует, плавит, гонит рост;
Степь кроет сетью поездной...
Ревет вода в большой турбине,
А провода бегут в пустыне:
На медных сучьях — гроздь лун.
Здесь — хлопок вату распушил...
Другая жизнь! Другой покрой!

Идут с конвейера гуськом
В поля комбайны, трактора,—
Мощь техники — и гонят прочь
Гнилую упряжь, дедов клин.
Ты скреб его сохой вчера...
...Смотри: мы пашем тракторами,
Посев у нас — один, как знамя,
Как труд... Остатки кулаков,
Их корни из колхозов всех
Метлой каленой — со двора!

Товарищ Маркс, твои слова
Под солнцем и дождем шумят,
Взращенные крутой весной
Страны Советов... Посмотри:
Вон домны выстроились в ряд;
Вон «Дзорагэс» раскинул звезды;
«Турксиб» гудками режет воздух!..
Наш курс — на огневой маяк,
Тобою поднятый... Вперед!
Вперед! И ни вершка назад!

Полвека, как кипучий мозг
Погас, и замерло в груди
Большое сердце... Умер Маркс!
Смолк океан под вечным льдом!
О песня, тише... Нет, гуди!
Тебе дает простор и силу
Вулкан, закопанный в могилу, —
Зови на бой!... А ты, поэт,
Учись винтовку заряжать —
Всем хватит дела впереди!

КАРАГАНДА

Песня первая

Сказали мне: «Караганда.
Раз ты поэт, твоя забота —
спешить туда, спешить туда.
Там жизнь. Там правда. Там работа».

Езжай. Взгляни на эту ширь.
Взгляни на руки человечьи.
Взгляни, как этот богатырь
могучие раздвинул плечи».

И я поехал. Поезд звал
меня гудком тем деловитым.
Я многих скакунов седлал,
но краше этого не видел.

Но я опаздывал. Все пуще
я горевал. Было темно.
И вдруг меня позвал попутчик:
«Поэт, а ну взгляни в окно».

О, никогда я не забуду:
ночь, паровозов голоса
и час, когда смотрел я чуду
в его чудесные глаза.

Там был простор. Простор был светел.
Огней прекрасных череда.
Спросил я: «Что это?»
Ответил
попутчик мой: «Караганда».

Песня вторая

Я сладко спал. И вдруг услышал грохот.
Мне показалось — обвалился дом.
Что делал этот незнакомый город?
Спросонок огляделся я кругом.

На улицу я вышел. И далекий
тот шум исчез. Я на небо смотрел.
Навстречу мне шел человек высокий,
белел зубами и лицом чернел.

Спросил я: «Кто ты будешь? И средь ночи
зачем идешь по улице пустой?»
Он мне сказал: «Я человек рабочий.
Со смены возвращаюсь я домой».

«А ты не скажешь, что это за грохот?»
И просветлело вдруг лицо его.
Он отвечал мне сквозь веселый хохот:
«Да динамит — и больше ничего».

Он рассказал мне просто, деловито
о технике. Он мне глаза открыл.
Он говорил о силе динамита.
О силе человека говорил.

Наутро рано вышел я из дому,
исполненный любви и доброты,
смотрел я в шахту, как в глубокий
встав на краю тревожной высоты,

А в городе все пело, все сияло.
Он был огромным, чистым, золотым.
Душа моя тот город обнимала,
и город становился мне родным.

Он щедро заполнял собой пространство,
он заслонял другие города.
И я сказал взволнованно, страстно:
«Благодарю тебя, Караганда!»

Песня третья

Спустились мы на дно.
Мы шли в тоннеле.
О, я увидел это наконец!
Но своды надо мною не темнели.
Они светлели. Это был дворец.

Дворец труда. Таинственный. Суровый.
В нем все гремело, проносилось вдаль.
Я с радостью возвышенной и новой
за мощной его жизнью наблюдал.

Здесь, под землею, я увидел корни.
Но если корни здесь твои, тогда
пускай шумят заводы — твои кроны,
торжественное дерево труда.

Стоял там парень. Ах, как тело радо
работать! Как лицо его горит.
И понял я: строптивый нрав урана,
он покорит. Конечно, покорит.

КРАСНАЯ КАЗАНЬ

*Татарии, большевистскими темпами
выполнивший план весеннего сева.*

I

Эфира океан однообразен.
Клубятся волны. Океан течет.
Лишь молния сверкающая разве
Его прорежет огненным мечом.
Тем океаном человек владеет,
Пытливый ум его сюда проник.
Слова помчались в ночь, в туман; смелее
Полился речи радостный родник.

II

Минула полночь. Форточка открыта.
Весна. Душистый льется аромат.
И небо северное звездами изрыто,
А рядом — Красной профессуры сад.
Я занимаюсь. День давно оставлен,
Впрызаться в книги буду напролет
Всю ночь, пока в распахнутые ставни
Не брызнет свет... Но, чу, меня зовет
Какой-то слабый голос. Радиоприемник
Прекрасную, как ранняя гроза,
Кидает весть: «Колхозные деревни,
Совхозы, МТС...»
То говорит Казань...
Весенний сев закончен большевистски!..
Мужай, мой друг-перо, помчись, как выстрел,
Победы песнь — мой взвихренный салям —
Крутым поволжским берегам!

Сверкай же, песенный полет,
Звенеть я не устану.
И каждый друг меня поймет:
Гордимся Татарстаном!
Крепчай, зажиточный колхоз,—
Путь генеральной линии —
К социализму верный мост...
А враг разбитый вылинял.
Но расцветут твои глаза,
Великолепная Казань!
Пуская Тукаев ¹ говорит:
— Мунлы — угрюмая Казань.
Сабит Муканов говорит:
— Нурлы — лучистая Казань!

1933

Т у к а е в — татарский буржуазный поэт.

НИКОЛАЮ ОСТРОВСКОМУ

Родился он в буре и пламени.
Пред дерзкою силой ума,
пред крыльями мощными, плавными
стихает и буря сама.

Прекрасное дело ли, слово ли —
все это открыто ему.
Что крылья высокие сломлены —
он не сказал никому.

Всегда подпирал он тяжелое,
и там, в темноте, по ночам,
зеленое, красное, желтое
являлось закрытым очам.

О руки, вы не были лишними.
И он со своей высоты
прозрачными добрыми ливнями
деревья поил и цветы.

А жизнь задевала, тревожила,
гнала наступившую тьму.
Он был золоченым треножником,
О небо, котлу твоему.

Так жил он, в суровости, в радости.
Потом, когда буря прошла,
он стал очертаньями радуги,
которая в небе светла...

1934

МАЙСКАЯ ПАСТУШЕСКАЯ ПЕСНЬ

Доярка — мать. Пастух — отец. И тонко
Я плакал в зыбке, ими позабыт;
Смолкал, услышав голосок ягненка,
Шаги веселых маленьких копыт.
Овечья шерсть и зыбка — по соседству.
Глаза ягнят и ржание коня...
Так началось мое степное детство,
Так жизнь кочевий встретила меня.
Я подрастал. Встал на ноги. И нужен
Мне был товарищ, сверстник для игры.
И в поисках — двухлетний, неуклюжий,
Я шел в загон овечьей детворы.
Колючка злая за ногу зацепит —
Сочится кровь...
Седьмой апрель потух...
Уж я работаю. Оглядываю степи,
Пасу ягнят — и я теперь пастух.
Ступни изранены. Бегу, глотая слезы,
За стадом вслед. Пастух, не отставай!
Над головой твоей висят угрозы,
Гремят проклятия...
Жесток и страшен бай.
Мне в десять лет доверили баранов.
С зарей встаю.
Росой весь мир покрыт.
Мне стадо кажется в тумане тучей странной,
Огромной тучей с сотнями копыт.
...Цвели в степях и опадали маки.
В пятнадцать лет я пас уже коров.
И все сносил с покорностью собаки,
Не смел сказать «устал» или «нездоров».

Те дни прошли.
 Но лишь глаза закрою —
 Былое вновь встает передо мною.
 ...Зима. Безлюдье. Снег январский валит.
 Летят метели, и буран свистит.
 Мороз рычит и злобно зубы скалит.
 Сверни с пути, поберегись, джигит!
 Метет и выюжит. Лошадь бьет копытом —
 Под снегом спит осенняя трава.
 А в смутном мире, индеею покрытом,
 Одна лишь смерть по-прежнему права...
 Не спи, пастух! Табун оберегая
 От волчьих стай, живучим, зорким будь!
 Храни, пастух, богатства злого бая,
 Снегам и смерти подставляя грудь.

* * *

Я никогда до кровянистой жижи
 Седлом коню не растирал спины.
 Люблю коня, а бая ненавижу,
 Мои по праву эти табуны!
 Я с ними рос. Мы голодали вместе,
 Мороз и жажда были пополам.
 Октябрь развеял байские поместья,
 Все табуны он отдал пастухам.
 Но враг труслив и осторожен очень.
 Кулацкий нож всегда вредить готов.
 Хозяин бывший под покровом ночи
 Кобыл порезал, заколол коров.
 Он заплатил мне страшной, черной платой
 За долгий труд, за черствый хлеб с водой.
 Он погубил мои стада, проклятый!
 Как трус-цакал он поступил со мной.
 И мы дрались, по фронту наступая,
 Под зорями ковыльной стороны,
 От злых ножей, от мертвой хватки бая
 Богатые спасали табуны.
 Наш вождь стране себя по капле отдал —
 Батыр бесстрашный с зоркостью орла.
 Ни волк, ни бай и ни предатель подлый
 Не стащат нас с высокого седла.

Трахомный быт, уродливый и старый,
В степь не придет — переменялись дни.
Гуляйте, вольные колхозные отары,
Бубенчик мой залиvistый, звени!
Я должен быть к мычанью телок чуток
И различать по голосам коней;
Четвероногих охранять малюток,
Беречь их, словно собственных детей.
Вот я присел на теплом сером камне,
Мой слух приучен с детства к бубенцу,
И партия доверила стада мне:
Коня, корову, каждую овцу...
Пляши, ягненок! Прыгай на здоровье!
Ну как втолкуешь глупому тебе,
Что бурный рост и сила поголовья
Нам помогают побеждать в борьбе!
Скачи, мой конь с серебряною челкой!
К зиме, овца, нагуливай бока!
Я вас спасу от джута и от волка,
От злых ножей шакала-кулака.
Я не усну, отары охраняя
В своей степи от зорьки дотемна.
Так я сказал. Свидетель — солнце мая
И радужных небес голубизна!

1. Урал

О солнечный, о ледовитый,
на крыльях реющий Урал!
С какой осанкой деловитой
встаешь ты рано по утрам.

К ручьям я принимаю жадно,
на дне их камушки видны.
Утолена степная жажда
прозрачным холодом воды.

Я удивлен. Я так растерян.
Как громки птичьи голоса!
Дремучие глаза растений
заглядывают мне в глаза.

В ладонях нежишь драгоценность
причудливых твоих камней.
Завидую тебе, о, цельность,
о, строгость выправки твоей.

Урал, твои обильны недра,
Таинственны и глубоки.
Мне кажется, что это небо
касается моей щеки.

Хочу, чтобы цветы летели
смеяться, пить твою струю.
Ты весь — счастливые качели,
и на качелях я стою.

Ты весь проносишься, как танец,
покачиваешь головой.
И всех своих прекрасных таинств
ты не скрываешь предо мной.

2. Из истории Магнитной горы

Мне говорили, что когда-то
здесь на горе один казак
остановился в час заката
и двинуться не мог, чужак.

Как будто с ним гора играла
и, чтобы он уйти не мог,
она в себя, в себя вбирала
все гвозди из его сапог.

Отяжелели его ноги,
надолго приросли к земле,
и сбился тот казак с дороги
и поднял панику в селе.

Поп долго говорил о чем-то
ночной порой, глухой порой,
и жаловался он на черта,
что спит под этою горой.

Он говорил: «Когда начнется,
когда обрушится гроза,
тогда нечистый дух проснется,
откроет желтые глаза».

Тот поп стал богатеem разом.
Но новая пришла пора,
и вот проснулся светлый разум,
и снова ожила гора.

И среди этого простора
нет больше страха, нет беды.
О, чудо доброе, простое!
О, власть всесильная руды!

Горы могущественной тайна
меня манит к себе, манит.
И вот я здесь. И не случайно
влечет меня ее магнит.

3. Поток

Я много чудес испытал
вдали от родимого дома.
Я видел, как щедро металл
дарила огромная домна.

Я видел разумный огонь.
В нем — правда моя и свобода,
Глаза прикрывала ладонь,
как будто во время восхода.

Мне был по душе этот труд,
движения мощные звуки,
и мощные дымы из труб,
рабочего мощные руки.

Веселому парню тому
Завидовал я, сознавая,
что все же перу моему
сродни эта сталь огневая.

Сказал я себе: ничего,
смешались в едином потоке
работа моя и его.
И я написал эти строки.

1935

МОРСКАЯ ГАДЮКА

Рыщет в море, жертвам рад,
Остромордый серый гад,
Губит встречные суда.
Но напасть на стража мира,
На советского батыра,
Не дерзал он никогда.

Рыщет в море, копит яд
Остромордый серый гад,
Злобой, страхом обуян,
Ядом весь по горло налит,
Но батыра он не жалит...
Отравить бы океан!

Рыщет в море, жертвам рад,
Остромордый серый гад.
Все за мелочью шныряет!
Неусыпно грозным взглядом
Все следит батыр за гадом,
Как под воду ни ныряй.

Рыщет в море, копит яд
Остромордый серый гад,—
Он, пират, на все готов.
Только нет ему удачи:
Ой, киты Советов зрячи,—
Страшно разъярить китов!

Рыщет в море, копит яд
Остромордый серый гад,
Вынырнет то здесь, то там.

Сабит Муканов — 1929 год.

Все наглест хищник дерзкий,—
Гад прожорливый и мерзкий
Подбирается к китам.

Рыщет в море, жертвам рад
Остромордый гад-пират...
Осторожнее, бандит!
Тварь презренная! И в море
Ты найдешь погибель вскоре!
Надо знать, что — сельдь, что — кит!

ДЕНЬ КОЛХОЗНОГО АУЛА

Ночь бархатная на простор легла
И в небе звезды крупные зажгла.
Со стариком, комбайны стерегушим,
Моя беседа в тишине текла.

Старик Кенбай, как щедр он на слова!
За мыслью поспеваю я едва;
Бесценный клад легенд, преданий, сказок
Хранит его седая голова.

Его рассказ — как родника струя,
Как звон осок на берегу ручья.
Старик Кенбай неутомим в беседе,
Как в беге сказочная Желмая ¹.

Я слушаю рассказы старика.
Они, как мед, но жажда велика...
Ночные птицы, табуны и звери
К нам, мнится мне, спешат издалека.

Гогочут гуси, фыркают козлы,
И лай собак доносится из мглы,
Да слышен вой тоскливый и далекий,—
То бродят волки, голодны и злы. .

Сиянием луны озарены,
По травам движутся степные табуны,
Овец отары... От хлебов созревших
Их куруками ² гонят чабаны.

¹ Желмая — сказочная быстроногая верблюдица.

² Курук — пастушеский кнут.

Гуляет молодежь. Свободно и легко
Плывет на крыльях песня далеко.
Заря, как занавес, покрытый позолотой,
Взвилась в порывах ветра высоко.

Я вижу, солнце с огненным пером
Плывет, как лебедь, в небе голубом,
Окутанное утренним туманом,
И все сверкает, искрится кругом.

Мне к сердцу струны протянул восток,
Лишь только струны тронет ветерок —
Чудесный кюй¹ на сердце возникает,
Благоухая, как степной цветок.

Все на земле затрепетало вдруг.
И чистым стал струны волшебный звук.
Звук нарастал, летел заре навстречу
И уносил на струнах сердца стук.

Проснулись шумные ватаги птиц,
И слышно ржанье быстрых кобылиц.
Колхозники выходят на работу
Туда, где гаснут сполохи зарниц.

Не спал всю ночь рассказчик мой Кенбай,
Всю ночь колхозный он стерег комбайн.
Он зорок был, как верный пограничник,
Поверил мне сердечных много тайн.

Комбайнер наш нарушил разговор,
Он был в работе опытен и скор.
Любовно осмотрев свою машину,
Повеселел он, солнцем вспыхнул взор.

Он покорял веселостью ребят,
Отважным был и смелостью богат.
Красноармейцем осенью он станет
И в пограничный он пойдет отряд.

Сокровища природы он берет,
Когда комбайн среди полей ведет.

¹ К ю й — мотив, мелодия.

Красноармейцем в битве за Отчизну
Врагов он ненавистных разобьет.

Земля разгоряченная гудит:
То, оставляя след стальных копыт,
Бежит, как конь храпя, могучий трактор,
И управляет трактором джигит.

Конь за собой в поля комбайн повлек
По золотому полю без дорог.
Хлеба шумели колосом тяжелым,
Чуть волновал их легкий ветерок.

Как ледокол, бортами лед дробя,
Путь проложил комбайн для себя.
Он стриг посевы, словно шерсть овечью,
Созревшие колосья теребя.

И след остался... Точно караван
Прошел в степи, смятением обуян,
Вокруг летала жесткая мякина,
Как душный и свинцовый ураган.

Зерно потоком горным потекло,
Холмы соломы свежей намело.
Пшеницей пятитонки нагружают,
Чтоб отвезти в колхозное село.

— Полней зерном машину нагружай.
У нас добротный нынче урожай,
Вези его в амбары государства.
Ни зернышка в дороге не теряй.

Пахать в колхозе — предвесенний той¹.
Засеять поле — наш весенний той.
И летний той — когда цветет пшеница.
И урожай собрать — осенний той.

Но лучший той — сдавать нам урожай
Любимой родине, где уничтожен бай.
И справим мы колхозный той на славу,—
Так говорит с улыбкою Кенбай.

¹ Т о й — праздник, торжество.

Колхозникам по сердцу был наказ:
Кенбая уважают... В добрый час
По гладкому шоссе машина побежала,
И следом пыль косматая взвилась.

Как легендарный быстрый Тайбурыл¹,
Что землю кованым копытом рыл,
Мчался грузовик... Большие расстоянья
Он с малым расстоянием породнил.

Над полем — золотой полдневный зной.
Поет комбайн, зерно течет струей.
Не утомит колхозников работа,
Они живут единою семьей.

Они ведут веселый разговор:
— Комбайны вождь прислал в степной
простор...

Ведут комбайны по хлебам батыры.
Они сильнее стали с этих пор.

Когда вспорхнул вечерний ветерок,
Убрал комбайн дневную норму в срок.
Где колыхалось золотое море,
Ковер колючий под ногами лег.

Работа кончена. Народ на стан идет.
И вот защелкали костяшки счет,
Сам бригадир итоги дня подводит,
Его бригаде слава и почет!

Был по-стахановски закончен жаркий день.
Спустилась на поля сиреневая тень.
У стана — озеро. В нем лебеди качались,
Им шевелить крылами было лень.

Над озером была такая тишь —
Завороженный не дрожал камыш,
Не шевелились бархатные травы,
О тишина, с природой ты роднишь!

Стволы берез покрыты серебром,
Листва зеленым высится шатром,
Тальник свинцовые подымлет ветви
Над лебединым дремлющим прудом.

¹ Тайбурыл — кличка лошади.

Дремотно колыхание воды,
Плодовым запахом наполнены сады,
Пей, как кумыс, пахучий этот воздух,
Как лучшую награду за труды.

Глядишь кругом — и радуется взор:
На стане полевым разбит шатер,
Там слушают колхозники виктролу,
Ведут неторопливый разговор.

И внемлет кюю радостный народ,
Он из него избыток сил берет,
В ночи молочной огненное знамя
Над станом полыхает и цветет.

Саба ¹ налита вкусным кумысом,
И мес ² налит, кумыс бушует в нем,
И если несколько глотков ты выпьешь,
По телу будет кровь пылать огнем.

И вот уж ловит песни такт нога,—
Степная песня, ты нам дорога!
Под звездным небом закружились пары —
Сладка мелодия «Кара Жорга» ³.

Сегодня птица счастья села тут —
Степные дали радостно поют..
Так реки, в половодье разбегаясь,
Свободно, властно по лугам бегут.

И как не вторить песне счастья мне,
Как мне не петь об этом славном дне?
Люблю я сердцем свой народ и степи,
Освобожденный труд в моей стране!

1937

¹ С а б а — кожаный мешок.

² М е с — сосуд из бараньей кожи, где хранится кумыс.

³ «К а р а Ж о р г а» — «Вороной иноходец», — песня.

КОГДА ВЗОШЛИ НА ГОРУ

Когда на Ала-Тау бросишь взор,
С верблюдами сравнишь громады гор,
Вершины белолобые горбаты,
На шерсть похож хвои густой убор.

Рукой по шерсти хочется провести
И на горбы лоснящиеся сесть,
Примерить солнце, запахнуться в небо —
Еще ли не заманчивая честь!

Я не один, кто любит вышину.
Перед желаньем чувствуя вину,
И с несколькими сверстниками как-то
Решили влезть мы на гору одну.

Была совсем не камнем та гора,
Земля, как бархат, черная щедра:
Нас иногда, как радуга, дивила
Полян цветочных яркая игра.

Цветы порой нам затрудняли путь,
Головки их бросались нам на грудь,
То были красок тысячи соцветий,
Замрешь, попробуй только заглянуть.

И аромат вдыхая до глотка,
Не рвали мы с поляны ни цветка.
Потом в лицо нам свежестью пахнуло,
В траве сверкнула лента родника.

Течет ручей, бурлит, что кипятком,
Целует солнце пенистый поток,

И капли, как жемчужные копытца,
Ведут по камню звонкий топоток.

Деревья вдоль обоих берегов.
То яблони. Прохладен крон их кров.
Когда плоды тяжелые созреют,
Как утренний восток, налив багров.

Тогда весь день стоит рассвет в саду.
Нигде я красок чище не найду.
Вдруг в гуще сада что-то засияло,
Как белый лебедь в сказочном пруду.

Приблизился — не лебедь, а шатер,
Поставленный казаками среди гор.
— Скажите, кто в шатре остановился? —
Мы завели с хозяйкой разговор.

— Здесь пионерский лагерь, —
Был ответ, —
Сейчас покамест никого тут нет,
Вожатый всех увел за ту вон гору,
Они вернутся только на обед.

«За ту вон гору» тоже мы пошли,
Она сверкала лезвием вдали,
По ней воды потоки низвергались,
И над обвалом радуги цвели.

Я пред народом горным виноват,
Боюсь назвать явление невтопад.
Дано воде грохочущей на русском
Прекрасное название «водопад».

Он только с виду горд и нелюдим,
Неистощимость выражена им,
Был Лермонтовым пламенным воспет он,
Был всемогущим Пушкиным любим.

В громовую гляжу я седину,
Как Лермонтов и Пушкин в старину,
Красив ты, водопад! Не зря при встрече
Целуют люди пенную волну.

К тебе не раз вернуться буду рад,
Не с этой песней — звонче во сто крат.
Ну, а сейчас спешу я к пионерам,
Спешу взглянуть на маленьких орлят.

Мы водопад стороной обошли,
По влажной тропке в бисерной пыли.
Просторная площадка нам открылась,
Казавшаяся островом вдали.

Детишки там играли в волейбол,
И вторил крикам каменистый дол.
Их лицами, движениями, сноровкой
Залюбовались все, кто к ним пришел.

В движении прекрасны их тела,
Природа им стремительность дала,
Их бег — полет синички быстрокрылой,
Которая проворна, как стрела.

Подпрыгнув, мяч пускают в высоту,
Как сокол, бьющий утку на лету.
Точны скупые жесты при ударе,
Не проследишь такую быстроту.

Непостижимо! Надо ж так уметь!
Такую живость мускулов иметь!
Мелькают плечи, спины, руки, икры
И отливают солнцем, словно медь.

Смотрели мы, в душе одно тая:
«Такими пусть родятся сыновья».
«Такими пусть растут повсюду дети», —
Так думал каждый, в том числе и я.

Но вот уже окончена игра.
Пошло купанье. Звоном серебра
Детишек смех в долине рассыпался,
Веселым крикам вторила гора.

Потом о них успели мы узнать:
Все пионеры. Учатся на пять.
Приехали они на лето в лагерь,
Чтоб мускулы и знания укреплять.

Вот грянули их песни.
За утес
Ту песню на волне поток понес,
Увлёк на благодатные равнины,
Где рос тростник и колос тучный рос.

Не только горы, вся моя земля
Их слушала, ни веткой не звеня.
Сады, леса, дыхание затаили,
Все шорохи на песню заменя.

Архар застыл,
 как будто в камень врос,
Являя восхищенье и вопрос.
Насторожился дивным изваяньем,
Глаза горят, рога крутые — врозь.

Заторопился из трущоб медведь:
Послушать мало — надо посмотреть.
Пошел на жертву: вышел из прохлады,
Не так-то просто на жаре сидеть.

Трусишка-заяц утерпеть не мог:
Источник песни ищет, сбился с ног.
Присел, повел по сторонам ушами,
Бежать не может — только скок-поскок.

Вот песня долетела до орла
Над пищей он расправил два крыла
Да так и замер.
Больно уж приятна
Свободной птице песня та была...

...Вот что, друзья, хранят вершины гор,
Вот что ласкало мне там слух и взор.
Вот почему хоть лето провести там
Решил я крепко-накрепко с тех пор.

Не красотой бурных горных рек
Налюбоваться не могу вовек,
Не сочными лугами да цветами,—
Всего прекрасней в мире человек.

А дети...
Что есть краше и милей!
Им не устать владеть душой моей.
В них жизнь сама,
В них все сошлись начала,
Они — природа,
Воплотить сумей.

ШКОЛА — ПОСЕВ ЗНАНИЯ

Дали дремлют, но не спят,
Поцелуй зари хранят.
Доламбай к отправке в поле
Приготовил агрегат.

Раньше солнца в путь дневной
Он выходит не впервой.
Говорят о нем в колхозе:
«Работящий. Деловой».

Он в почете у людей,
А особо — у детей.
Сына шустрого, Марата,
Любит он душою всей.

Сын его умен, пытлив,
Весь — энергия, порыв,
И охотно все прощают,
Что немного шаловлив.

Нынче рано встал Марат
И — к отцу на агрегат.
Ясно дело, что забавам
Предпочесть уборку рад.

Доламбай ему:
— Постой.
Ты куда, сынок?
— С тобой.
— А о чем мы говорили
Накануне, дорогой?

— Позабыл я...
— Ну и зря.
Посмотри — горит заря.
— Ну и что?
— Да ведь она же
Первая у сентября!

Как забыть ты это мог?
Школа ждет тебя, сынок.
Буквы — сказочные зерна,
Урожай от них высок.

Школа младшая нужна,
В нашей жизни, как весна,
Молодыми зелеными
Звенья вырастит она.

Нашей средней школы дни
Лету жаркому сродни.
Золотистым урожаем
Наливаются они.

Школы высшей дни щедры,
Нет прекраснее поры.
Людям дать готова нива
Полновесные дары.

Знания посей, Мартжан,
Их собрать сумей, Мартжан,
Вот твоя задача, милый,
Дело жизни всей, Мартжан.

Запустил отец мотор.
Засиял Марата взор.
Посмотрел он, как впервые,
В золотящийся простор.

По земле из края в край,
Сколько взгляд ни напрягай,
Словно солпечное море,
Колыхался урожай.

Нива нашего зерна,
Как свинцом, отягчена;
Тяжело переливалась
Набегавшая волна.

Скрыть волнения не сумев,
Встал мальчонка, присмирив:
— Я пойду!
— Иди, родимый.
Школа — знания посев.

ПЕСНЯ О МОЛОДОСТИ

«Вставай!» —

Я слышу по утрам призыв
И просыпаюсь по привычке рано.
Слежу, как сумрак
В космах сизых грив
Несет на запад
Табуны тумана.

На всем еще лежит глухая тень,
Но темный свод надрезан чуть у края,
И, силясь заглянуть в грядущий день,
Ночь наклонилась,
Звездами сверкая.

Я тоже загляделся на восток.
Я тоже небо,
Жду я встречи тоже.
И новый день, что близок и высок,
Я встречу раньше, чем оно,
Быть может.

Моя заря не хуже той ничуть,
Что над землей встает тысячелетья.
Не я один избрал счастливый путь
К ее лучам призывным на планете.

Встает она.
Смахнув туманы снов,
Как небосводу, мне
Спешит явиться
И, засияв

Нива нашего зерна,
Как свинцом, отягчена;
Тяжело переливалась
Набегавшая волна.

Скрыть волнения не сумев,
Встал мальчонка, присмирив:
— Я пойду!
— Иди, родимый.
Школа — знания посев.

ПЕСНЯ О МОЛОДОСТИ

«Вставай!» —

Я слышу по утрам призыв
И просыпаюсь по привычке рано.
Слежу, как сумрак
В космах сизых грив
Несет на запад
Табуны тумана.

На всем еще лежит глухая тень,
Но темный свод надрезан чуть у края,
И, силясь заглянуть в грядущий день,
Ночь наклонилась,
Звездами сверкая.

Я тоже загляделся на восток.
Я тоже небо,
Жду я встречи тоже.
И новый день, что близок и высок,
Я встречу раньше, чем оно,
Быть может.

Моя заря не хуже той ничуть,
Что над землей встает тысячелетья.
Не я один избрал счастливый путь
К ее лучам призывным на планете.

Встает она.
Смахнув туманы снов,
Как небосводу, мне
Спешит явиться
И, засияв

На тысячи ладов,
В моей душе
Сиянием лучится.

Забыв себя, я устремляюсь к ней,
Она встречает чуткими лучами,
Окутывает нежностью своей
И увлекает жаркими шелками.

На небосвод, целующий зарю,
Я весь похож.
Как пламя, сердце бьется.
Я, не сгорая, по утрам горю,
Как не сгорать способно только солнце.

...Я знаю, старость явится ко мне.
И в волосах сверкнет когда-то проседь.
И что всего милее на земле,
Быть может, внук меня когда-то спросит.

Отвечу, не задумываясь, я,
Его вихры задумчиво лаская:
«Всего милее — ранняя заря,
Всего дороже — молодость былая.

Но есть еще и шумная весна.
Не только та, что нас слепит цветами,
Еще и та, что Октябрем дана,
Что не дает проспать восход утрами».

ЦВЕТУЩЕЕ ДЕРЕВО

Сухой, как порошок, степь была,
Был серый вид ее суров.
Столетия степь дождей ждала,
Ждала весны, росы, цветов.

Арык — просторен и глубок —
Прорыла партии рука,
И зашумел в степи поток
Из ленинского родника.

Прошел над степью дождь кошой,
И в небе радуги зажглись.

И выросли, блестя росой,
Ячмень, пшеница, хлопок, рис.

Когда же степи оросил
Живой струей поющих вод,
Большое дерево взрастил
Великий, мудрый садовод.

Оно простерлось до небес
И спорит с солнцем лишь одним,
Жемчугоглавый Эверест —
Как жалкий холмик перед ним.

Ветвями дерево шумит,
Цветы на ветках расцвели,
Прохладой дерево дарит
Одну шестую часть земли.

Отраднa под ветвями тeнь,
И аромaт дaют цвeты,
И призыв славит светлый дeнь
Трудa, вeсeлья, крaсoты.

Мoгучe дeрeвo взрaстeт,
Вeдь кoрнeвищa зaлeгли
В плaсты нeтрoнутых пoрoд,
В глухие нeдрa, глубь зeмли.

И пaртия — нaш сaдoвoд —
Зa этим дeрeвoм слeдит.
Oнo в лучax ee зaбoт
Рaстeт, цвeтeт, плoды рoдит.

Нa этo дeрeвo с нeбeс
Нe грянeт мoлния и грoм.
И этo дeрeвo чудeс
Мы Кoнституцeй зoвeм.

МАРШАЛ ПОЭЗИИ

Древний мир,
 не шуми
 напрасно,
Не кичись
 своей мыслью
 плоской,
Будем слушать
 звуки
 прекрасные.
Ваше слово,
 поэт Маяковский!
Он выходит,
 маршал слова —
Крупным шагом
 на Красную площадь.
Подает он
 команду снова
Своим верным полкам...
 Полощет
Ветер флаги,
 покрытые славой,
И голос
 звонит
 батареевый:
Кто там
 шагает правой?
Левой...
Левой...
Левой!
Голос поэта
 молний быстрее

Летит по земному
 шару.
Огня горячее,
 копья острее
И громовому
 подобен
 удару.
Певец-агитатор,
 трибун революции
Великим народом
 любим.
Пусть наши полки
 теснее сомкнутся,—
Мы
 рапорт
 ему
 отдадим.
Приказ боевой,
 громовой глашатай,—
Идти
 неустанно
 вперед —
Мы в сердце храним,
 мы исполнили свято,
к победе
 зовем
 народ.
На фронте поэзии
 раздавлены
 гады —
Выжиги и рвачи.
Мы твердо ступаем
 железной громадой,
Остро отточены
 наши
 мечи.
Мы плотно стоим,
 как в обойме патроны,
Ровняют
 полки
 твой строй,
Тобою возвращенные
 и окрыленные,

Наш лучший
 поэт
 и герой!
Чеканная заповедь
 «Левого марша»
Приказом
 военным
 звучит:
Мы пишем,
 и перья
 отточены наши,
И маузер
 рядом лежит.
Вокруг -
 компартии
 сомкнулись поэты,
Заданье
 дает нам
 Политбюро,
Партийной мыслью
 и сердцем
 согреты,
Мы в крепкие руки
 взяли перо...
Я кончил стихи.
 Слово ваше,
Советской поэзии
 маршал!

НАША АРМИЯ

Когда Октябрь разбил царизма власть
И ночи тьма под натиском слетела,—
Заря свободы над землей зажглась,
И солнце коммунизма заблестело.

Когда готовили враги ночной поход
И проблески свободы скрыли тучи,—
Мир вздрогнул: клич призывный и могучий,
Клич Ленина народы звал вперед.

И Ленин звал: — Товарищ, друг мой, брат,
Народ трудолюбивый, сильный, честный,
На бой за Родину! Гремит войны набат,
Нас окружает враг кольцом железным.

Народный вздох рождает ураган.
И взмах руки дробит гранит природы.
Во имя братства, радости, свободы
На бой с врагом поднялся великан.

И с кличем боевым пошел народ на бой.
От натиска его трещали все преграды,
Редели тучи в выси голубой,
Раздавлены земные были гады.

Ни цепи гор, ни топи, ни пески
Не задержали яростной лавины.
В боях ковались красные полки
Великой армии, могучей и единой.

Над нею серп и молот — герб страны —
Звездой сияли радостной, высокой,

В горниле созидательной эпохи
Мужали, крепили воины-сыны.

Они кичливых выгнали панов.
Сломали злобным самураям спину...
И дальше армия удар своих полков
Направила на банды белофиннов.

Да, наша армия крушит и бьет врагов,
Несет народам мир, освобожденье...
И в памяти грядущих поколений
Запечатлится шаг ее полков.

1940

НОЧЬ БАЛХАША

Над степью ночь. И тихо, как во сне.
Безветрие. Ни тучки в вышине.
Трепещут звезды, рыб напоминая.
В прозрачной, чуть колеблемой волне.

Но и на суше звезды тоже есть,
Их столько, что вовек не перечесть,
Горят они в степи, переливаясь,
Как будто шлют огням небесным весть.

Степь мирозданию говорит: «Взгляни,
Несметны, как твои, мои огни».
Дрожит земля от заводских моторов,
Живою землю сделали они.

В ней словно слышен крови мощный ток,
«Я голоден!» — ворвался в ночь гудок.
Так первенец кричит, не унимаясь,
Ловя губами жадными сосок.

И в Конырде, что издали искрит,
На этот крик ответил динамит:
Пласты руды, спрессованной веками,
За взрывом взрыв неистово дробит.

И там, где с незапамятных времен
Хозяйничал степняк да скорпион,
Пронзая мрак неустрашенным глазом,
Понесся, извиваясь, эшелон.

Горячим паром дышит паровоз.
Мелькают искры в грохоте колес,

Довез руду заводу, запыхался,
Вернулся, нагрузился, вновь повез.

Руду, как масло, проглотил завод,
Но не насытился — опять зовет,
А медь уже потоками из кранов
По желобам без устали течет.

Вся эта медь, до капельки, до дна
Наполнить формы емкие должна.
Вчера — комок бесформенный,
Сегодня
Алмазом красным кажется она.

Да, ты алмазом кажешься мне, медь,
Мы из тебя врагам готовим сеть,
Запутаются подлые фашисты,
А разорвать им пути не сумеь.

О, как ты кстати Родине моей!
Врага настигнут пули сыновей,
А ведь недаром тело каждой пули
В рубашке ярко-пламенной твоей.

Я знаю, в Балхаше и Конырде
Победа добывается в труде,
Врагам не избежать суровой кары,
Их наша месть,
Их медь найдет везде!

Неужели письмо это — правда?
Неужели не лгут глаза?
Неужели ушел без возврата
Тот, кто жил еще месяц назад?
Обнимал... Говорил... И смеялся...
Догонял по перрону вагон...
И представить себе не пытался
Смертоносный военный огонь.
Пишут — ранен,
А больше — ни слова.
Койка?
Муки последних минут?
И под холмиком в честь рядового
Прогремел троекратный салют?
Нет, не верю!
Пушай изувечен,
Только жив, обязательно жив!
Будь же, доктор, хоть ты человекен:
Помоги мне, о нем сообщив!

1942

Мы встретились с тобою в Боровом.
Был май. Цветы уже цвели кругом.
Мы по горам бродили, по туманам
И слушали весенний первый гром.

То в зелень рощ уходим налегке,
То к озеру идем невдалеке...
В ущельях Окжетпеса наблюдали,
Как синь небес дремала в леднике.

Ловили ветра свежий аромат,
Был соловьиной песне каждый рад,
Еще тому, что если в горле сухо,
Ручьи глотки холодные дарят.

Однажды мы избрали трудный путь.
И в «Шабакты» забрались мы по грудь.
Но ты тянул все в горы, и хотел ты
За горизонт туманный заглянуть.

Когда так смотрят — лучше не гадай:
Так ищут взором только отчий край.
Я не ошибся, и заговорил ты,
Конечно же, про свой родной Алтай.

Преобразились все черты лица,
Ты говорить готов был без конца,
Ты восторгался, стал на миг поэтом,
Рисуя волны буйного свинца.

Спросил я: «Кто ж свинец заставил течь?»
Скупой твоя мгновенно стала речь.

Сказал ты только: «Родине ведь надо
Врагам в лицо свинцовый бросить смерч».

А я подумал: Родина сильна,
Сынов имеет доблестных она.
Как много тех, кто с ленинским портретом,
Тебе подобно, носит ордена.

Да, твой Алтай богат на страх врагу,
И поручиться твердо я могу:
Враг побежит, но будет он настигнут
Волной свинца святого на бегу.

Сабит Муханов с Героями Социалистического Труда.

ГОРОД ЛЕНИНА

Русских, как старших братьев, чтят племена,—
Это от них пришла к нам навек весна.
Дружбой душевной всех народов своих
Ленину — знай — обязана ты, страна.

Воздух свободы, светлый родной очаг,
Быстрых коней и бездну жизненных благ
Ленин нам дал. Но город, что славен им,
В бездну страданий вверг ядовитый враг.

Враг Ленинград наметил себе, как цель.
Думал, что здесь Париж ему и Брюссель,
Вена, София, Белград, Будапешт
Или Афины, где легкий пил он хмель.

Враг свои тиски вокруг Ленинграда сжал,
Мутным валом бед городу угрожал,
Но устоял в боях гордый наш утес,
Натиск злобных волн грудью он отражал.

Бремя осады стойко выдержал он.
Ленинской правдой был он вооружен,
Пламенный стяг в смертном бою сохранил,
Стяг, что над Смольным Лениным водружен.

Тверди этой не раз в былые дни
Волны грозили с ревом: «Сгинь! утони!» —
Но не могли, бешеной пеной бурля,
Ленинских стен разрушить, размыть они.

Город такой не может сгореть в огне,
Не захлебнется в злобной он быстрине.

Меч не брал его, имя, чей вечен свет,
Ленина имя он заслужил вполне.

Вздумали сокрушить смерчем твердь враги...
Мрачным безумьем вызваны их шаги!
Гитлер — из тех, о ком говорит народ:
«Съел он барана бешеного мозга».

Если б надломлен не был вражий хребет,
Стал бы кровавым невского устья цвет.
Грудами щебня сделался б Ленинград,
В мертвом болоте скрылся б город-скелет.

Если б над ним такая стряслась беда,
Враг и другие мог бы взять города,
С криком — «дорогу злему духу войны!» —
Он, подобрав шинель, дальше б шел тогда.

Знали народа доблестные сыны,
Что Ленинград значит для всей страны.
Вышли на смертный бой, и в этом бою
Орды злодеев были ослеплены.

Смертный озноб до кости немцев прожег,
Немцы увязли, выдохся их прыжок,
С ленинской страстью наши сердца стучат,
Полон отваги сердца каждый толчок.

Если гнездо у пташки подожжено,
Пташки сбивают пламя с ним заодно.
Кто же мы сами, пташки или орлы?
В том, что орлы, мир убедился давно.

Племя орлов не только пламя собьет, —
И поджигатель гибель свою найдет.
Шут, что хрипло лая, мир сожрать хотел,
Сделать хотел из солнца мертвенный лед.

Рушится план врага у нас на глазах,
Грозен меч карающего размах.
Городу Ленина весь народ помог,
Жизни своей не щадит и наш казах.

Воин советский славой себя покрыл,
Помнить о нем, заботиться должен тыл.
Сотни составов грузятся для бойцов,
Недра для них и наш Казахстан открыл.

Мы приумножим ряды вражьих могил,
Не пощадим для скорой победы сил.
Так, чтобы Ленин, будь он средь нас теперь,
Нас пред лицом истории похвалил.

Плотный туман, сплошь непроглядная муть —
Вот чем вначале земной был застлан путь:
Шел и не знал, скала ль пришибет меня,
В море ль придется горькой воды хлебнуть...

Словно незрячий, я наугад шагал,
Смутные тени жалобно окликал,
Грезя о встрече с опытным вожаком,
В кровь расшибаясь, падал с высоких скал.

Было вокруг немало таких, как я.
Нам угрожала во мгле уйма зверья.
Многие гибли, многим не удалось
Выйти на дым заманчивого жилья.

Но прорезал темень несчетных верст,
К небу взметнулся красный знаменный холст,
Необычайный заколыхался свет,
Дивный соперник радуги, солнца, звезд!

«Кто же направил прямо под облака
Благостный свет незримого маяка?»
Так спросили в муках, и был ответ:
— Ленин, великий Ленин, друг бедняка! —

Ленинский звучный клич до слуха дошел:
Чужд был язык (казалось, клектал орел),
В русских словах мало я смыслил тогда,
Только про хлеб, про горе с запинкой плел.

Годы прошли, и спала с глаз пелена,
Қанули в тьму голодные времена.

Выло б теперь позором не овладеть
Речью того, кем радость навек дана.

В ленинский страстно стал я вникать язык,
В русскую речь, в безбрежность бессмертных
книг;
Плавал я в ней, как в море, чья глубь ясна,
В область волшебных перлов, нырнув, проник.

Купы деревьев береговых садов
Были в цвету над морем прекрасных слов.
Там я познал целительность их и мощь
В прочном скрещенье выращенных плодов.

В каждом саду особый я видел знак:
Жили в их соках Гомер, Шекспир, Бальзак,
Пушкин в них жил и Толстой. Чашей своей
Взор манил мой и горьковский молодняк.

Горьковский сад на Ленинской почве взрос,
Впитывал влагу Ленинских гроз и рос,
Каждый налившийся плод в этом саду
Здравье друзьям и хворь супостатам нес.

Я навсегда остался в этом саду:
Здесь я нашел живительную среду.
Дети единой Родины, знали мы —
Горький цветенью учит, учит труду.

Разнообразен, ярок был юный сад,
Корень же был единым на вкус, на взгляд,
Он для друзей по-горьковски сладок был,
Но для врагов мы смертный таили яд!

В час, как злодей, исторгая смрадный дым,
Стал нас рубить и зельем поганить злым,
Сталин уверенно, твердо сказал:
«Правда за нами! Мы победим!»

«Мы победим» — по-русски он предсказал,
Вняли словам полководца стар и мал,
Русский могучий возглас «Мы победим!»
В битвах разил, как пуля; как меч, кромсал.

«Мы победим!» — был в этом огромный вес.
«Мы победим!» — шепнуло в темный лес.
«Мы победим!» — по-русски гремел наш фронт.
«Мы победим!» — по-русски несло с небес.

Возглас, что был величав, понятен, прост,
Радуге наших побед выстроил мост.
Русским, что к славе весь наш Союз ведут,
Сталин в Кремле слагает заздравный тост!

Тост, по-русски звучащий, нам нежит слух,
Он из врагов вышибает злобный дух,
Тост повторяют весь мировой эфир,
Воздух и водный простор, что пеной взбух.

С уст миллионов пламенный рвется крик:
«Славная Русь, победил твой верный штык!»
Славлю и я ту землю, где создан наш
Красочный, острый, мощный русский язык!

Лепет враждебных стран, о русская речь,
Он был не в силах корни твои подсечь.
Клятву, поэт-казах, по-казахски дам
В общем с тобою строю твой стяг беречь!

БЕРЛИН ВЗЯТ

Слез было больше, чем любых стремнин,
Холмов могильных — выше всех вершин,
Но от причины

этих гнусных бедствий
Освобожден героями Берлин.

От тех, кто землю проглотить хотел,
Кто погубил так много душ и тел,
Освободила мир страна Советов,
Крик радости планету облетел.

И об одном сейчас народов речь,
Как мир от бед минувших устеречь.
К нам люди обращаются с любовью,
Чтоб мы пока не клали в ножны меч.

Фашизм повержен на моих глазах.
В боях и ты участвовал, казах,
Все от начала до конца увидел:
И первый бой, и наш последний взмах!

1945

МАЙ ПОБЕДЫ

Соки трав молодых и цветов лепестки,
И камыш, и пшеницы зеленой ростки,
И кочевники-тучи, и ветер степной,
Пенье птиц и течение быстрой реки —
Прославляют победу, победу в бою.
Враг раздавлен, у гибели он на краю.

Было лето такое же, так же росли
И цветы и деревья любимой земли.
С гор струилась вода, птицы пели в лесу,
Отвечали им песни аулов вдали.
Страшным взрывом нарушена тишина:
К нам немецким снарядом ворвалась война.

Немцы... Все истребляя, вперед они шли,
Отравляя просторы небес и земли,
Словно язва, тлетворным дыханьем своим.
Чьи же силы в тот час удержать их могли?
И тогда наш народ, как возмездие, строг,
Обнажил свой сверкающий сталью клинок.

Он ковался без усталы ночью и днем,
Закален всенародного гнева огнем.
И когда он врагов беспощадно сражал,
Сила молний победно сверкала на нем.
Враг отхлынул на запад, вздохнула земля,
Ожил мир, и травую покрылись поля.

Шел под знаменем алым народ-исполин,
Шел дорогами гор и лесов и равнин.
Первомайским сияющим радостным днем

Наше знамя победы увидел Берлин,
И горит над Германией огненный цвет
Наших кровью добытых великих побед.

Пусть цветет и красуется каждый цветок,
Пусть плоды наполняет живительный сок,
Пусть трава зеленеет и зреет зерно,
Пусть над степью струится всегда ветером,
Пусть кочевники-тучи плывут на восток,
Пусть весь мир об одном, об одном пропоет:
Наше алое знамя к победам ведет.

Всегда тепла родная сторона.
Всем до могилы дорога она.
И мне земля, богатая несметно,
Судьбою благодатною дана.

Как не любить ее мне все сильней!
Ведь шесть Германий уместится в ней!
Алтай — начало, Каспий — окончанье,
Вот где лежит гнездо судьбы моей.

На юге Ала-Тау встал стеной,
Он только солнцу равен высотой.
Его потоки раздели на капли —
В той — виноград, и яблоко в другой.

Семь рек начало с этих гор берут,
Напор воды стремителен и крут,
Стада к целебным волнам припадают,
Их даже звездочеты не сочтут.

В аулах нет в помине древних юрт —
Дома стоят, сады вокруг них цветут,
Для нищеты тут не осталось места,
На смену ей — довольство и уют.

И если кто считает до сих пор,
Что степь пустынна, — это глупый вздор.
Пускай приедет,
Убедится лично:
Степь засверкала множеством озер.

Собой пески сухие одаря,
Озеленила степи Сыр-Дарья,
Тут зреет стопудовая пшеница.
Пустынны ли подобные края?

А что Нура? А что седой Иртыш?
Не тысячи, а миллионы ходит
Отар вокруг. Хватает корма им.

А реки: Жем, Сагыз, Ойлы, Қыйыл?
Геолог нефть в районе их открыл!
Хлестнул фонтан с невиданным напором,
Едва кору земную пробурил.

Алтай, Қаркаралы, Караганда —
Тут пролегает горная гряда.
О кроющихся в ней великих кладях
Я с восхищеньем думаю всегда.

Моей земли богаче не найти.
Мой Казахстан, не зря же ты в чести!
В войне великой для врагов отлито
Тобою девять пуль из десяти.

И я уверен: так же будет впредь.
Не стариться тебе, а молодеть.
Ясна дорога наша.
Потому-то
Мне радостно на Родину смотреть.

1947

Оно мне счастье, горе, зло, добро,
Оно печально, радостно, остро.
Оно — мой спутник, друг мой неизменный,
Мое стальное «вечное перо».

Оно проникнет в тайны всех сердец,
И обнаружит их разгадки чтец,
Недаром колдовские нити вяжет
Его стальной всевидящий конец.

Перо мое! Все тайны разъясни,
Отдай их людям, знают пусть они,
Я знаю, ты умеешь заглядеться
И в прошлые и будущие дни.

Твои повадки знаю я сполна.
Бывает речь порою неясна.
А обвиняют ведь меня, поэта:
«Туманом мысль твоя окружена».

Какой туман? Кого боюсь? Врага?
Нет, я готов хоть к черту на рога!
Бывает так, что прячешься от друга,
Когда слабеет у тебя рука.

Эпоха мне большой простор дала,
Взвалив на плечи важные дела.
Вручила веру мыслям,
Чтоб ноша дел была нетяжела.

К чему ж молчать?
Я вовсе не молчу,
Хороших слов я семена мечу,
И чтоб взошли те семена быстрее,
Над ними громом вешним грохочу:

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ

И я у электричества в долгу.
Погаснет день — я «сто свечей» зажгу.
Выходит, только мановеньем пальца
Я солнце ночью засветить могу.

Оно и в полночь надо мной стоит,
Мой стол его сиянием залит,
И бабочка из сумрака ночного
В мою дневную комнату летит.

Я полон сил, желаний сонных нет,
И словно днем горит во мне поэт.
Вот как на нас в эпоху заревую
Влияет славных достижений свет!

1948

Ночь на исходе. Тихо в нашем доме.
Безлюдна улица. Чуть слышен шум ветвей.
Окно раскрыто. И в его проеме
Распелся звонко ранний соловей.

А в комнате — бойцы. Они одеты
По-разному... Гомер и Щипачев...
Историки, философы, поэты
Стоят в строю, сомкнув к плечу плечо,

Посланцы всех веков разноязыки,
Они на полках продолжают жить.
Язык России, мудрый и великий,
Заставил их со мной заговорить.

Читать меня Россия научила,
Глубины книг доступны стали мне.
Они в меня давно вливают силы,
Беседуя со мной наедине.

У знания есть ущелья и отроги,
Я мог бы сбиться с верного пути,
Но Ленин мне указывал дороги,
Пути к вершинам помогал найти.

Бессмертный Ленин! Ты науки зренье,
Ты знаний мира драгоценный сплав.
Грядущему принес ты озаренье,
Все лучшее из прошлого собрав.

Пускаясь в волны книжного прибора,
В безбрежности отыскивая путь,
О Ленин, я советуюсь с тобою,—
И, значит, не дано мне утонуть.

ПОДРУГИ

Равниною, где осень голубая
Оставила пометки золотые,
Шли девушки, о милых напевая,
И с ними вместе— Гурскля Мария.

На лицах молодых и загорелых
Цветут улыбки. И легки движенья.
И гармонист, играющий умело,
Вздыхает часто с явным сокрушеньем.

Узорами затейливо расшиты
У девушек чудесные наряды.
Тугие косы лентами повиты.
Идут на вечеринку.
Вот и рады!

Спросил я их, не сомневаясь в этом,
Они же, посмеявшись меж собою,
Ответили мне с ласковым приветом:
— Нет! Мы коров доить идем гурьбою!

— Не верите? Идите вместе с нами!
И снова песню над простором взвили.
...В коровниках, сверкающих огнями,
Порядок, чистота вокруг царили.

Электродойку видел я впервые.
С каким-то новым и певучим звоном
Рвались потоки пенные, живые
К широкогорлым цинковым бидонам.

А лица озабочены,
Мне задушевно, просто
О том, что труд их радости,
Что этот труд девчата полюби.

...Когда я вспоминаю Украину,
Осеннюю я вижу позолоту,
Широкую и мирную равнину
И девушек, идущих на работу.

1953

ЦВЕТИ, УКРАИНА!

Одинаковы судьбы у нас и дела,
Наши земли похожи простором своим.
Ты за волю бои вместе с нами вела,
С нами об руку шла по дорогам одним.
Украина,

 подруга моя,

 ты в борьбе,

В долгих сечах рубилась не день и не год.
И могучей горою на помощь тебе
Встал твой брат —

 несгибаемый русский народ.

Вы родные.

 Он старше тебя и сильней,

А с тобой в единении — крепче стократ.

Вы сплотились.

 И дружбой

 и саблей своей

Наседавших врагов отогнали назад.

В испытаниях трудных не только тебя

Взял российский народ под защиту свою,

Он и с нами сроднился,

 по-братски любя

Всех соседей своих в неоглядном краю.

И с тех пор продолжаем мы вместе расти

И в движении наших стремительных лет

Ярче солнца свободных народов пути

Озарил ленинизма немеркнувший свет.

И, как знамя, подняв этот свет над страной,

Направляет нас Партия мудро вперед.

С ней народ поднимает простор вековой

И сады на былых пустырях создает.

Чудеса наяву совершить мы смогли,
Оживляя пески, порождая моря.
И все больше друзей у советской земли,
И сердца их пылают огнем Октября.
Цель одна у народов и думы одни —
Окрылить человечество дружбой большой,
Дать планете счастливые, мирные дни,
Что, как светлое лето, полны красотой.
И чтоб вечное лето такое добыть,
Нужно много упорства и много труда,
Нужно верить в победу и правду любить
И врагов ненавистных сломить навсегда.
Коммунизмом зовут этот майский расцвет —
Он не только заполнил людские мечты,
Но уже среди нынешних радостных лет
Для его цветников мы сажаем цветы.
От неволи следа не осталось сейчас,
Стал свободным и мудрым у нас человек.
И живительна верная дружба средь нас,
Как живительна влага синеющих рек.
Мы столетья мечтали о счастье таком,
Об Отчизне, где вечное лето цветет.
И в сегодняшний мир, где приволье кругом,
Нас привел за собою российский народ.
Вместе с ним мы растущей силой сильны.
Он помог разорвать нам оковы и тьму.
Все народы сплоченной советской страны
Благодарность по-братски приносят ему.
Украина,

ты тоже ему от души
Посылаешь горячее слово любви.
Так цвети ж, Украина,
и мощью дыши,
Красотой наливайся
и вечно живи!

1954

САПАРГАЛИЮ БЕГАЛИНУ

Лет тридцать пять ему всего на вид,
Он полон сил, он в творческом расцвете.
Наш Сапеке...

Он статен, как джигит,
Он молод и в шестидесятилетье.

Усы чуть-чуть задеты сединой,
Мукалая улыбка под усами.
Мы все сегодня, все одной семьей
Гордились бы такими сыновьями!

Подстать обличью честная душа,
Его немногословие скупое.
В нем скромность оттого и хороша,
Что светится душевной простотою.

Его ума и сердца щедрый клад,
Страницы книг, как степи в час восхода,
О будущем и прошлом говорят,
Читаются признательным народом.

Его отцу Исхаку сотня лет,
Но крепок он еще душой и телом.
Наш Сапеке пойдет за ним вослед,
Столетнего не ведая предела!

1954

БРАТЬЯМ-УЗБЕКАМ.

Сегодня по-братски казахский народ
Народу узбекскому землю дает.
Я случай такой не хочу прозевать,¹
Хочу я желанья свои загадать.

Чтоб эта земля расцвела поскорей,
Невиданный хлопок чтоб вырос на ней,
Об этом чтоб новый роман написал
Мой друг и коллега, товарищ Муса.

Пусть выше поднимет свой голос живой,
Пусть бросит поэзии клич боевой,
Прославит поэмой пусть эти поля
Мой друг и коллега, товарищ Гулям.

О новых, наполненных хлопком полях,
О наших народах — старинных друзьях —
Пусть сын Атагоза Уйгун запоем,
Чудесные пьесы пускай создает.

Я пользуюсь случаем, как говорят,
Сердечно я случаю этому рад!
И шлю свой привет моим верным друзьям,
Народу узбекскому братский салам!

Еще я хочу, чтоб народы земли
Войны на земле никогда не вели.
Вот так же по-братски делясь меж собой
Одеждой и хлебом, и даже землей!

1956

¹ По случаю передачи Бостандыкского района Казахстана Узбекской ССР.

ПРИВЕТ ТЕБЕ, МОСКВА!

Москва!

Окрыленный тобою народ,
Тобой вознесенный до светлых высот,
Привез тебе песен своих эшелон,
Тебе эти песни он нынче споет!

Народ мой талантом певца одарен,
И песни его не вместили эшелон,
Как пышный тюльпан, расцветает мой
Октябрьским солнцем навек озарен.

Собрал я букеты из лучших цветов
Высоких джайляу, степей и садов,
И теми цветами казахской земли
Родную столицу украсить готов.

Я знаю, ты с радостью примешь меня,
Искусство мое молодое ценя,
Мелодии сладкие песен степных,
Задорную пляску, что жарче огня.

Для царской России я пасынком был,
Мой край был бесплоден, аулы бедны.
В те годы о горе и муках народ
Устами поэтов своих говорил.

Народ мой во мраке блуждал без пути,
И лучшие люди стремились найти
Дорогу к России, к народу ее,
Чтоб вместе свободную жизнь обрести.

Недаром Ибрай и Абай¹ и Чокан¹
Сквозь мрак вековой и холодный туман
С великой надеждой смотрели сюда
И знали: свобода придет в Казахстан.

И вот он родился.
Могучим умом
Рассеявший мрак, словно внешним лучом,
И поднял народы,
И Лениным стал,
И назван любовно родным Ильичем.

Он выковал партию —
Штаб боевой,
И всех угнетенных повел за собой,
Впитав их великую силу и гнев,
И начал последний решительный бой.

За русскими вслед и казахи пошли,
Чтоб счастье добыть для родимой земли.
Сакен, Алибий и Амангельды²
Нас в бой против баев тогда повели.

Мы вместе с Россией встречали зарю,
В крови и огне мы пришли к Октябрю
И начали строить невиданный мир
В своем полудиком и нищем краю.

А край оказался богаче иных
Хвастливых земель европейских.
Мы их
Оставили нынче уже позади,
Являя пример для народов других.

Пускай еще злобствует бешеный враг,
Широк и спокоен страны моей шаг.
Мы подняли к жизни целинный простор,
И вновь посрамлен был залгавшийся враг.

¹ Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов — казахские демократы-просветители XIX в.

² Сакен Сейфуллин, Алибий Джангильдин, Амангельды Иманов — руководители борьбы казахского народа за установление советской власти.

Незыблемой дружбой народов сильна
Голодная в прошлом моя сторона.
Теперь ежегодно Отчизне дает
Хребты Ала-Тау литого зерна.

Тучнеют стада на зеленых лугах,
Мои чабаны на лихих скакунах.
На труд их почетный Отчизна глядит
С хорошей улыбкой на добрых устах.

Не стану хвалиться богатством я, нет,
Но край мой всю Родину несколько лет
Мог бы кормить, одевать, обувать,
Давать ей тепло, электрический свет.

И песни мои потому хороши,
Что рвутся они из счастливой души.
Когда мои песни летят из Москвы,
Они долетают до горных вершин.

Пускай их услышат в далекой дали,
Я в песнях скажу всем народам земли:
– Вы слышите, люди, казахи поют,
Свободу они в Октябре обрели.

Взлечу я в ракете к планетам иным
И, если разумные встречу миры,
(Ведь мы на пороге полетов стоим),
О счастье казахов поведаю им.

Я партии нашей хвалу воздаю,
Она окрыляет и песню мою
И в жизнь претворяет виденья мечты,
Я с нею, покуда дышу и пою.

Москва,
Окрыленный тобою народ,
Тобой вознесенный до светлых высот,
Тебе благодарный, как матери сын,
Поклон свой и песни душевные шлет.

1958

ПЕСНЯ О ЦЕЛИНЕ

(*Ответ Хамиту Ергалиеву*)

Прочитал я письмо твое, брат-поэт,
И воспринял всем сердцем добрый совет,
Но дела, что пленили перо и мысль,—
Не позволили сразу мне дать ответ.

Закопавшись в бумажные вороха,
В кабинете своем — что таить греха,—
Я и душу, и думы о целине
Проверял на алмазную грань стиха.

Из груди моей чувство лилось рекой,
Вдохновение водило моей рукой,
А вот разум —
Строжайший из всех судья —
Расправлялся с иною витой строкой.

Но поэты еще не ходили вспять,
А садились к столу опять и опять,
И пока не отыщут нужной строки —
Не умеют ни есть они и ни спать.

Если сердце неспетою песней полно
И пропеть эту песню ему лишь дано,
Если песнь его люди в томлении ждут,—
Неусыпно, усталости враг оно.

Да тебе ли об этом, мой друг, не знать?
Легче жемчуга бисер на нить низать,
Чем всех чувств и волнующих дум наплыв
В строку, что хрупка, как хрусталь, вписать.

Мой собрат по перу, ведь не ты ли сам
С воспаленными веками, желт с лица,
Как должник, не имеющий чем платить,
Укрывался от мира по месяцам?!

Песня-птица!
Немало ночей и дней
Мы воркуем, Хамит дорогой, над ней.—
Не поэтому ль, взмывшая в синь небес,
Нам та песня с тобой дольше всех видней?!

И если та птица косит на крыло,
За ней наблюдать нам вдвойне тяжело,
И снова бессонные ночи и дни,
Чтоб песни крыло на лету зажило!

Не знаю, творится ли это с тобой,
Но я не бываю доволен судьбой
И даже тогда, когда песню свою
Я вижу взлетевшей в простор голубой.

Я снова, забыв и жену и детей,
Бежав суеты и дотошных друзей,
Нужнейшую песню народу ищу,
Прикован к столу, как к скале Прометей.

Ты прости мне, что много я дней молчал,
На призыв твой горячий не отвечал:
Новый труд свой «Волны на целине»
В это время писать я вчера кончал.

На громадный корпус похож был он,
Что добротнo и надолго возведен,
Но еще не украшен лепкой, резьбой
И люстрами яркими не освещен.

Но разве хороший строитель, скажи,
Впустит ли в дом неотделанный жить?
Не этак ли мы, дорогой мой Хамит,
Ревниво лелеем сиянье души?!

Без чувств сокровенных герой — манекен,
И снова перо в моей твердой руке,

И снова я надолго сел бы за стол,
Когда б не настойчивость доброй Макен.

Она не пустила меня в кабинет,
А легче достигнуть далеких планет,
Чем жен убедить, что они неправы —
Я ведаю это по опыту лет.

Так стал я свободным. И искренне рад,
Дать ответ на письмо твое, младший брат,
А до этого — ты ли не знаешь сам? —
И пера-то мне некогда было брать.

А сегодня позволь же, Хамит, и мне
Помечтать в моей песне о целине. —
О степи, что сменила ковыль на хлеб
И за то полюбила еще сильней.

II

Гордиться родною землею нам дано,
Без чувства любви к ней мы все бы давно
Рассыпались так же, как без основы
Старательно вытканное полотно.

Родная земля!
Всею силой корней
И душой я и думами только с ней.
Не знаю прекрасней степного края
И нашего неба теплей и ясней.

Песни пели о крае моем жирши,
Но хоть сотню томов еще напиши,
Знать, никогда не раскрыть словами
Красоту и бездонную глубь души.

Сотню Бельгий обширный мой край вместит,
Он степной и снегами хребтов блестит,
Лесами покрыт и шумит хлебами, —
Даже ветру в нем есть где песок мести.

Есть в краю необъятном и малый Дос —
Я в этом местечке родился и рос,

Оттуда пришел я пешком в столицу
С котомкой стихов и мальчишеских грез.

Там родились отец мой, мои деды,
Так и не выбравшиеся из нужды,
Покойная мать, чтобы всем хватило,
В молоко добавляла слез и воды.

До сих пор не забыть мне страшную быль:
Хлеба нет. Лишь белесый шумит ковыль
Да, взбитая байскими табунами,
На аул оседает седая пыль.

Но и позже мой малый степной народ,
Хоть любивший копаться в земле, как крот,—
Один бы долго еще не осилил,
Не взял бы пустошь вечную в оборот.

У него не хватило бы просто сил,—
Он у партии помощи попросил,
И призыв ее — ехать в наши края —
Всю страну необъятную огласил.

Я в памятный славным свершением год
Каким-то особенным чувством был горд,
И мощным народным потоком подхвачен,
Сменил на целинные пустоши город.

Вздохнула дремавшая степь, ожила,
Когда в нее сила такая пришла.
Как братья, народы сюда собрались
Вершить в Казахстане большие дела.

Просторы открыли объятья для нас,
От радости брызнули слезы из глаз,—
Я верил, что все, чем богата земля,
Людскому упорству навеки отдаст.

Всю жизнь какой-то загадкой маня,
Мой Дос травоцветием встретил меня,—
Я долго в просторы глядел с холма,
Себя победителем-маршалом мня.

Сабит Муканов и народный акын Кенен Азербает.

А степь покрывалась нестройностью рога,
С киркой, не с винтовкой поднялся народ,
И путь наступленья на ниве труда —
Единственно близкий народу поход.

Плывут облака в голубых небесах,
Веселые птицы гнездятся в лесах,
С высокого Доса землею отцов
Любуется сын ее — гордый казах.

Ласкает влюбленный до нежности взор
Лазурь не мутнеющих вечно озер,
Красавица-лебедь упругим крылом
Плетет из кувшинок волшебный узор.

Плывут журавли в синеве высоты,
Над реками выгнулись радуг мосты,
Красой околдованы, поражены
В небе повисли жаворонки, застыв.

Как же было мне, Хамит, утерпеть,
Чтобы с птицами вместе край не воспеть —
Если песня душою окрылена,
Из груди она вырвется, чтоб взлететь.

III

До чего же чудесен родимый край,
Хоть всю землю объезди и выбирай, —
Не отыщешь привольней моих степей, —
Не они ли — затерянный миром рай?!

Как откормленный нар¹, здесь земля жирна
Вырви траву — и брызнет жиром она,
Это выпало счастье моим дедам,
Что нашли ее в давние времена.

По весне чуть не в пояс здесь травостой,
Словно шерсть на курдючной овце, густой;
И когда в нее трактор лемех вонзил,
Чуть не крикнул я трактористу: «Постой!

¹ Нар — одногорбый верблюд.

Подыми от земли лемехов клыки,—
Иль душе твоей горести далеки!»
Но слезами восторга поднятый пласт
Поливали, как дождиком, земляки.

И в смущенье я слезы свои утер,
Сердца жалобный стон заглушил мотор —
Плугом трактор, как бритвой острее остра,
Распластал пополам мой степной ковер.

И как будто в атаку под клич «ура»,
В битву ринулись мощные трактора,
Навсегда мне запомнилась, мой Хамит,
Страдных дел наступательная пора.

Ночью бойко, как прежде, взошла луна,
Но сробела в сиянье огней она,
Фар лучами, как ножницами, под ней
Степь лежала, на ленты раскроена.

Стала жизнь богаче в моем краю:
На смену извечному кураю
Появилась мечта моих предков — хлеб —
Я отныне его всей душой пою!

Вдохновенный, я сам к трактористу сел,
Забывал, что по суткам не спал, не ел,—
Был в ту пору я полностью поглощен
Грандиозностью трудных, но добрых дел.

Из каракуля черного шубой мы
Покрывали низины все и холмы,
Чтоб не тронул их лютый палящий зной,
Чтоб не мерзли края мои средь зимы.

Светом фар и кострами озарена
Степь казалась мне вылитой из зерна...
Улетел я домой, чтоб писать роман,
И меня провожала, как мать, она.

Провожали, напутствовали меня
Первых всходов упругие зелены,
И опять, как всегда, мой лукавый Дос
Провожал, возвратиться назад маня.

Предстояло немало мне дома дел,
 Но недолго над книгою я усидел,—
 Не хватало дыханья родной степи,
 В ней, казалось, чего-то не доглядел.

Провожавшие малыми, зеленыя
 Укрывали по круп моего коня.
 Аксакал из родного навеки Дос
 Первым хлебом целинным встречал меня.

Шел я полем и думал, что утону,
 За волной нагоняли хлеба волну,
 Как на тое акын, обновленный край
 Тронул сердца чувствительную струну.

Степь теперь от хлебов, как лиса, рыжа,
 Та лиса, что на малахай хороша!
 Только наша с тобою, Хамит, земля
 Такие ли дивы умеет рожать!

Течет к элеватору хлеба река,
 Рождается в сердце поэмы строка,
 Крылата, как беркут в дали голубой,
 Как зерна пшеницы, лита и строга.

А горы пшеницы растут и растут,
 Как всходы к солнцу, тянутся в высоту...
 Но случилось, Хамит, острием пера
 Вставать у добра этого на посту.

Стих мой острый, как штык, и, как воин, смел,
 Всех разил, кто добро беречь не умел..
 Лишь достойных почестей и хвалы
 В романе, задуманном мной, воспел!

Вот и все, что ответить тебе хотел.
 От тебя жду поэмы, достойной дел,
 Я в романе дела эти воспою;
 Славить край свой, Хамит,— это наш удел!

ТВОИ ПЛОДЫ

О партия!
Силой своей
Ты вызвала к жизни просторы степей
И нас неустанно, с любовью и лаской
Взрастила как верных твоих сыновей.
Ты сеяла щедро в казахских степях,
В казахских открытых горячих сердцах,
И доброе семя теперь плодоносит,
Плоды его слаще, чем мед на устах.
Я тоже возвращен и взлелеян тобой,
К тебе безгранична сыновья любовь;
Бери мои руки,
Бери мое сердце,
И множь свои силы,
Я всюду с тобой.
Да разве один я!
Миллионы людей —
Твоих дочерей и твоих сыновей —
И руки тебе и сердца подарили
И гимны слагают о славе твоей.
Мы счастливы тем,
Что казахский народ
В советской Отчизне как равный живет.
О партия!
Слушай ликующий голос:
Тебе Казахстан эту песню поет.
Ты нас неустанно и мудро ведешь,
Ты в гору к заветной вершине идешь,
Ты сеешь могучее доброе семя,
Ты в нас неизменно, как сердце, живешь.

1958

107 MB

I

Осенью грустью душа полна.
Природа, как люди, тоскует: она
Теряет блеск, красоту земную.
И ветер гудит стемна дотемна.

Зима в белом саване в степь идет.
За горло любого мороз берет.
Одни умирают. Другие, чтоб жить,
Бьются в плену житейских забот.

Мы лето хвалим: «Чудо-пора!»
Но лето недолго живет у двора.
Захочет — согреет тебя. Потом
Исчезнет лучей горячих игра.

Но все же времени лучше нет!
Смягчает горе солнечный свет.
И все восхваляют летние дни.
И все посылают лету привет.

«Все живое летом цветет!
Радость лето людям несет!» —
Поют акыны, в песнях своих
Славя летней поры приход.

Но хвалят лето акыны зря.
Идет оно, радость не всем даря.
Баям жирным, не беднякам
Светит летом в степи заря.

Бедняк одинаково плохо живет
Зимою и летом. Бедняк круглый год
Несет непосильное бремя труда,
Нужда его вечно, везде гнетет.

Жил старик Жумаш. Зимой и летом
На работу выходил с рассветом.
Отдыха не знал он никогда,
Но большую знал нужду при этом.

Рано его мать взяла могила
(В день его рожденья это было).
Вместе со щенятами он рос —
Сука молоком его вскормила.

Рос мальчишка бедной сиротою,
С мачехой своею — злой нуждою.
Годы проходили, как во тьме,
Стороной заброшенной, степною.

Безотрадное, большое горе
У Жумаша светится во взоре.
На седьмой десяток жизнь пошла,
Вся она — невзгод тяжелых море!

Где они, хваленые рассветы,
Что давно акынами воспеты?
Солнца золотистые лучи?
Звезды — дорогие самоцветы?

Все эти веселые щедроты
Равнодушной матери-природы
Радовали байские сердца,
Никогда не знавшие заботы.

Что он видел в этом мире странном?
Острый месяц в облаке туманном?
Бесов, набегавших по ночам?
Сны в своем сверкании обманном?

Да рабов, работой утомленных,
Охранявших скот в чужих загонах,
Байского сынка, что в темноте
Нападал на девушек смущенных.

Все он видел, все он понял ясно:
К людям жизнь всегда была пристрастна.
Был коварен облик бытия.
Радость ожидал Жумаш напрасно!

Потому-то в памяти осталось:
Нищета да на душе усталость.
Прожил век он с прозвищем Бедняк,
Эта кличка в кровь его всосалась.

Жизнь прошла. Где ты, бывая сила?
Чья рука лицо избородила?
Мускулы ослабли. Дрожь в ногах.
Знать, близка печальная могила.

Нет жены, детей, сестер и братьев,
Кто б раскрыл ему свои объятья,
Кто бы пожалел его, помог
Да послал его судьбе проклятья.

Был когда-то молодым, здоровым,
Грузом изумлял многопудовым,
Никакой работы не бежал,
Лишь молчал под окриком суровым.

Золотыми были эти руки.
И Жумаш не ведал с ними скуки.
За работой забывал джигит
Подневолья горечи и муки.

Чтоб с нуждой покончить безысходной,
Не боялся жизни он голодной.
Он в труде похож был на вола
Силой нестигаемой природной.

Не сбылись мечты о светлом счастье.
Жизнь — одно осеннее ненастье.
И нигде Жумашу не найти
Теплого сочувствия, участия.

Старость лишь вздыхает, не смеется.
Все трудней с невзгодами бороться.
Спину гнуть на бая до конца —
Это все, что в жизни остается.

...Степь вздымала трав густую гриву.
Солнце в небе плавало лениво.
— Отправляйся-ка на сенокос! —
Бай Жумашу приказал спесиво.

Но ходить весь день в степи с косою
Бесконечно длинной полосой —
По плечу джигитам молодым,
А не старцу с согнутой спиной.

Но у бая вместо сердца камень.
Откажись — затопает ногами.
Как собаку, вмиг прогонит прочь.
Нянчиться ль ему со стариками!

А ведь мог бы пожалеть он старость.
Много ли Жумашу жить осталось?
Поселил бы в старенький шалаш,
Милостью сменил свою бы ярость.

Мог сказать бы: — Я не как другие!
Из тебя не буду гнуть дуги я.
...Ведь мулла прощение грехов
Обещает за дела такие!

Но у бая нет такой заботы.
Ты батрак. Ты создан для работы.
Пользу баю должен приносить!
День и ночь старайся на него ты!

В степь Жумаш с косою острой вышел.
Стал косить. С трудом бедняга дышит.
Прежней хватки нет у старика,
Ветер, как траву, его колышет.

Кто познал нужду, тот боль другого
Понимает сразу, с полуслова.
Он ему поможет, подбодрит
И в себя заставит верить снова.

А Жумаш был окружен друзьями,
Как и он, простыми бедняками.
Пожалели старика они,
За него взялись работать сами.

«Скоро праздник!» — весть доставил кто-то.
Молодежь забыла про работу.
Не обрадовался лишь Жумаш,
Птице одряхлевшей нет полета!

Он сказал: «Я не пойду. Не ались,
Был в душе его печальны авались.
Он один остался в эту н
С комарами, знающим асалист.

Он лежал, а а восток.
Вспомни дучей пошли потоки.
Повзды агодатное взошло
Погрузостором утренним, высоким.

ю Жумашу зорька показалась
Кровью бедных. Часто орошалась
Этой кровью байская земля.
Вот и небо ею пропиталось...

В суеде предпраздничной аула
Чел Жумаш, нахохлившись сутуло.
Цпах баурсаков, кумыса...
П в преддверье байского разгула.

Нам коле жирные ягнята.
Улетаю аздник шумным и богатым!
Самые заидет тихонько в степь
В явь прео аремящейся куда-то.

Жаль, что в а а громадой темной
Человек, живущи а алме огромной,
Умереть не может. С а сех,
Радость изумительных све а.

И Жумаш стремглав взлетел на а.
Никогда в краях он этих не был!
Он встречает ласку и почет.
Вдоволь здесь баранины и хлеба.

Старика такие ж горемыки
Окружили. Раздаются клики:
— Отдыхай и наслаждайся всем!
— Мы на небе полные владыки!

...Спал Жумаш в блаженстве небывалом.
Шел рассвет в своем сиянье алом.
Кто-то подошел из косарей,
Жестом разбудил его усталым.

Но тут глядел Жумаш. Вот чудо, право!
Бескошда нет. Он в шалаше дырявом.
По плеч молча выстроились в ряд
А не ста, т косцов к высоким травам.

Но у бая вместе с полет чудесный
Откажись — затопает. А те — известно —
Как собаку, вмиг прогон. Пошли.
Нянчиться ль ему со стар. чудесный.

А ведь мог бы пожалеть он ста,
Много ли Жумашу жить осталось:
Поселил бы в старенький шалаш,
Милостью сменил свою бы ярость. жь,

Мог сказать бы: — Я не как други
Из тебя не буду гнуть дуги я. это.
...Ведь мулла прощение грехов им.
Обещает за дела такие! лтым.

Но у бая нет такой заботы.
Ты батрак. Ты создан для жадно:
Пользу баю должен при, там складно.
День и ночь старайся, но летит —
ыть, там, прохладно!

В степь Жумаш с
Стал косить. С ий над цветами
Прежней хват, ит-бежит степями.
Ветер, к, всех при встрече он
ми медовыми устами.

К, Он лицо Жумаша на мгновенье
Освежил приятным дуновеньем.
Не заметив ласки ветерка,
Тот сидел в немом оцепененье.

Плыл над степью аромат духмяный
От цветов, усеявших поляны.
Подыши — и недуги пройдут,
И тревоги схлынут, как туманы.

Все здесь душу радует и лечит.
Но Жумаш был хмур, как темный вечер.
Ехал он, задумавшись, в тоске,
Опустив по-стариковски плечи.

На озерах, что в пути встречались,
Птичьи песни звонко раздавались.
Но души Жумаша и они
Радостным напевом не касались.

Заалела зорька на востоке.
Золотых лучей пошли потоки.
Солнце благодатное взошло
Над простором утренним, высоким.

Но Жумашу зорька показалась
Кровью бедных. Часто орошалась
Этой кровью байская земля.
Вот и небо ею пропиталось...

В суете предпраздничной аула
Шел Жумаш, нахохлившись сутуло.
Запах баурсаков, кумыса...
Все в преддверье байского разгула.

На приколе жирные ягнята.
Будет праздник шумным и богатым!
И Жумаш идет тихонько в степь
За толпой, стремящейся куда-то.

Вот народ застыл громадой темной.
А с холма мулла в чалме огромной,
На молитву призывая всех,
Затянул азан свой неумный.

И, намаз покорно совершая,
Замерла вокруг толпа большая.
Деньги жадно собирал мулла,
Бедняков словами утешая.

Кончился намаз. В ауле тонко
Плач раздался первого ягненка.
Возле каждой юрты хлещет кровь,
Хлещет в землю жертвенно и звонко.

Ведь барашек, если кровь прольется,
Лошадью позднее обернется,
На себе хозяина помчит
Сквозь золотые райские ворота.

А Жумаш? На чем он в рай поедет?
Он таким барашком только бредит.
Значит, место старому — в аду!
Да, чтоб жить в раю, он слишком беден...

Степь в прохладном сумраке тонула.
И Жумаш уехал из аула.
Взял продукты и — на сенокос.
Что ему до праздничного гула?

Снова гневом сердце запылало.
Снова пронеслась вся жизнь сначала.
— Чем так жить, не лучше ль умереть? —
Горестно его душа шептала.

— Слушай, бог! — сказал Жумаш сурово.—
Слушай бедняка простое слово.
Ты не наш! Ты хитрый байский бог!
Мне не надо божества такого.

Милости твои познал сполна я.
Погляди — вот жизнь моя земная!
Из мучений соткана она.
Можно ль жить, тебя не проклиная?

Ты жесток! — кричу я. И не трушу.—
Так возьми безрадостную душу,
Быть рабом я больше не хочу,
Погляди — я слова не нарушу.

И Жумаш себе косой — осколком —
Перерезал горло. Жизнь замолкла.
Неприглядной эта жизнь была,
Если будем разбираться с толком.

Если мир весь кажется могилой,
Если давит он враждебной силой,—
Лучше добровольно смерть принять.
Чем брести дорогою постылой.

АЛЬБОМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Альбом Ажар

Немало комнат здесь.
И все же
Одна из них, как говорят,
На все другие не похожа,
К себе приковывает взгляд.

В ней, перед ослепленным взором,
Два сундука,
Как мир стары,
На них горят цветным узором
Золототканые ковры.

И, словно проникает в душу
Его сиятельство само —
Свет лампы под зеленым плюшем,
Стократ повторенный в трюмо.

И на кровати завитушки
Сверкают медью там и тут.
На одеяле две подушки,
Как будто лебеди плывут.

По стенке,
Прямо перед нами,
Стекает до полу ковер.
У радуг взятыми цветами
Его узор пленяет взор.

А слева — книжный шкаф,
В котором
Книг не сочтешь.
За рядом ряд
Они стоят, цветным узором,
Тисненым золотом горят.

Там гардероб резьбой дубовой
Глядится в светлое окно.
В нем шуба беличья
С хорьковой,
С шелками
Тонкое сукно.

А посреди,
Со шкафом рядом,
(как только он сюда вошел!)
Подобный каменным громадам,
Встал недвижимо чудо-стол.

На нем,
На скатерти атласной,
На поле нежно-голубом,
Лежит отделанный прекрасно.
Со вкусом сделанный альбом.

Не лампа —
Солнышко в зените!
И на нее взглянуть я рад.
В ней ожерелье светлой нити
Напоминает нежный взгляд.

И кресла шелком голубели,
Качнутся — только тронь чуть-чуть.
В них можно, словно в колыбели,
Душой и телом отдохнуть.

Перед окном — цветы ромашка,
И, дополняя их красу,
Жужжит и бьет крылом букашка
И пьет хрустальную росу.

В углу ведут часы стенные
Минутам счет

И звонко бьют,
Напоминая, что иные
Из нас
Минут не берегут.

Взгляните в этот угол дальний:
Как будто зрительный обман —
Картина: девушка в купальне
Смеется, обнажая стан.

Висит на двери занавеска,
Ее стянули узелком.
Но что за шелк!
В нем столько блеска
Под ярким солнечным лучом.

Духами пахнет дорогими,
Дыши во всю, казалось, грудь.
Кто здесь живет?
Блажен, кто с ними
Тот аромат сумел вдохнуть.

Но все же... в доме нет уюта.
Здесь даже дышится с трудом,
Когда представишь на минуту:
Необитаем этот дом.

От скуки медленно сгорая,
Сиди и звон часов считай...
Отречься трудно ли от рая.
Когда необитаем рай!

Но в доме места нет унынью.
Здесь, где кипит веселья жар,
Поэмы этой героиня,
Живет красавица Ажар.

Она иных красавиц строже,
И красивей, и веселей.
Расплавить даже камень может
Горячий взгляд ее очей.

Красноречива и сурова,
И круглолица, как луна,

Она стройна и черноброва,
Стан прям, как звонкая струна.

Цвет алых губ,
И зубы эти,
Что, как жемчужины, чисты,
И даже родинка — свидетель
Ее небесной красоты.

Все, все твердит одно и то же:
Она красива без конца.
А улыбнется так,
Что может
Поднять улыбкой мертвеца.

Она на «Вы» зовет любого,
Гордыни нет.
Она для всех
В своей душе находит слово,
Всегда ей чужд бестактный смех...

На пьедестал себя не ставит,
Глаза покой души хранят,
И вас задуматься заставит,
Лишь бросит мимолетный взгляд.

Высокий стан
Стройней былинки.
Любой наряд ее хорош.
В просторном доме ни пылинки
И ни соринки не найдешь.

По дому часто ходит в белом,
Брошь золотая на груди.
Цвет платья слился с белым телом,
Поди, границу их найди!

Грудь источает свет и негу.
И лучезарностью своей
Пьянит рука,
Белее снега.
Браслеты звонкие на ней.

Ее походка грациозна,
Шагает мелко, не спешит.
На платье
Шелк расцветки звездной
Переливается, шуршит.

Идет, откидывая руку,
От каблучков — спокойный стук.
От их пленяющего стука
Забьется сердце ваше вдруг.

Пройдет спокойно перед вами...
Тростинки-пальцы...
Наконец,
Пленяет сердце,
Словно пламя,
Что в силе растопить свинец.

2. Рождение Ажар

Отец, владелец магазина,
Доволен старшею женой:
В семье уже четыре сына.
Но дочки нету ни одной.

Жил бай, ни в чем нужды не зная,
Богатством был известен он.
Для всех домашних слово бая —
Как божья воля,
Как закон.

И медресе, и двухэтажный
Дом, что с мечетью рядом встал...
Невольно любовался каждый
Строением на весь квартал.

Чего, чего там только нету!
И думал, видимо, народ:
Владеющий богатством этим
В богатстве счастливо живет.

Ну что, казалось, нужно баю?
Мила характером, нежна,
Такая тихая,
Такая
У бая кроткая жена!

Двух сыновей уже женили,
Невеста третьего растет.
Его с невестой обручили.
Четвертому — десятый год.

Свекровь у снох своих в почете,
И снохи заняты трудом,
Всегда в заботе и в работе,
Метут и чистят байский дом.

Живет в богатстве,
Это верно,
У бая старшая жена.
Но все же чем она безмерно
Омрачена, удручена?

На это есть своя причина,
Хоть бай и нежен был с женой.
У байбише — четыре сына,
А дочки нету ни одной!

Печально видеть человека,
Грустящего и день и ночь.
Когда ей минуло полвека,
Мечта сбылась:
Родилась дочь!

Ждешь, а родится кто — загадка.
Об этом ведать не дано.
Готова детская кроватка,
Все приготовлено давно.

Настали родовые схватки,
Соседок сразу —
Полон дом.
И дочка в маленькой кроватке
Лежит пред радостным отцом.

С друзьями верными своими
Отец устроил тут же пир.
Ажар — дочурке дали имя.
А пир был пиром на весь мир!

3. Ажар росла

Нам пища,
Если пищи мало,
Всегда особенно сладка.
Ажар в довольстве подрастала:
Вокруг нее — меха, шелка...

Она лежала в колыбели,
В своей постели голубой,—
Над нею няньки песни пели,
Заплачет —
К ней бегут гурьбой.

Такие случаи нередки,
Они известны нам давно:
Малютку хвалят все соседки —
Не лгут ли,
Лгут ли —
Все равно.

Три года минуло.
Покуда
Заговорила наконец.
Что дочь ни скажет, просто «чудо»!
Довольна мать,
И рад отец.

Он, в девочке
Души не чая,
Мог все для ней тотчас найти.
Все появлялось в доме бая,
Что только дочь ни захотит.

Ей в доме комнату отдали,
Ту, что была других светлей,
И с ней две девочки играли,
Чтобы не скучно было ей.

Двух лучших няnek,
Двух старушек,
Для дочки нанял старый бай.
Каких захочется игрушек,
Бери, что хочешь,
И играй!

Все наготове,
Все на страже.
Игра в невесты неплоха.
Дочь стала огорчаться даже,
Когда ругали «жениха».

Девчонки
Знали ли вначале,
Что это значило — «жених»?
Хоть слово и не понимали,
Игра — любимая у них.

А время шло.
Ей девять скоро.
Она все больше,
Все умней.
Читала даже в эту пору,
И книги покупали ей.

4. Первое чувство

Серьезных интересов масса,
Хоть дочь на вид и весела.
Окончила четыре класса,
Потом в гимназию пошла.

Для баев было все на свете.
Учиться? Ты ребенок чей?
Могли учиться только дети
Богатых баев,
Богачей.

А бедняков, их слишком много,
Им доля рабского труда.
Их лишь пускали до порога.
Нет, беднякам нельзя туда,

Где в белокаменных палатах
Учили разуму детей
Аристократов
И богатых
И уважаемых людей.

Порядок древний,
Стародавний.
Здесь те,
На ком огнем горят
Кокарда,
Славный герб державный
И пуговиц блестящий ряд,

Никто
От спеси онемелых
Их перекрыть ни в чем не мог —
От их перчаток снежно-белых
До лакированных сапог.

Ажар была им очень близкой,
Как госпоdynя, —
Не раба,
Была заправской гимназисткой:
Горда не в меру и груба.

На тех внимание обращала,
А те не нравились ей,
Тех за ученость уважала,
Тех не считала за людей.

Была начитанною самой,
И к книгам дом ее привык.
Стихи ли, проза или драма —
Немало было разных книг.

Любя особенно романы,
Их перечитывала вновь —
Про похождения,
Про обманы,
Про небывалую любовь,

Про тайный смысл сердечной прозы,
Про тех,
Кто от любви без сна.
И часто потихоньку слезы
Лила над книгами она.

И вы, наверное, читали
Про тех,
Кто, о любви моля,
Страдал,
Кому была в финале
Наградой пуля иль петля.

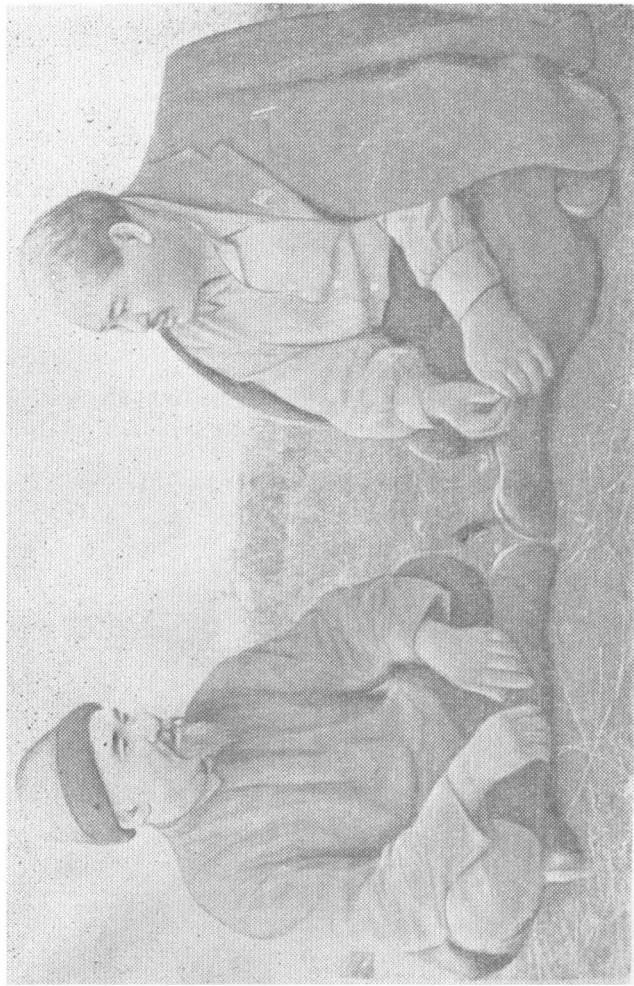
Про тех,
Кто, словно в наказание,
Был в лучших чувствах оскорблен.
Про тех,
Кто назначал свиданье,
Хоть вовсе не был он влюблен.
Про тех,
Кто жил в любви и холе,

Про тех,
Кто умирал в крови,
Кто, словно по недоброй воле,
Сам бегал от своей любви.

Нет, так не любят толстосумы!
О чем задумалась ты?
В ее душе рождались думы,
Как будто новых чувств цветы.

Ажар невольно убедилась, •
Что жизнь —
Когда горишь душой.
Внезапно перед ней открылось
Значение любви большой.

Узнала:
Все страданья канут,
И дни любви настанут вновь.
Жалела тех,
Кто был обманут.
Ажар поверила в любовь.

Сабит Муканов с героем из автобиографического романа «Школа жизни» Кайрке,
с которым он встретился через 50 лет.

Одно сомнение душу гложет:
А я вот так же полюблю?
Кого пленю?
И с кем я ложе
Любви прекрасной разделю?

Кому я вскоре стану богом?
Кто склонит голову свою?
Какую выберу дорогу?
Пред кем в любви не устою?

Кто будет,
Взяв меня за руки,
Шептать мне нежно при луне?
Кто, хоть на миг со мной в разлуке,
Вдруг заскучает обо мне?

Кто вечно чувства не забудет,
Мой образ в сердце сохраня?
Кто о любви писать мне будет?
Кто жизнь отдаст из-за меня?

Кто за меня на смерть решится?
Меня кто видит и во сне?
Кто будет счастлив
И жениться
Захочет, наконец, на мне?

Пусть будет знатным и богатым,
Но старым,—
Значит, старина,
Не будешь ты на мне женатым!
Так поклялась себе она.

Но если ты красив собою,
Умен и молод,
То тогда
Я разделю судьбу с тобою,
Твоею стану навсегда.

Любовь зажжется между нами,
Когда меня достоин он.
Мы породнимся с ним сердцами,
Что будут биться в унисон.

А если он меня обманет,
Не стану я его женой!
Тогда страдать мне,
Как Татьяне,
Без друга милого,
Одной.

Коль вся любовь моя напрасна,
Обманет — утоплюсь тогда.
Сверкнет ли,
Это мне не ясно,
Погаснет ли моя звезда?

Ее мечты — о верном друге.
Пугает девушку обман.
Напоминает о супруге
Ей вновь прочитанный роман.

Она о том мечтает,
Чтобы
И к ней любовь пришла скорей.
Ажар забросила учебу,
Она противна стала ей.

Встречая, взвешивала взглядом
Парней.
Как в них узнать порок?
Любовь, быть может, где-то рядом,
Да для нее не вышел срок.

Ее влекло неодолимо
Следить побольше за собой.
А вдруг любовь проходит мимо,
Так и не встретившись с тобой?

Джигиты юные, конечно,
Не чуя под собой земли,
Ей задаль кланялись поспешно,
Ее не видеть не могли.

И дом Ажар стал шумным домом.
В нем гости вечером и днем.

В нем были рады всем знакомым.
Что появляться стали в нем.

Ища удобного момента,
(Как к недотроге подойдешь?)
Здесь собирались и студенты
И «золотая молодежь».

Иным Ажар была загадкой,
Иные верили,
А те,
Что похитрей,
Ей льстили сладко,
Своей доверясь красоте.

Иные гнулись,
Но едва ли
Надежда есть у молодцов,
Что лишь духами щеголяли
И пудрой пудрили лицо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

К читателю

Перелистав листы в альбоме,
Нам важно было лишь одно:
Что будет дальше в этом доме?
Развязки ждем уже давно.

Читатель,
Это знаем все мы,
Конкретность очень любишь ты.
А многим нравятся поэмы
Большие,
Хоть они пусты.

Но я вернулся вновь к альбому,
Чтоб сократить его,
И вот
Теперь звучит он по-другому,
В нем нет назойливых длиннот.

Читатель хочет продолженья.
И я мечтаю лишь о том,
Чтоб разделить с ним наслажденье
Читая дальше тот альбом.

Страницы мы перелистали,
До сути чтоб скорей дойти.
Я опускаю в нем детали,
Чтоб прямо к делу перейти.

1. Время Ажар

Делам — история свидетель.
В ней видно все —
Кто добр, кто плох.
В ней все прошедшие столетья
Пред взглядом будущих эпох.

Когда-то в тяжкую годину
Здесь ханский властвовал сапог.
Кто гнул в труде на ханов спину,
Ни в чем их упрекнуть не мог.

Бессильных и батыры гнули,
Они пограбили добра.
В любом селе,
В любом ауле
Пограбить были мастера.

Борьба велась между родами,
Как и внутри родов.
И вот
В аулы к нам пришли с годами
И месть, и распри, и разброд.

Кто завладел наделом узким,
А кто был вовсе без земли.
Но присоединились к русским,
И дружбу с русскими нашли.

Но дружбу с русскими не всеми,
А с теми,
Кто, душой горя,

Страдали в бедности в то время
От рук кровавого царя.

Казахов царь «пригрел» вначале,
Приняв все требованья их.
Потом они вдвойне страдали —
От русских баев и своих.

Царь сжал, стенаньям их не внемля,
Рукой державною,
И вот
Он у аулов отнял землю,
Озера лучезарных вод.

Посеял семена раздоров
Здесь волостной,
Как домовый.
Две юрты не жили без споров,
Платили в драке головой.

Закрыли бедным путь к науке.
Страдали люди в темноте,
Пока друг другу мыли руки
И наши богачи
И те.

Наука — для аристократа!
Гимназия — лишь для него.
Его права хранились свято.
А для народа — ничего.

Кто был в богатстве,
Тот и в силе.
Видать, они учились зря:
Что для народа приносили?
Лишь мысли грозного царя.

А кто вступался за казаха,
Кто правду добывал,
Тому
Всегда была готова плаха,
Ему один лишь путь —
В тюрьму.

Шел ход истории, как прежде.
Шел бесконечный караван,
Вез груз — народные надежды.
И к свету путь ему был дан.

Посмотрят,
А уже немало
Других, что смело шли вперед.
Страна казахов
Отставала,
На смерть был обречен народ.

Другие, что в ярме страдали,
Поднялись бывшие рабы.
Открылись им иные дали
Священной классовой борьбы.

Раздался мощный гимн свободы,
И был его призыв таков,
Что у казахского народа
Душа рванулась из оков.

Он раздавался неустанно.
Так были звуки те сильны,
Что в бой поднялись
Казахстана
Вольнолюбивые сыны.

2. Ажар и народные герои

Теснились мысли быстрым роем,
Момент был важен и горяч.
Перед борцом,
Перед героем
Немало всяческих задач.

Но на пути к освобожденью
Задач, пожалуй, не найдешь
Труднее, чем раскрепощенье
Казахских женщин.
Молодежь

Теперь не знает,
Что когда-то,

Хоть ты от слез и горя сгинь,
Купить мог девушек
Богатый
Из бедной юрты,
Как рабынь.

Пускай она другим любима,
Что может сделать?
Беднота!..
И в рабство шла из-за калыма —
За сорок семь голов скота.

Нежданно палетало лихо:
Старик-богач имел стада, —
Нужна батрачка, сторожиха.
Ты за калым иди туда.

Вот он старик, урод богатый,
С отцом о чем-то говорит.
Хоть тот урод давно женатый,
Но ты покорной будь на вид.

Проходит счастье где-то мимо,
Любимый сердцем человек...
Отец тебя из-за калыма
Рабыней сделает навек.

Мулла пугал,
Грозил кораном,
И сделку освящал аллах.
Смирялся поздно или рано
Старик-отец,
Седой казах.

И, не найдя на свете места,
Где пожалели бы ее,
Шла замуж,
Как на смерть,
Невеста,
Все горе выплакав свое.

В такую тягостную пору,
Когда жена была рабой,

Нашлись герои,
Для которых
Вся жизнь была борьбой.
Борьбой

За наше счастье и за волю,
За то, чтоб женщина могла
Сама свою наметить долю,
Чтоб равноправною была.

К ним истина являлась в спорах,
Кипел ключом душевный жар.
И с ними в этих разговорах
Участвовала и Ажар.

Когда она встречалась с ними,
Ей был почет оказан тут.
С ней разговор,
Не как с другими,—
Как равный с равными, ведут.

А без нее,
Еще вначале,
Их спор не клеился в тиши.
За красный цвет ее признали,
За красный цвет ее души.

3. Город «Н»

Был город тихий, молчаливый,
Тот, где Ажар росла пока.
На берегу реки шумливой
Стоял он долгие века.

Его три века бьется сердце:
Он был сатрапами царя
Как крепость против иноверцев
Заложен на реке не зря.

(Да, время мчит вперед стрелою.
Я вижу, в памяти храня,
Как он лежал передо мною,
Впервые встретивши меня).

Тот город, символ бранной славы,
Тюрьма, что сеет только мрак,
Теперь раскинут величаво,
Как просвещения очаг.

Река струится,
А над нею
Царит небес голубизна,
И оттого еще синее,
Прозрачней кажется она.

Тут лес склонился над водою,
И звери водятся в лесу.
С чем? Только с песней молодой
Сравню лесную ту красу.

Здесь повстречавшись когда-то,
Когда — поди теперь узнай,
Живут, как два родные брата,
Тауекель и Тайгакбай.

Сейчас не буду вспоминать я,
Кто из какого был села.
Кто неразлучны,
Словно братья,
Тех, видимо, судьба свела.

4. Тауекель

Тауекель — хороший малый,
Характером спокойный был,
На людях не хотел, пожалуй,
Он выдавать душевный пыл.

Кустами брови прорастали.
Широкий лоб.
Глаза остры.
Как будто вылит он из стали,
Не закаленной до поры.

Его ты не раскусишь сразу.
Запальчив в споре
И суров.

На слово скуп:
Так строит фразы,
Чтоб не бросать на ветер слов.

Он уважает неимущих,
У них же общая беда.
Зато богатых, загребуших
Возненавидел навсегда.

Ему бы девушки-пустышки
Готовы подарить сердца,
А он сидит, читает книжки,
Читает книжки без конца.

Друзья позвали, для которых
Цель — веселиться до утра,
А он поет,
И песне вторит
Звонкоголосая домбра.

И песнь струится, словно речка,
Его мечту уносит вдаль.
В той песне каждое словечко —
Душа народа и печаль.

Ее напев, к борьбе зовущий,
В тиши над городом плывет:
Как может править неимущим.
Кто глуп, зато имеет скот?

Про это думает.
Про то, что
Любой богач — как лютый зверь,
И что-то надо делать срочно
Теперь.
Вот именно теперь!

Тауекелю даже снилось
Их братство на планете всей.
И сердце сильно колотилось,
Надежных жаждало друзей.

Он думал:
«Мне б размах просторней,

Порядок я б навел такой:
Насилье б уничтожил с корнем,
Сплотил навек бы род людской.

Пойду вперед сквозь град и вьюгу.»
Был честный путь его хорош.
Искал он в спутницы подругу,
Но где хорошую найдешь?

Он равнодушен был в ту пору,
Не падок до искусных чар.
И все ж нашел,
Хоть и нескоро.
А звали девушку Ажар.

5. Тайгакбай

Теперь к портрету Тайгакбая
Я перейти, читатель, рад.
Сын уважаемого бая
Был толстоват, сутуловат.

Сын бая очень был богатый,
Да только беден красотой:
Взгляд фатоватый, плутоватый,
Холодный —
Не согрет мечтой.

Законы древнего ислама
Неплохо Тайгакбай постиг —
Ишана Зия, скажем прямо,
Любимый, первый ученик.

Придет зачет —
С Тауекелем
Сидит и весь дрожит, как лист.
А ведь, бывало, по неделям
В класс не ходил семинарист.

Надменен, груб,
Кого охота,
Тотчас готов поднять на смех..
Сам невысокого полета,
А смотрит свысока на всех.

Встреч избегает с бедняками,
Ценя лишь знатное родство.
Он не считает их друзьями,
Хоть те в сто раз умней его.

Ведь национализм был в моде,
Он рос открыто, на виду.
Буржуи сеяли в народе
Непримиримую вражду.

Писал стишата и поэмы,
Умел экспромтом,
На глазах,
Импровизировать на темы:
«О мой народ!»,
«О мой казах!»

На вечеринках, как влюбленный,
Он о любви читал стихи,
Мог деве, музой упоенной,
Болтать немало чепухи.

Он был уверен:
Наслаждение
От женщин.
Женщины — вино,
В котором силы, вдохновенье.
Источник мужества оно.

Увидит новую девицу —
В ход обаяние свое.
Пока в любви не объяснится,
Он не отстанет от нее.

Придет красotka молодая —
Весь жар души покажет свой:
— За вас, — клянется ей, рыдая, —
Готов пожертвовать собой.

Клянется искренне.
Отныне
Она навек его ханум.
Но все проходит,

Как в пустыне
Разбушевавшийся самум.

Так, несмотря на все старанья
Любить до гроба, до конца.
Приходит разочарованье,
И разбиваются сердца.

Он только искренне и тайно
Любил красавицу Ажар:
Едва лишь встретятся случайно,
Не скрыть ему душевный жар.

Как часто мы не замечаем,
Когда мы начали любить!
Между Ажар и Тайгакбаем
Цвела любви живая нить.

Всегда одет он аккуратно.
Ну, что ж, казалось, из того?
В своей душе искал он пятна,
Не находил ни одного.

Сдувал с себя следы пушинок
Влюбленный по уши толстяк.
Перед одной из вечеринок,
Примерно, выглядел он так.

Про сердце скажем мы заранее:
Готово выскочить оно.
Сегодня ночью в ресторане
С Ажар он будет пить вино.

Получше надо нарядиться:
Он будет на виду у всех.
Он долго в зеркало глядится.
А за окном гулянье, смех.

Минуты пред свиданьем сладки.
Стекло волшебное, скажи,
Какие видишь недостатки
В моем наряде,
Укажи.

Мои одежды, может, грубы?
Костюм он проверяет вновь.
В улыбке то растянет губы.
То их сомкнет,
То выгнет бровь.

То распушит свои ресницы,
То прядку выпустит на лоб...
Получше надо нарядиться,
Чтоб не ушла,
Влюбилась чтоб!

То упирал ладони в боки,
То изгибался пополам,
То постный взгляд,
Как на уроке
Бросал, когда учил ислам;

То выбирал себе походку:
Такой должна быть иль такой?
То проводил по подбородку
Своей холеную рукой;

То отойдет, шагая броско,
Ногами пишет кренделя,
То перепутает прическу,
Крутые кудри шевеля;

То ищет вновь изъян в одежде,
То пуговицы расстегнет,
То застегнет их все, как прежде,
То подойдет,
То отойдет.

Глаз вопросительно сощуря.
Глядит на свой широкий клеш.
Изъянов нет в его фигуре,
В глазах написано: хорош!

Губу отвесил, как мальчишка,—
Нет, все же коротка губа!
И ноздри маленькие слишком,
Физиономия груба;

В плечах костюма мало ваты,
Наверное, из-за того
И плечи вроде маловаты.
Но впрочем, это ничего.

Ведь если некто
Те дефекты
Заметит в юноше таком,
То просто, значит, этот некто
С последней модой незнаком.

А мы и сами, мол, с усами...
Стянул потуже поясок,
Слегка обрызгался духами,
Припудрил пудрою висок.

Однако надо торопиться.
Он дверь толкнул и вышел прочь
С одним желанием —
Добиться
Того, что хочет,
В эту ночь.

6. Ажар получила первое письмо

Благословенная минута!
Как бы утратив речи дар,
Стоит.
И замерло как будто
От счастья сердце у Ажар.

Стоит, бледнея и краснея,
Улыбка ярче и ясней.
Не знает, что такое с нею...
Ведь первый раз такое с ней!

Как будто подкосились ноги,
То в холод бросит вдруг,
То в жар.
То словно ждет какой тревоги
Больное сердце у Ажар.

Как будто в чем-то виновата,
Уличена в таких делах,

Когда язык,
Чужой,
Как вата,
Твердит одно:
«Спаси, аллах!»

В ее руке письмо в конверте.
Раскрыть конверт давно пора...
Вы письмам, девушка, не верьте:
Где сердца нет,
Там лишь игра.

Ей содержание известно,
Известно, автор кто такой,
Но все же очень интересно!
Нетерпеливою рукой

Она плотней закрыла двери,
Взглянула в бледное трюмо...
Она и верит и не верит,
Читая тайное письмо.

«Людишки есть на белом свете,
Умеют, как ослы, любить.
Влюбившись, могут люди эти
Вздыхать, томиться и грустить.

Я с юных лет ждал этой встречи.
Любви я рано понял суть:
Влюбляться в звезды, в тихий вечер,
Земное не любя ничуть.

Жил, много думая про это,
Надежды в сердце не тая.
Я обошел бы всю планету —
Где ж ты, любимая моя?

Не увлекался я цветами —
Любви завянет нежный цвет,
Но вот стою я перед вами,
Цветов в природе краше нет.

Пред страждущим замкнешь ли дверцу?
(Ты не брани, не рви письма!)

Дай, я раскрою тайну сердца,
И посуди тогда сама.

Я, как орел, расправил крылья,
Узрев иной,
Цветущий сад.
Пусть те заплачут от бессилья,
Кто в нем укрыться норовит.

Там яблоня, одета в росы,
Досель невиданной красы.
И золотятся утром косы,—
Твои две шелковых косы.

Подумай, кто же в том виновник,
Коль путник в этот сад войдет,
И, как позволит сам садовник,
Вкусит с нее волшебный плод?

Я тот волшебный плод, родная,
Хочу сорвать своей рукой.
Благословишь меня, я знаю,
Найти в тени твоей покой.

Ты пламя жаркое без дыма
(Дымить ли может пылкий жар?).
Согрей меня.
Необходимо
Мне лишь с тобой сгореть, Ажар.

Я, словно бабочка ночная,
Кружусь у твоего огня,
На мост любви своей шагаю,
Где ты — опора для меня.

Не осуждай же за признание,
Моей любви не отвергай.
Приди сегодня на свиданье
В «Рог золотой».
Твой Тайгакбай».

Слов колдовство, простых и милых,
Ее сейчас сведет с ума.

И оторваться уж не в силах
Она от этого письма.

Метались мысли в беспорядке.
Вот сердцу задали вопрос!
Она была как в лихорадке:
То жар, то будто бы мороз.

Мол, как ответить, я не знаю,
Хоть мать в советчицы зови:
Что ждать теперь от Тайгакбая —
Обмана? Или ждать любви?

О жар волнующего мига!
Чем хочешь чувство ты проверь...
Она письмо вложила в книгу
И отперла входную дверь.

Она поймет, она проверит,
Кто написал ей —
Враг ли, друг!..
Но только отошла от двери,
Раздался осторожный стук.

От неожиданного стука
Она вросла как будто в пол.
Поспешно подавая руку,
С улыбкой Тайгакбай вошел.

Слов у людей совсем немного:
В глаза любимого взгляни.
Мгновенно,
Тут же,
У порога
Без слов все поняли они.

7. В ресторане

Дышала ночь речной прохладой,
Несла отраду и покой.
Бурлил потоком водопада
Народ гуляющей толпой.

У ресторана в вечер поздний
Светло и шумно,
Точно днем.
С небес заглядывают звезды
В гостеприимный этот дом.

Оркестр доносится до слуха
Средь суетливой тишины,
Как будто звуки льются глухо
На тротуар
Из-за стены.

И погрузившись в наслаждение,
Встал — ни вперед и ни назад —
Застыл на месте без движенья
Толпы шумливый водопад.

Откроешь дверь,
Идешь по залу
И видишь, как чудесно там,
И привыкаешь ты помалу
К земным страстям и чудесам.

Идешь по бархатной дорожке,
Кто не одет, позор тому!
Здесь всех встречают по одежке,
А не по чести и уму.

Зеркал сиянье во всю стену,
Цветы,
Свет люстр под потолком...
Цена?
Не спрашивают цену
Те, кто с набитым кошельком.

Закуски, вина в изобилье,
Бокалов тонкая игра,
На брызги солнце раздробили
И хрустали и бакыра.

Оркестр играет неустанно,
Танцуя, пары вышли в круг...
Лишь вспомнив пустоту кармана,
На миг ты помрачнеешь вдруг.

А хочешь,
Через зал пройди ты,
На двери — тонкие шелка,
Там кабинеты тайн закрыты,
Смотри на них издалека.

Но если носишь денег пачку,
Сорить ты деньгами привык,
Официанту дай подачку,
И он тебя обслужит вмиг.

Здесь делать нечего без денег!
Уютен кабинет и тих.
Там Тайгакбай сидит, бездельник,
С Ажар
В кругу друзей своих.

Стоят пред ними две бутылки
(А сколько было, сосчитай!).
Улыбки сальные,
Ухмылки...
Доволен жизнью Тайгакбай.

Конверт вином намочен с краю.
И, нежных мыслей не тая,
«Я твой» во взгляде Тайгакбая.
В ответ читает:
«Я твоя»...

Казалось, что еще ему бы?
Ажар красива и нежна.
При всех ее целует в губы,
И не противится она.

8. На рассвете

Душе приносит утро радость,
Качает ветерок цветы,
А в сердце проникает сладость,
Неимоверно счастлив ты.

Разоблачает утро тайны.
Кто слаб, тому добавит сил.

Счастливым рад необычайно,
Несчастный — больше загрустил.

Взошло небесное светило,
Срывая покрывало туч,
Всю землю светом озарило,
Прорвался с неба ясный луч.

Ушла одна звезда, другая,
Освобождая солнцу путь.
И часто, жалобно мигая,
Они видны уже чуть-чуть.

Луна еще ползет, бледнея,
Освобождая небосклон.
Как солнце выйдет перед нею,
Она ему пошлет поклон.

Прорвутся тучи,
Робкий лучик.
Тотчас же ринется в прорыв.
И вот уже уходят тучи,
К приходу солнца мир умыв.

С востока нежная прохлада
Целует ласково,
И ты
Увидишь, как деревья сада
Раскрыли ей свои цветы.

Звезда серебряная с юга
Идет в безмолвной тишине
Навстречу солнцу,
Чтоб друг друга
Приветствовать им в вышине.

Проснулись птицы после ночи,
И трубы весело дымят...
Давно проснулся люд рабочий,
Лишь дармоеды-баи спят.

Лес сбросил пелену тумана,
В лесу уже никто не спит.

Под ручку утром рано-рано
Шагает с девушкой джигит.

Над речкой,
Волны поднимая,
Прохладный ветер гонит пар.
Вдоль речки рядом с Тайгакбаем
Идет влюбленная Ажар.

А воздух чистый — ни пылинки.
Мир показал свою красу,
И даже видно, как травинки
Пьют серебристую росу.

По степи, солнышком согретой,
Бредут неведомо куда.
Что говорят они?
Об этом
Лишь знает ранняя звезда.

В степи бродить им так приятно
Среди спокойной тишины.
Он провожал ее обратно,
Сорвав цветок ее весны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. В дни бурь

Россию охватило пламя,
Взметнулась ввысь земная твердь.
Рабы свое подняли знамя,
На нем:
«Свобода или смерть».

Взметнулся пламень Прометеев,
Святой борьбы понятна суть:
Рабы пошли на богатеев.
Довольно нищим спину гнуть!

Богач рабов считал скотиной,
Готовой вечно гнуть горбы.
К свободе — смерть был путь единый.
Теперь к свободе путь борьбы!

Нет между ними примиренья,
Ничем нельзя их примирить.
Отныне лопнуло терпенье,
Оборвалась страданий нить.

Обманут баем или богом,
Верь предсказаниям судьбы,
Но вот есть новая дорога,
Дорога классовой борьбы.

И покачнулось мирозданье,
И тех остановить нельзя,
Кто осознал путем страданья,
Где враг,
А где свои, друзья.

Годины рабства пролетали,
Освобождались от оков.
«Объединяйся, пролетарий!» —
Подхвачен клич большевиков.

И царь, и белые сатрапы,
Кто, как шакалы, нас терзал,
Они не скрылись от расплаты —
Их смысл борьбы девятый вал.

И угнетенные народы
В борьбе за жизнь и за права
Добились счастья и свободы, —
Им в этом помогла Москва.

Никто не даст нам жизни новой!
Поднявшись вешнею рекой,
Казахи сбросили оковы
Своею собственной рукой.

Над миром утро прояснилось.
Когда сумел народ достичь,
Когда все то осуществилось,
К чему призвал партийный клич.

Кто жил в беде и вечном страхе
Перед давящею нуждой,

Сабит Муканов среди школьников.

Воспряли вольные казахи,
Сыны одной семьи большой.

Народ свободен.
Только сроду
Он раб, он сам себе не пан,
Пока на шее у народа
Все тот же бай,
Все тот же хан.

Опять поднялись толстосумы.
Нажиться только — вот их цель,
Награбить больше — вот их думы...
Смотрел на них Тауекель.

Вокруг получше присмотрись ты.
О чем мечтают господа?
Мечтают националисты,
Чтоб власть взяла алаш-орда.

А кто-то ждал и «учредилки».
Иной мудрец
И стар, и сед,
А выжидает на развилке,
Как, впрочем, и иной поэт.

На конях толстопузых стая —
Их призвала алаш-орда,
Такела верного мечтая
На ханство выдвинуть тогда.

Тауекель иного мнения:
Должны здесь править бедняки.
Алаш-орде же, без сомненья,
Колониальный план с руки.

Не надо вашего алаша!
Алаш-ордынцы, этот сброд.
Продаст завоеванья наши,
Что кровью добывал народ.

Алаш-ордынцы, как и ханы,
В своих решениях тверды —

Закабалить народ — их планы,
Чтоб вместе пожинать плоды.

Тауекель звал массы к бою,
Одну преследовал он цель:
Доволен люд своей судьбою —
Доволен и Тауекель.

В алаш-орде он был сначала,
Но вышел из алаш-орды.
Алаш-ординские шакалы
Грозили:
— Не было б беды! —

К большевикам подался наспех,
К чему большевики ему?
Публично поднимали на смех:
Куда, мол, деться одному?

Пусть извергают злость-досаду,
Он встал теперь на верный путь.
Уж не подвластно сердце яду,
Когда чиста, прозрачна грудь!

А что ему их злость-досада?
Когда предаст святую цель,
Подвержен будет мукам ада
Тогда пускай Тауекель.

Дорогу к светлой цели зная,
Искать ли временный успех?
Пусть до поры смеются баи,
Он плакать их заставит всех.

Ничто его не сломит воли:
Ни смех, ни байские штыки.
Он не один на бранном поле,
Вокруг него большевики.

Что было для него опорой,
Что подняло героя ввысь?
Опора, имя у которой
Святое слово —
Коммунизм!

2. Опасная ночь

Проходят дни,
Летят недели,
И не оглянешься назад.
Однажды взор Тауекеля
Привлек Ажар лучистый взгляд.

Он часто стал встречаться с нею.
Взаимности все нет как нет.
Слал письма.
Может, так скорее
Получит на любовь ответ.

Слащавых слов писать не надо,
За шуткой прятал он любовь.
Опять молчание,
Отрада
Одна:
Что встретится с ней вновь.

Гуляют до ночи под ручку.
Проходят дни,
Но между тем,
Не находя к признанию ключик,
Он возвращается ни с чем.

Они идут лесною тропкой.
Ажар всерьез увлечена.
Когда решится парень робкий?—
Все ждет признания она.

Решится поздно или рано,
Ты боль в душе переживай.
Оставил в нежном сердце рану
Ей вероломный Тайгакбай.

Жизнь для нее вдруг стала сложной.
Она поймет обман любой.
При встречах стала осторожной —
Не даст смеяться над собой.

Однажды чувства обманули,
Так впредь смотри.
И потому

У дома ль встретятся,
В саду ли,
Присматривается к нему.

Парк в городишке этом древнем
Ковром спускается с горы.
Над ним развесили деревья
Своих могучих крон шатры.

В нем постоянно листьев шорох
И небывалые цветы.
Стоят березки,
У которых
Стволы невинной чистоты.

Прохладу держат в мягких лапах
Дрожащих на ветру листов,
И их лесной пьянящий запах
Любого опьянить готов.

А по ночам приносят день им.
Светя, как солнце, фонари.
И горожане с наслаждением
Здесь отдыхают до зари.

Как тут приятно на рассвете,
Когда туман ползет с реки!
Остались дома только дети,
Больные или старики.

Струился лунный свет по крышам,
Когда, придя к себе домой,
Тауекель оделся, вышел,
Смешался с шумною толпой.

Был напоен цветами воздух.
Волнами люди шли в ночи,
И улыбались, словно звезды,
Ночных светильников лучи.

Средь шумной музыки и песен
Он быстро шел к любви своей.
Был парк просторный слишком тесен
Для всех гуляющих людей.

Он шел.
И тоже вторя пенью,
Душа мечтала об одном.
Ажар спускалась по ступеням.
Как лебедь в озере ночном.

Они на миг остановились,
Не чуя под собой земли,
В толпу гуляющую влились,
В глубь парка медленно пошли.

Цветы им кланялись из мрака:
Ну, объяснитесь наконец!
Язык стеснительный, однако,
Не выдал тайны их сердец.

Часы летели.
Снова стрелка
(В который раз!)
Замкнула круг.
Но что такое?
Перестрелка
Весь город охватила вдруг.

Тауекель сказал ей:
— Это,
Наверно, чешский эшелон.
В Китай направлен,
Но Советы,
Наверно, хочет свергнуть он.

Я наслаждаюсь тут природой.
А там уже борьба идет.
Враги напали на свободу,
Что отстоял в борьбе народ! —

Сильнее, жарче перестрелка.
Свист пуль над самой головой.
Вот пулемет затукал мелко,
А вот и пушек грозный вой.

Сказал Ажар он тихо-тихо:
— На фронт любовь свою беру,

Не вспоминая меня ты лихом,
Коль я в лихом бою умру.

— Я буду ждать тебя, мой милый,—
Она сказала.—
Я люблю.
Не разлучит нас и могила...
От слов своих не отступлю.—

И руки их сошлись и губы...—
Вздохнул, пошел Тауекель.
Ему бы жить теперь,
Ему бы...
Метет военная метель.

3. Долгожданное письмо

Ягненок,
Брошенный до срока.
Так не бывает одинок,
Ажар страдает одиноко:
Когда придет желанный срок?

Веселье, смех —
Все взято горем.
Сжигают слезы красоту.
То горе затопило морем
Ее надежду и мечту.

И так случается:
Порою
Бессильны перед горем мы.
Опять взметнулись мысли роем —
Письмо пришло ей из тюрьмы;

Ей, не вдове и не невесте,
Вернули счастье, жизнь, любовь.
Она прочла письмо раз двести
И перечитывает вновь.

Сейчас оно всего дороже,
Необходимее всего!
Как ни читай его,

Но все же
Смысл тот же самый у него.

«Попался я, как в невод рыба,
Как зверь в капкан,
Как птица в сеть.
За счастье драться мы могли бы,
А мне пришлось в плену сидеть.

Я знал, что мне грозит страданье,
Когда вступал в неравный бой.
За плен —
Одно лишь оправданье.
Что был я раненый, больной.

Могила, смерть меня минули.
Я шел бороться за народ.
Мне цель видна,
И даже пуля
Меня с дороги не свернет.

Вот год уже проходит скоро,
Как я мечусь в стенах тюрьмы...
Твоя любовь — моя опора.
Но скоро свидимся ли мы?

Представится ль счастливый случай?
Ты ждешь,
Любовь свою храня.
И я тоской своей замучен,
Бессилье мучает меня.

Я верю:
Пусть проходят годы,
Жив будет трудовой народ!
Тогда и день моей свободы,
Пора счастливая придет.

Пусть враг меня отравит ядом,
Пусть измывается он вновь,
Но не заставить этим гадам
Остыть в горячем сердце кровь!

Я соберу всю злость, отвагу,
Всю незапятнанную честь,
Не отступлю назад ни шагу,
Пока хоть капля крови есть!

К тебе протягиваю руки,
Когда разлюбишь ты совсем,
Изменишь клятве ты в разлуке,
Не помешаю я ничем.

Но что за человек,
Кто может
Оставить близкого в беде?
Кто честно любит,
Тот поможет
В минуту трудную везде.

Мне тяжкий мой удел не страшен.
Пройдет и заточенья ночь...
Ты не нарушишь клятвы нашей?
Мне не откажешься помочь?..»

Не зря кумач хранился в доме:
Был слышен гром из-за реки —
На город
В орудийном громе
Шли Красной Армии полки.

БАТРАК

(Повесть в стихах)

Посвящение

(Казахским батракам)

*Из ваших глаз я — горькой скорби сок,
Затем-то к баям сердцем я жесток.
Я — выцербленный, с виду невеликий,
Булыжник с ваших вековых дорог.*

*Несусь я шибче полых вод речных,
И полон вами, батраки, мой стих,
И вам я посвящаю вдохновенье
Дней и ночей стремительных моих.*

*Я прежде всех вас вижу, батраки,
Вам прежде всех — тепло моей руки!
С любым врагом за вас я в схватку ринусь,
Любые раны будут мне легки.*

*В ответ на вашу скорбь-тоску тотчас
Кровь засочится у меня из глаз,
И с языка в ответ на вашу радость
Польется мед, что я в душе припас.*

*До гроба вам останусь предан я,
Прислушайтесь к словам моим, друзья!
Вам приношу я в дар одно из многих
Изображений вашего житья.*

*Я ваш, я ваш наследник по судьбам,
Для вас мой стих, неутомим и прям.
Пред вами низко голову склоняю
Я, что рождением обязан вам!*

1. У Карашунака родился сын

Широкое и плоское, как таз,
Лицо в щербинах — людям напоказ,
Большие отвисяющие губы
И пара глубоко запавших глаз.

Щетинистые брови и всегда
В комок свалаявшаяся борода,
Мясистых плеч не охватить руками,
И на затылке — складки в три ряда.

Тяжеловесный, каменный кулак
И мышцы, выпуклые, как чебак;
Грязь многолетняя прилипла к телу —
И до конца не смыть ее никак...

Корявы пальцы — труд им всякий мил! —
И, как из дратвы, сеть могучих жил:
Троих бы он без видимой натуги
Джигитов здоровенных повалил.

Медлительный в движениях своих,
Выносливый в лишениях любых,
Он плодотворно и неутомимо
Один работает за семерых.

Таков он был, потомственный батрак,
Батыр по имени Карашунак,
За честный труд лишь ругань да побои
Годами получал он так иль сяк.

Была Куншак любимой женою
Карашунака: думы с ней одной
Привык делить он и во всяком деле
Совету следовал своей родной.

Шли дни, слагаясь в месяцы, в года,
Не отставала от него нужда,
Чужим он людям отдавал покорно
Плоды неутомимого труда.

Перешагнул он так за сорок пять,
Но хоть бы раз угрюмости печать
Сошла с лица! От всех трудов хватало
Едва на хлеб, а там — гни горб опять.

Но в бороде мелькнула седина,
В суставах старых стала боль слышна,
Стонал и охал по ночам он тяжко,
Порою до зари не зная сна.

Все меньше сил он чувствовал в себе,
И, обреченный горестной судьбе,
Улыбки счастья не выдав ни разу,
Сдавал все больше в жизненной борьбе.

Не выживали дети: что ни год,
Вдруг захирев, малютка, смотришь, мрет;
Был скорбью по умершим он до срока
Состарен пуше тягостных невзгод.

Бедняге опостылел белый свет:
Достатка в доме не было и нет,
Во всей округе кто его несчастней,
Каких еще не вытерпел он бед?

Когда надежды ключ совсем иссяк,
Судьба дала благоприятный знак:
Куншаш, его жена, отяжелела,
Как ошастливлен был Карашунак!

Забыл он череду лихих годин.
Вот наконец настал и срок родин.
Всю ночь Куншаш кричала и вопила,
К рассвету родился желанный сын.

Шунак дождался радостных минут.
Взаимы под пятимесячный свой труд
Взял деньги и, зарезавши барана,
На пир к себе созвал весь ближний люд

Позвал он и муллу на торжество
И, жирным мясом угостив его,
Подсев поближе, речь повел такую:
«Вот шкура вам с барана моего!

Примите! Хоть и дар недорогой,
Его вручаю с чистою душой.

Новорожденному вы имя дайте,
Пускай ему поможет всеблагот!

С улыбкой благосклонной на губах
Прочел мулла молитву второпях.
«Пускай твой сын зовется Козыбаком,
Да будет милостив к нему аллах!»

Рот растянул Шунаку до ушей
Счастливый смех; и в радости своей
Болезненно распухшие суставы
Он ощутил моложе и свежей.

Стал называть он сына Козыжан,
Лишь взглянет на него — и тотчас пьян
Он без вина и сыт без всякой пищи,
И наболевших он не чувствует ран.

Весь день он трудится; совсем седа
Его редущая борода.
Домой придя, он нянчит Козыжана,
И устали — как будто нет следа.

Наигрывая на домбре слегка,
Он все поет, баюкая сынка,
Его целует он и шепчет что-то
Отвисшими губами старика.

Рос Козыжан: как первый год истек,
Он видом стал, что зрелый тростничок;
Когда сравнялся год второй младенцу,
То, как свеча, снял он в этот срок.

В три года с криком «папа!» всякий раз
Отца встречал он и пускался в пляс.
Любил без памяти Шунак сынишку,
В четыре года восхищал он глаз.

Ребенок стал — как солнце ясным днем,
Живой цветок, алеющий огнем.
Когда же пять годов ему сравнялось,
Отцовский склад уже сказался в нем.

2. Как умер Карашунак

Какой скотиною Шунак владел?
В любом труде неутомим и смел,
Он ежегодно нанимался к баю,—
Таков был неимущего удел.

С давнишних пор Шунак закабален,
Благополучье баям строит он.
И хвалят все его: работник честный!
Приказ хозяйский для него — закон.

В тот год, как приключилась с ним беда,
Пошел пасти — оберегать стада
Он к баю Айдарбекову Курману —
Усердно службу нес он, как всегда.

А тот Курман в ауле первым был;
Забот не зная, вкусно ел и пил.
Владел отарами и табунами,—
Его богатству не было мерил.

Верблюдов он имел за шестьдесят,
Пятьсот коров да тысячу ягнят;
Имел он сотни кобылиц: всех больше
Они хозяйский услаждали взгляд.

На службу тридцать батраков он брал,
Им расточал он вкрадчивость похвал.
Сгибали спину перед ним соседи,
Бедняк любой Курману угождал.

Один — верблюдов пас, другой — доил
Отборных, дорогих ему кобыл.
Для счастья бая, пропитанья ради,
Там день за днем трудились, что есть сил.

Однажды против ветра в глубь степей
Верблюды вскачь пустились от слепней.
Они как будто в землю провалились:
Никто в глаза не видел их пять дней.

Позвал Шунака разъяренный бай:
«Куда верблюды делись, отвечай!

Смотреть ты не умеешь за скотиной,
Слоняешься без дела, негодай!»

Багров от гнева, брызгал он слюной,
Назвал Шунака грязною свиньей,
А тот стоял, глаза уставя в землю,
Молчал и только вздрагивал спиной.

Обиду в сердце глубоко храня
И так же молча оседлав коня,
Решил на розыски верблюдов байских
Сам-друг поехать он того же дня.

Жена спросила: «Ты куда, Шунак?»
«В степи верблюжий запропал косяк.
Его найти велел мне бай; до смерти
Он изобьет, коль поступлю не так.»

«Не езд! Только о скоте печаль
Лелеет бай. Людей ему не жаль!
Шунак, ты болтовни его не слушай,
Тебя он на погибель гонит вдаль!»

«Верблюд-самец, проклятый Жиланбас,
Бог от него храни навеки нас,
Набрасывается на человека
В неукротимом бешенстве сейчас».

«Шунак, прислушайся к словам моим!
Едва ль один управишься ты с ним:
Тебя до смерти искушать он может,
Безумной злобой к людям одержим.

Пускай тебя прогонит бай,— так что ж?
Работать землекопом ты пойдешь.
А станет он настаивать, чтоб ехал,
Проси помощника, иль пропадешь!»

Но взять в помощники кого-нибудь
Бай отказал. И, провожая в путь,
Куншаш молитвою «о здоровье» мужа
И всхлипываньем надрывала грудь.

Были вечер пасмурный. Издалека
Ползли нахмуренные облака.
Всю ночь, держа дорогу на джайляу,
Скакал он, понукая маштака.

Настал рассвет. Из голубых паров
Шар солнечный взошел. Исчез покров
Туманов мутных — и Шунаку справа
Послышался верблюжий слитный рев.

Взобравшись тотчас на высокий вал,
Косяк отбившийся он увидал:
На запад шли верблюды против ветра,
Казались их горбы грядою скал.

И на своем горячем маштаке,
С увесистой дубиною в руке,
Шунак бесстрашно полетел навстречу
Верблюдам, двигавшимся вдалеке.

Шунака заметил Жиланбас:
Остановился, головой затряс,
Струю зловонную пустил из пасти,
Блеснув огнем налитых кровью глаз.

И выскакал Шунак из колких трав,
Заулюлюкав и загоготав.
Он думал, что дубиною и криком
Утихомирят Жиланбаса нрав.

Но, брызжа пеной, вздутый, словцо бес,
Верблюдов пошел ему наперерез.
Дубиною Шунак его ударил —
И, заревев, он на рожон полез.

Разинул пасть, к Шунаку подскочил,
Но тот хитро мгновенье улучил,
По темени ударил Жиланбаса,
И охладил его опасный пыл.

Ударил в голову его опять,
По ляжкам съездил. Тот подался вспять.
Решителен Шунак был, твердо зная,
Что иначе ему несдобровать.

Своей могучей силе был он рад,
Все злей верблюдов кидался, по назад
Поспешно пятился перед Шунаком:
В упор его разил ударов град.

Подскакивал он, словно мяч, упруг,
Пускался в бег и возвращался вдруг.
Гвоздил, гвоздил его по лбу с размахом
Шунак всей силой напряженных рук.

Верблюдов, ощерясь, дергает губой,
Пофыркивает в ярости слепой.
Кричит Шунак, смутить его стараясь,—
Впустую крик. Ожесточенней бой.

Вновь кинулся, упорен и упрям,
Верблюдов. Его огрел он по скулам.
Но — горе! — неожиданно дубина
Крепчайшая сломилась пополам.

Шунак обломком Жиланбаса бьет,
Зловонной жвачкою плюется тот —
Удары нипочем ему; невольно
Теперь Шунака оторопь берет.

С минутой каждой туже батраку,
Он чувствует смертельную тоску.
Вот изловчившийся верблюд зубами
Шунаку в бок впился на всем скаку.

Шунак его по морде кулаком
Бил тщетно. В степь далекую влеком,
— Ой-бай! — вскричал он, ужасом объятый,
И встали волосы его торчком.

В опасности он был совсем один,
Кто мог помочь среди пустых равнин?
О горб свой бил его верблюд, взметая,
Как малого ребенка исполни.

В ушах звенело. Сотней молотков
Стучало сердце в пустоте висков.
Слезам кровавыми заплакал.
Он, вырваться не в силах из тисков.

Вопил Шунак, болтаясь, как в петле,
Рвался, как птица об одном крыле.
Вдруг Жиланбас швырнул его и тушей
Тяжеловесно придавил к земле.

И вспомнил тут, беспомощен и вял,
Шунак жену, чьим он словам не внял,
И языком коснеющим чуть слышно
Он: — Козыжан! — кончаясь, простонал.

3. Козыбак — сирота

В довольстве жил Курман, и свысока
Глядел на тех, чья доля нелегка.
Но все ж велел за розыски приняться
Пропавшего бесследно батрака.

И люди рыскали из дола в дол,
Но лишь недели две спустя набрел
Один из них на сгнивший труп Шунака.
Глаза бедняге выклевал орел.

Пришли степные звери издали
И по кускам Шунака разнесли:
Обглоданные начисто, валялись
Сухие кости там и тут в пыли.

Послали тотчас люди за арбой.
В аул останки отвезли гурьбой.
Вздыхнул Курман: «Как видно, смерть такая
Ему была начертана судьбой».

«Перечить воле господя нельзя», —
Он речь закончил, пальцем погрозя.
«Ой-бай! — Куншаш истошно завопила,
Прервалась, мой Шунак, твоя стезя!»

О, пусть Курмана загрызет верблюд,
Расташат звери, птицы расклюют!»
Не мог утешить словом состраданья
Полубезумную аульный люд.

Пронзила сердце горесть, как игла.
Застлала взоры пагубная мгла.

Курмана клясть да слезы лить ручьями —
Вот все, что предпринять Куншаш могла.

Из головы рвала клочки волос
Куншаш, почти ослепшая от слез.
Земле останки мужа предавая,
Кляла тот день, что бедствие принес.

В рыданиях, в причитаньях без конца,
И в плаче и в царапанье лица,
В борьбе жестокой с гибельной нуждою
Год миновал без мужа и отца.

В аулы тиф пришел, кося людей.
В тревогу впала от лихих вестей
Куншаш и загрустила, сердцем чуя,
Что злой недуг привяжется и к ней.

Неведом был ей перед смертью страх,
Но оставался в круглых сиротах
Сын-несмышлениш; будь он парнем взрослым,
Она ушла б с улыбкой на устах.

Раз на рассвете, раннем и седом,
Куншаш с постели поднялась с трудом:
Болела голова, томила жажда.
Неужто смерть за ней явилась в дом?

Сухим огнем недуг в крови потек...
«А что с тобою станется, сынок?—
Она шептала, мучимая страхом.—
Совсем теперь ты будешь одинок!»

Кружилась голова, и вперегон
Летели мысли. Глаз не трогал сон,
И напоследок, сколько ни крепилась,
Из горла вырвался хрипливый стон.

«Подай напиться, милый Козыжан,
Горит нутро, в глазах моих — туман.
Как без меня ты проживешь на свете,
Что ждет тебя, мой бедный мальчуган?»

Одолевал несчастную недуг.
Все уже смерть смыкала черный круг.
Никто Куншаш проведать не явился,—
Одна сгорала средь безмерных мук:

Все чаще коротала дни свои
Она в бреду иль в зыбком забытьи.
Как будто бы обугливая тело,
Текли по жилам жаркие струи.

С тоскою в сердце сын глядел на мать.
Куншаш иссохла. Смертная печать
Лежала на лице ее багровом.
Ей тяжело было сына покидать.

Еще томилась день, огня полна,
Не зная облегчающего сна.
Под вечер тело вытянулось в струнку,
И богу душу отдала она.

4. Козыбак пасет козы ¹

И вот, отцу погибшему вослед
Ушла и мать. Погас последний свет
В ее глазах — и круглым сиротою
Ребенок стал на самом утре лет.

Ему всего лишь минул год седьмой,
А чужд он всем, забитый и немой.
Опоры нет. Бездольному осталось
Пойти по людям с нищенской сумой.

Беспомощный птенец, лишенный крыл,
Он в мире одиночество вкусил:
Доселе знал он ласку да веселье,
Теперь — слонялся, робок и уныл.

Затерян, как песчинка между скал,
Для испытаний тяжких слишком мал,
Теперь он, слезы часто проливая,
Ни слова в утешенье не слышал.

чгнята.

И норовил его обидеть всяк,
Ему достался не один тумак,
И жалостью никто не проникался,
Когда глядел с мольбою Козыбак.

Лишь бай Курман мог сироту спасти
От всяких зол, но чуждой был кости.
Поставил малолетка Козыбака
Без слов Курман ягнят своих пасти.

Сон прерывая, Козыбак чуть свет
Шагал за стадом, в рубище одет.
Усталый и голодный, до аула
Насилу добирался он в обед.

Стал мир угрюм, враждебен для него.
Не видел ласки он ни от кого.
С зари и до зари ходил за стадом
Ребенок, не имея ничего.

Сухой паршой покрылась голова,
Истыкала колючая трава
Босые пятки. Он за стадом байским
Ступал, ногами двигая едва.

Придерживая рваные штаны
Ручонками, где трещины видны,
Ходил он в шапке из облезлой шкуры,
На пугало похожий со спины.

Одет в тряпье из ямин выгребных,
Он, с головою в язвах кровавых,
Являл собою одного из многих
Сирот тогдашних. Не жалели их.

Весь грязью многолетней он оброс.
Сочился из подчелюстных желез
Зловонный гной по шее воспаленной,
На теле — струпья красные вразброс.

Людей при взгляде тошнота брала.
Терпел он униженья без числа.
Спал по соседству с конурой собачьей:
Кругом — отбросы, пепел да зола.

Играть шел отпрыск байский поутру.
Глядел с досадой горькой на игру
Бездомный малолеток издалека,
Прищурясь на припеке и ветру.

Глаза горели, дики, велики.
Он попытался как-то напрямки
Приблизиться к счастливцу, но немедля
Обрушились на спину тумак.

Защиты нету... Отбиваться, что ль?
Попробуй... И, превозмогая боль,
Рыдает он и топает ногами.
В душе досада пуще, чем дотоль.

Нет жалости и в байбише ничуть.
У Козыбака от натуги ноет грудь.
Под силу только взрослым труд подобный.
Его окончит — и не продохнуть.

Совсем пренебрегали сиротой.
Он грыз объедки. Пахту пил с водой.
Сыр с голодухи волею-неволей
Тащил он из хозяйской кладовой.

Жил дни и месяцы и годы так,
Трудясь и голодая, Козыбак;
Вдруг бай прогнал его, назвавши вором,
И на прощанье показал кулак.

5. Козыбак становится пастухом

Минуло Козыбаку наконец
Двенадцать лет. Он стал пасти овец.
Его похваливали за усердье,
Хозяйский хлеб оправдывал малец.

Он прозван был «паршивым пастушонком»,
И «голошеким», и «худым щенком».
Но малолеток не было проворней,
Ретивей и радивее кругом.

Весь день за стадом брел из лога в лог
Он, от усталости не чуя ног.

Изголодавшись, допоздна, бывало,
Он от забот избавиться не мог.

Когда рассвет чуть розовел в степях
И свежавыпавшей росой пах,
И жаворонок поднимался в небо,
Но мгла еще серела на тропах,

Вставал малец и всею пятерней
Драл голову до крови, как шальной;
Потом на пастьбу выгонял он стадо.
Болталась торба за его спиной.

Еду нехитрую в ней прятал он;
В халат полуистлевший облачен,
Дни коротал с отарой он хозяйской
В степи, где ветры — с четырех сторон.

Студил он ноги, по земле сырой
Ступая предрассветною порой.
Занозы в них сидели, словно иглы,
И грязь их крыла черною корой.

Остервенело он живот чесал,
Сыр зачерствелый с треском разгрызал;
Соскучась в одиночестве невольном,
Он для забавы торбу вверх бросал.

Бывало, стадо жвачку там и тут
Жует в логу, где свежесть и уют.
Он крикнет — и шарахаются овцы
И курдюками дряблыми трясут.

Им, вновь разбредшимся, вослед чабан
Шагает, молчалив, от зноя пьян,
Иль, бегая за ними, землянику
Сбирает посреди степных полян.

Вот полдень. Дали мутно-голубы.
К полудню овцы сыты от пастьбы.
У чабана же нестерпимо ноги
Болят от многочасовой ходьбы.

Ложатся овцы — у жары в плену,
И клонит их как будто бы ко сну;
По воробьям стреляет он из лука
Иль звонкой дудкой будит тишину.

Один, забыл о бремени забот,
За песнью песнь под дудку он поет,
Сгибая спину, шевеля плечами
И широко свой разевая рот.

Но худо в дождь приходится ему.
От лога к логу, от холма к холму
Он гонит стадо под свинцовым небом,
Струющим сырость, холод, полутьму.

Студеной влагой весь как есть облит,
Тогда являет он несчастный вид.
Лицо и губы у него синеют,
Как лист дрожа, зубами он стучит.

Порой осенней блекнет пастушок,
Румянец летний сходит с темных щек.
Гоняют, как собаку, Козыбака
Хозяева, подталкивая в бок.

За годы подневольного труда
Мгновенье счастья знал ли он когда?
Кто не пинал его? Какой бездельник
Брезгливо не бросал ему: балда!

Так выбивался Козыбак из сил;
Когда хозяин день доволен был,
То кипятился он шесть дней в неделю,
На сироте срывая злобный пыл.

Суровой жизнью жил простой пастух:
Он сох от зноя, с голодухи пух.
Но много дум глубоких навевала
Нужда! И в бедах закалялся дух!

Лукавым, скрытным вырос Козыбак.
Всегда неугомонный весельчак,
В душе копил он горькую отраву,
Ее скрывал, чтоб не попасть впросак.

Сабит Муқанов на целине — 1956 год.

На свадьбах, на пирах у богачей
Забавных ждали от него речей.
Он сыпал шутками, он пел частушки.
Подыгрывая на домбре звончей.

Вражду питая к господам своим,
Умел он быть покорным и немым.
Трудился честно, но осталась кличка
«Паршивый пастушонок» все ж за ним.

6. Влюбленные сердца

Шли дни за днями, шел за годом год,
И вот, среди лишений и невзгод,
Стал Козыбак джигитом незаметно,
Но знал, как прежде, тяготы и гнет.

Его преследовала нищета,
И не имел он своего скота,
И не был он женат, хотя минули
Начальной юности его лета.

И не седлал он для себя чуть свет
Коня; в одно и то же был одет,
Но к сердцу слишком близко недостачу
Не принимал по молодости лег.

Он вырос мастером. Не знал тоски.
Ковал железо, взяв его в тиски,
И покрывать умел резьбою всякой
Искусно деревянные бруски.

Сторицей труд он отдавал в обмен
За плату скудную, за черный хлеб.
И вот к себе на службу Козыбака
Взял бай по имени Кудайберген.

То был известный родом богатей,
Молвой прославленный среди людей;
Ему всегда сопутствовало счастье,
И сладко жил он в ровной смене дней.

Его богатство было счесть невмочь,
Он на коврах валялся день и ночь,

Утробу жиром уболаговоряя,
Своей не в силах тучности волочь.

Он нанимал с десятков батраков,
Трудом их маял за еду и кроз,
И, как хотелось, ими помыкая,
Кнутом хлестал их без излишних слов.

Но по душе пришелся разбитной
Ему батрак, траву косивший в зной,
В дни осени — дрова заготовлявший
И пасший скот глубокою зимой.

Не жаловался он, трудясь горбом,
Был стоек в испытании любом,
Расчета не просил — и обращаться
С ним начал бай, как с купленным рабом.

Богач бывает ли без младших жен?
Бедняк рассудка разве не лишен,
Когда за пару коз отдать решает
Дочь молодую баю в жены он?

Кудайбергену лет за пятьдесят,
Но страсти в нем и посейчас кипят.
На молодой задумал он жениться:
Препятствий нет для тех, кто столь богат.

Сородичам он объявил о том.
Одобрили. И стал из дома в дом
Искать он, у кого из неимуших
Есть дочка, чтобы сватов слать потом.

Двух жен имел он не простых кровей,
И шесть от них взрастало сыновей,
Но все-таки, пресыщенный богатством,
Не знал предела прихоти своей.

Кого в аулах много? Бедняков.
Чтобы разжиться, жизнь отдать гогов
Бедняк иной — не то, что дочь родную:
Иметь вольготней коз или быков.

Был Койшигул, бедняк такой точь-в-точь,
Недалеко. Гульжан, родную дочь,
Которой минуло едва пятнадцать,
Продать он в жены богачу не прочь.

С окрашенными, словно багрецом,
Губами, с белым, словно снег, лицом,
Слыла Гульжан, стройна и черноока,
Красивейшей в своем ауле всем.

Однажды баю кто-то весть принес
О девушке с двумя ручьями кос, —
Отдаст ее в супруги, дескасть, баю
Отец за дюжину овец иль коз.

У бедняка вскружилась голова.
Когда он сватов услышал слова:
— Скотину дать в уплату не скупится...
Ты не гляди, что стар... в нем кровь жива.

Свой скот отдав и выплатив калым,
Богач настойчив и неумолим:
Чрез десять дней увозит он невесту,
Чтоб сделать достоянием своим.

Шла девушка неволей под венец,
Неволей отдавал ее отец,
Безвестен был ей муж, в его лишь доме
Она узнала правду наконец.

Предстал он, тучен и седобород,
А шел ему шестидесятый год.
Ну, а Гульжан была еще девчонкой —
Она цвела, как сад весной цветет.

И вот, увидев мужа-старика,
(Таков удел обычный бедняка)
Она глухими залилась слезами,
Ей сжала душу смертная тоска.

Лентяйка! Голодранка! Все смелей
Две старшие бросали жены ей.
Коль жаловалась, ни словца не молвил
В ее защиту старый богатей.

И поняла: дней прошлых не вернуть,
Иной, свободный, нужно выбрать путь;
Ей приглянулся человек достойный,
Наполнилась надеждой сладкой грудь.

Был Козыбак настойчив, ловок, рьян,
Лицо пригожее и стройный стан
Давно его пленили, но не сразу
В своей любви признался он Гульжан.

Частенько парень взгляд ее ловил,
Догадываясь, что и он ей мил.
Вмиг за домбру он брался на досуге,
Играл, и в песни вкладывал свой пыл.

А богатея юная жена
Глазами лишь одними улыбаясь,
Глядела в щель, волнения полна;
В лад подпевала милому она.

С ней перебрасываясь иногда
Словами,— слыша неизменно — да,—
Уверился в Гульжан помалу парень,
Сомнений не осталось и следа.

И жизнь их распустилась, как цветок,
И жар любви согласен и глубок,
День ото дня все больше возрастая,
Друг к другу их неодолимо влек.

— Женюсь я на тебе, ты — солнца свет!
— Твоею стану,— слышалось в ответ.
Но до женитьбы далеко: покуда
Для бедняков еще просвета нет!

7. Съезд батраков

Случилось это в полдень. Солнце жгло;
И воздух тек, как жидкое стекло.
В степи безветренно и душно было,—
Ходить в жару такую тяжело!

И Козыбак нож наострил песком,
Достал он клещи, шило с молотком.

За труд сапожный взялся он усердно,
Лоскутья кожи положив рядком.

Сев за кибиткою, куда лучи
Не достигали, ярки, горячи,
Своей Гульжан вполголоса он молвил:
«Прошу, коль можешь, дратву мне ссучи!»

Заулыбалась ямочками щек
Гульжан, сидевшая наискосок,
А парень, песню затянув живую,
Стал жесткой кожи разминать кусок.

Но двое верхоконных издали
Вдруг показались; в поте и в пыли
Два молодых джигита подскакали
И, спешась, в байский дом легко вошли.

Кумыс жена взболтала для гостей.
Те кликнули: «Хозяйка, поживей!» —
Один сказал: — Для батрака давайте,
Почтеннейший хозяин, двух коней.

— Куда батрак поедет? — молвил бай.
— Сегодня съезд батрацкий. — Ну, так знай,
Что нынче он не сможет отлучиться,
Работы в доме — непочатый край!

— Нет, бай, не выйдет! Это — пустяки!
Сегодня все там будут батраки.
Никто не может дома оставаться. —
Ты слышишь, воду в ступе не толки!

Подумал бай, молчание храня:
«Видать, придется парню дать коня.
Ай-ай, что будет! Чую, обернется
Большим все это лихом для меня!»

Джигиты торопили батрака,
Но бай шептал ему исподтишка:
— Не езд, откажись... В такое пекло
К чему плестись... Дорога далека...

— Останься дома! Шиш тебе дадут!
Не верь, они обманывают люд!
Не выгадаешь и десятой доли
Того, что я тебе плачу за труд.

— Скажи им, что не служишь никому,
Что, мол, живешь, как сын родной, в дому.
А договор, хотя о нем ты знаешь,
Но раз не в найме, он, мол, ни к чему.

— А что такое этот договор?
— К чему тебе — не знал ты до сих пор,
Не знай и впредь! Лишь я помочь сумею.
Все, что болтают коммунисты,— вздор!

— Ну, ладно! — молвил было Козыбак.
«Уговорил, послушался дурак»,—
Возликовав, Кудайберген подумал;
С конем, подводой мешкать стал кулак.

Но были несговорчивы, тверды
Приезжие; и хоть на все лады
Бай изворачивался, но прижали
Его к стене — дожدهшься, мол, беды!

Пришлось подводу дать и двух коняг,
Как требовали; живо их запряг
И, ничего не смысла, взбудоражен,
Отправился в дорогу Козыбак.

Сошлись в урочище батрак, пастух,
Уселись в круг и превратились в слух.
Молчанье воцарилось, да такое,
Что было слышно лишь жужжанье мух.

Инструктор начал:
— Долгие века
Мученьем жизнь была для бедняка:
Он спину гнул на баев, раб тупой,
Как будто бы наказанный судьбой,
И сколько ни трудился он — за труд
Ему гроши платили там и тут.

В плену у баев бились, как в силках,
Вы, нищие! Лежали вы в ногах
У тех, кто вам бросал с презрением: **свины!**
Вы перед ними чувствовали страх.

Как были ваши муки велики!
Припомните вы сами, батраки,
Каких лишений вы не претерпели
За скудные и черствые куски.

Богатство баям добывал бедняк,
Их согревая, в печку клал кизяк;
В степи, в жару, для них косил он сено,
Мок под дождем, их сторожа косяк.

Не бай жевал заплесневелый сыр,
А ты, бедняк, беспомощен и сир.
Не бай валялся в пепле и золе,
А ты, несчастнейший на всей земле!
Твой труд, чье бремя ты на совесть нес,
Богач-жадного воровал, как пес.

Звал бай тебя «дурная голова»,
Блуждал ты, как не помнящий родства.
Отбросом был ты, как мослы без жира,
Томимый голодом, дышал едва.

Угрюмым, бессловесным бобылем
Жизнь коротал, бедняк, ты день за днем.
Жены, детей ты не имел, и даже
Своим вовеки не владел конем.

Приравнен был ты к низкому скоту,
Всегда терпя одну лишь маяту,
Трудился ревностно — но год от году
Все больше жизнь была невоготу.

ПЕСНЯ О СИРОТЕ

(Поэма)

I

Десять пальцев твоих, резвы,
По серебряным струнам домбры
Быстрой иноходью бегут.
И — безудержны и щедры —
Вдаль напевы твои летят,
Как над степью летят орлы.
Нежно, нежно домбра поет,
За живое тебя берет.
Дрожь по жилам пройдет, и вдруг
В сердце словно растает лед.
На глаза набежит слеза...
А мелодия ввысь плывет.

Кюй родимый, напев, мотив!
Вот он льется, задумчив, тих.
Вот сияет душе твоей,
Все, как солнышко, осветив!
Вот он снова, своей тоской
Степь вечернюю охватив,
Навевает душе печаль,
Кюй родимый, напев, мотив...
И, пылая огнем, снега
Плавит он и дождем летит,
Прибивая дорожную пыль.
И Венерой с небес глядит,
Став созвездием — издавека,
Став богатством для бедняка,

Став прохлагою родника,
Чтоб тебя напоить в пути !

Если в руки домбру возьму,
Встанет прошлое, как в дыму...
Подступает к глазам слеза.
И волнения не уйму.
Все, что плохо, что хорошо,
Я постигну. Я пойму!
Все бывшее, как мираж,
Наплывет в ночную тьму.
А над нею — надежды свет
Взору видится моему.

С давних пор, на все времена
Я сдружился с домброй, она —
Как сестра, как любимый друг,
Мне повсюду была верна,
Сколько раз разгоняла грусть,
Приносила забвенье сна,
Убаюкивая, и вновь
Ободряла, как чара вина.
Сколько знает ладов домбра!
Власть могучая ей дана,
Всем напевам и языкам
Обучила меня она!
Минет лето, спадет жара,
Увяданья придет пора,
Молодая березка вдруг
Загрустит, шелестя едва.
Нет зеленых ковров в степи
И росистого серебра...
И подобно березке той,
Тихо плачет моя домбра...

Степь без края, стада бредут,
По-осеннему ветер лют,
Вот отбилась одна овца,
И живот у нее раздут.
Видно, срок подошел рожать,
А беда уже тут как тут!
Волк настигнет,
Разинет пасть.

В горло жертвы
Клыки войдут,
Хлынет алая кровь струей...
Лишь ягненок,
Слаб и худ,
Затеряется сиротой
На просторе в траве густой..

Кюй родимый, напев простой!
Как ягненок, домбра, запой,
Блея жалобно в темноте...
Но ты можешь и мглой густой,
Тучей грозною накатить!
Все застлать на своем пути.
Можешь быстрою змеей,
Изгибаясь, проползти.
Или ветром в ночную муть
Вдруг, высвистывая, задуть...
Вровень с песней и ты, певец,
Стойким и отважным будь.

Песня слабости не простит!
Духом твердая, как гранит,
Убаюкивая на миг,
Вновь тревогою бередит,
Потому что ее мольба
Помнить горе тебе велит,
Чтобы пел ты, певец, о нем,
Чтобы плакал о нем навзрыд!

Это было в те дни, когда
Чужеземная орда
На казахов напала врасплох,
Степь топча, угоняя стада.
Было сто их на одного.
Как бушующая вода
Наводненья, прошли враги,
Грабя села и города.
В том побоище погибли
Цвет народа, ряды, рода,
А оставшиеся в живых

В бегство бросились кто куда.
Лишь увечные да слепцы
Оставались в домах тогда.
И любого, кто мог ходить,
Гнали в рабство свистом кнута.
Рвали пики тела детей...
Да... Расправа была крута.
Что сказать! Помутился ум
У казахов в те дни... Беда!

А под небом степей родным
Расцветала Кунайым,
Белолица, сравнима лишь
С ясным солнышком одним.
И подобна румянцем щек
Алым макам степных равнин.
Нежным телом — гибка, легка,
Белоснежнее, чем шелка;
Серебрист черных кос отлив,
Пальцы — трепетней тростника...
В смутный год небывалых бед
Ей минуло
Тринадцать лет...

В раннем детстве, совсем юна,
Потеряла отца она,
А потом умерла и мать,
И осталась Кунаш одна.
Малым братьям родную мать
Заменяла, нежна, верна.
И шумливые малыши
Не давали Кунаш скучать.
Хоть и трудно, а горя нет.
В красоте ее с юных лет
Нет изъяна, она в глуши
Расцветает, как маков цвет.
Так жила до поры, когда...
Шум на улице... Крик вослед!..
Кровь отхлынула от лица,
И в глазах помутился свет.

«Враг напал!..
Эй, в набат ударь,

Ой, собраться с силами дай!..»
Так беда приходила встарь.
Мигом высыпал весь народ,
Видят — орды застлали даль.
В черно-синей одежде все,
Мертвым блеском сверкает сталь.

Вон чернеют,
Уже близки,
Вражьи сотни,
Горят клинки...
Заметался аул в тоске —
Дети, слабые старики...
От испуга дрожат сердца,
Как подснежников лепестки.
Не успели моргнуть — орда
Тут как тут... Беги, не беги —
Ты погиб, безоружный люд,
Окружили аул враги!

Грохот скачки, оружия стук
Нарастает под вопль старух.
Поглядела вперед Кунаш —
Захолонуло сердце вдруг.
Что ей делать? Куда бежать?
Спутал мысли немой испуг.
Как себя и ребят спасти
От насилья, от страшных мук?
С трех сторон запылал аул,
Груды мертвых лежат вокруг.
И упала Кунаш без чувств
В диком вскрике, в раскиде рук...

Пламя вскинулось в облака.
И была ее смерть близка.
Грубо дернула за косу
Чья-то яростная рука.
Поташили ее, как сноп...
Все — сквозь сон, издалека.
И очнулась. А над собой
Увидала лицо врага.

Встала на ноги чуть жива,
Губы шепчут едва-едва.

Весь румянец сошел со щек;
Но презрительные слова
Шепчет, гордо глядит она,
Хоть и кружится голова.
Не пойдет она на позор!
Мечет стрелы открытый взор.
И отводят глаза враги,
Восхищаясь ее красой...

Тело нежное жалит боль.
Ташат, спорят наперебой.
Тарабарский их разговор
Непонятен ей: «бал» да «бол»...
Ах, красавица Кунайым!
Вот и села ты, став рабой,
Сзади воина на коня,
Издаются над тобой:
«Хану в жены ее свезем».
Но молчит, словно став немой,
Словно рыба, она молчит.
Пусть лопочут — все «бал» да «бол» —
Супостаты между собой.

И Кунаш на простор голубой
Поглядела с тоскою немой.
Там уже пламенел закат,
Там лиловою пеленой
Сумрак медленно наплывал,
Горизонт застилая тьмой...
И ни звука...
«Аул родной!» —
Прошептала, в седле привстав,
Полонянка с тоской немой.

Ничего не осталось там.
Мор прошел по родным местам.
Пусто. Вещи из дымных юрт
В кучу свалены, словно хлам.
И мычит и блеет скот,
Разбредясь по пустым холмам,
Да блестит под холмом вода,
Расстилая парной туман.

Все запомнит последний взгляд!
Из очей, словно частый град,
Слезы хлынули, в горле — ком,
Сердце ходит с трудом, не в лад.
Как раздетая на снегу,
Вся дрожит и глядит назад.
А калмыкам и дела нет.
«Хороша раба», — говорят...

Мрак ночной затих, глубокий,
Сбил на небе туч клубок.
Грянул гром, раскололась мгла,
И обрушился вниз поток.
То и дело во тьме блеснит
Молнии синеватый клинок.
И вцепилась в седло Кунаш,
Сжалось сердце ее в комок.

Пыли взвевявши облака,
Дунул ветер издалека,
Тучи сбил он, как баранту.
Ураган! Не видать ни зги.
Лишь белесым сплошным столбом
Ливень рушится. И, громка,
Половодья ревет река.

И, захвачена в чем была,
Вся оборвана догола,
Вся промокла насквозь Кунаш!
Дрожь по коже ее прошла.
Сбились волосы, как кудель.
Гнет ее вихревая мгла,
Щиплет тело ей конский пот.
Вся продрогла, изнемогла...
Но никто не поможет ей.
Всадник, дернувший удила,
Он безжалостен, как злодей...
И на помощь она звала
Брата старшего...
«Где ты, Коке?» —
Призывала она в тоске.

Глуше, глуше вдали гудя,
Гром затих, и напор дождя

Обессилен. Гроза прошла,
И, несмело еще светя,
Вышло солнце. Потоки бегут,
Мутный сор там и тут крутя.
Вот и ставка разбойных орд.
Кони в гущу толпы летят.
— Хану дар дорогой везем! —
Всадники на скаку кричат.
Гордо глядя по сторонам,
Вместе с пленницею к шатрам
Подошли и о землю лбом:
— Вот добыча, великий хан!

Хан уставился. Взгляд суров.
Взор такой, что стынет кровь,
Как два пса перед грызней,
Грозно сдвинулись с бровью бровь.
Будто палками, у него
Полон рот кривых зубов.
Сам — косая сажень в плечах,
И по-бычьему тяжел, здоров.
Все сгибаются перед ним.
Ужас охватил Кунайым.

Как ей девичью честь спасти?
Как отчаяние в груди
Победить? И явилась мысль:
Надо просто в себя прийти,
Не спешить, а про все узнать,
Злобу хитростью обойти.
Может, жив еще мой Коке?
Может, хан нас освободит?..
Но о чем — непонятно ей —
Перешептываются враги.
Сотни глаз так и жалят ее,
И прищелкивают языки.
«Обо мне, — догадалась она, —
Как на рынке, ведут торги...»
Но иначе глядит сам хан,
Замолчать повелев другим.

Вновь прихлынула к щекам кровь.
Собрала свои мысли вновь

И украдкой глядит Кунаш
В глубь шатра, где пожар ковров,
Где мерещится — смутный ряд
Отсеченных мечом голов...
Глянуть прямо — отваги нет,
Хан устоялся, суров.
Шабармана он подозревал,
Буркнул на ухо пару слов.
Тот попятился, поклонясь,
С Кунайым не спуская глаз...
Не приходится еще раз
Хану повторять приказ.

Ни жива ни мертва, бледна,
Лишь теперь поняла она,
Что пощады не будет ей,
Что судьба ее решена.
Торопливо подходит к ней
Шабарман — борода пышна —
По-казахски ей говорит:
— Дать согласие ты должна
Хану верной женою стать.
Жить, почетом окружена,
Будешь в роскоши золотой...
А не то — голова долой!

Побледнела — исхода нет!
Словно тучей застлало свет.
Горько зарыдала Кунаш,
Даже слов не найдет в ответ.
Не ждала такого конца —
Погубить себя в цвете лет?
— Пусть мне голову отсекут,
Не пойду я за хана, нет!

Хан разгневан — неровен час! —
Что-то вымолвил,
И тотчас
В юрту бросился шабарман
(Не приходится много раз
Хану повторять приказ)
И отрубленные мечом
Головы несет напоказ

Шабарман... И глядит Кунаш.
Боже, что это!.. Прочь из глаз!
Ай-Кокай!.. Голова Коке..

Свет в очах у нее погас.
Обморок. Оттащили прочь,
Бросили за домами в грязь.
И пошли пировать...
Весь день
Ели, пили, пускались в пляс,
Пили пенистую бузу,
До бесчувствия веселясь...

До беспамятства упились,
Повалились повсюду, близ,
Как объевшиеся белены,
И заснули пьяным-пьяны.
Тьма. И точно стыдясь за них,
Звезды ясные смотрят вниз.

А Кунаш позади, в тиши,
Как лежала, так и лежит
В обмороке глубоко... Потом
Сон ей крепко глаза смежил.
И приснилось ей — будто вновь
В милом доме живет она,
Жив ее покойный отец...
На джайляу — стада, весна...
А вблизи аула — погост,
Там орда погребена,
Там пустынно... И вдруг плывет
Туча в небе — черным-черна.
Грянул ливень. И вся земля
Ураганом с могил сметена.

И зеленые упыри —
Сотни их, за волной волна, —
Так и лезут наверх, видать,
Рать костлявая голодна.
Пожирают живых людей,
Кровь живых им хмельней вина!
Маму бедную и отца
Растерзали... Погиб Кокеш.

Уцелела она одна.
Догоняют, она бежит
По холмам, вся в крови, бледна.
Настигают ее... Вот-вот...
И очнулась Кунаш от сна.
Страшный сон!.. И вся в огне,
Вся дрожащая, она
Огляделась — а перед ней
Быль явилась еще страшней.

Но беспечно, во сне, подряд
Стражи пьяные лежат.
Вот для бегства удобный миг!
Прочь отсюда бежать наугад.
Торопись! Но забыть ли ей —
Гневом загорелся взгляд, —
Что глумилась над ней орда,
Что казнен ее старший брат!..
И прижала она к груди,
Голову Кокея, шепча:
«Жан-Коке, за тебя отомстят!»
Долго плакала она...
А ночные часы летят.
И не встанет родимый брат!

Засинев, развиднелась высь.
Тучи на небе разошлись.
Лишь печально глядит луна
На страдалицу-сироту,
На рыдающее дитя.
И высоко, едва светясь,
Звезды горестно смотрят вниз.
Ветер стих. Царит одна
Предрассветная тишина,
Разделяя горе Кунаш...
Голову дорогую она
Прижимает, тоскою полна,
Вспомнив старые времена.
Почему ее жизнь была
Так безрадостна и темна,
Все надежды се, мечты
Обманув, расплескав до дна!

Так зачем же теперь ей жить?
Этой жизнью ли дорожить?
И, рыдая, решила Кунаш
Руки на себя наложить.

А над нею — крутой утес
В поднебесье гряды вознес.
У подножья, у самых ног,
Белый пенится кипяток.
С ревом, с грохотом по камням
Мчит он, яростен и глубок.
И решила Кунаш с гряды
Броситься головою в поток!
На вершину взбегают, вот
Только шаг небольшой, прыжок
И — навеки придет покой
И конец...

А вокруг широк,
Распростерся гористый край,
Чередую хребтов залег.
Вдунул ветер сомненье, страх
В душу ей, но и он не смог
Удержать ее в этот миг...
И кустарник не уберег —
Зря цеплялся он за подол...
Нет спасения! Вышел срок.
Так шептал ей полночный мрак...
Шла стремительно, лезла вверх,
В кровь сдирая кожу рук.
Ты прощай, дорогая, прощай!..
Словно пела ей тьма вокруг.

Пела звездная вышина...
Выбиваясь из сил, она
Взобралась на высокий кряж.
Сверху грустно глядит луна,
Под обрывом поток ревет.
Крепость черная чуть видна...
Вдох последний.
Прощальный взгляд...
Словно в душу ей льется яд!

И, рыдая, Кунаш поет:
 «Я как сахар была, как мед,
 Словно алый цветок, была,
 Словно ранней весной восход.
 Жеребенком кулана я
 Счастье чувствовала свое.
 Как подснежник, была светла,
 Как тальник, я была стройна.
 И в свободном краю цвела,
 Словно я на земле одна...»
 И все жарче
 Поет Кунаш:
 «Жизнь-обманщица!
 Ты мираж!
 Обманула меня,
 Горька,
 Ты изменчива,
 Как река!
 И, как пламя,
 Меня дотла
 Ты, коварная,
 Сожгла,
 Кровью залила,
 Оглуша...
 Ох ты, жизнь, ой, судьба!
 Изболелась моя душа!

Я прощаюсь навек с тобой.
 Мне подругой, сестрой родной
 Ты была, а стала врагом,
 Насмеялась ты надо мной.
 От насмешек твоих должна
 Удалиться я в мир иной.
 И сама в это царство дверь
 Отворю я перед собой.
 Я умру, за меня неси
 Все грехи по стезе земной!..

Нет мне места в миру,
 Я умру.
 Умру!!

Мне на свете
Не жить!
В пору
Волком завыть!
Вою!
Вот, на краю.
Пусть погибну,
Сгнию!
Обессилена я!
Обескровлена я!..
Нет души у меня,
Все сгорело дотла!
Ох ты, жизнь,
Ох, судьба моя,
Как жё ты меня подвела!

Коль во мраке просвета нет,
Нет спасенья от горьких бед,
Если в муках мне умирать,
То зачем я увидела свет!
Нет друзей у меня нигде,
Смерть крадется за мной вослед,
Беспощадна, как злой дракон,
Убивая во цвете лет...
Мой Кокеш, и ты не спасешь!
Если знал бы ты, тьмой объят,
Как тоскует твоя Кунаш
По тебе, мой любимый брат!
Где же радость твоя, о жизнь,
Превратившая дар свой — в ад!
Не под силу плечам моим
Горы бедствия и утрат!
Так детеныш сайги, забыт
На плато у скалистых гряд,
Погибая, бредет во тьме...
Нет, никто не поможет мне!
Нет спасения мне нигде.

Умру!..
Утоплюсь я!..
Сгнию в воде!
К плавающим рыбам
На дно упаду.

Плачу.
Буду плакать.
И, плача,
Уйду.
Растворюсь я,
Струей звеня.

Ох ты, жизнь,
О, судьба,
Обманула же ты меня!»

IV

Так рыдала она, пока
На востоке всходила, робка,
Зорька, словно засияв
От раздутого уголька.
Черным одеялом ночь
Ниспадала... и, широка,
У подножья несая валы
Взбунтовавшаяся река.
Вторил ей, что-то ей шептал
Ветер, обдувая луга...
Тучами оделся утес.
Тучи мерно, издалека
Надвигаются... И вновь
Стало в мире совсем темно.
Тесен стал потемневший мир,
Словно сдвинулся вокруг нее.
Лишь от жалости к ней луна
Стала белой, как полотно.

Только черный немой утес
Безучастно главу вознес...
Погибать ей в чужом краю!
И окинула жизнь свою:
Злость, обида, тоска и гнев
Охватили... Все позади.
Как подумала — сердце вмиг
Чуть не разорвалось в груди.

Сосны, небо, земля, вода.
Синих облаков череда

Будто душу хотят вернуть
Той, что еще так молода !
Но не может ничто отвлечь,
Поглотила ее беда.
Как подумала о былом —
С жизнью кончено навсегда!
И пронзил холодный ток
Сердце... в горле слез глоток. .

Голову Кокея обняв,
Бросилась она в поток...

Только гулкий раздался плеск,
Загудел скалистый отрог,
Камни покатались... И лес
Зашумел, и туман заволок
Этот мир, где она жила
И ушла такой молодой.
Только криком оплакав ее,
Лебедь пролетел над водой.

Скрылось тело в глухой волне.
Только волосы в глубине
Чуть синели. И стаи рыб
Провожали ее на дне.
Плыло тело... И вдаль плыла
Мертвая голова в стороне.

V

Так, оплакивая сироту,
Замирая, звеня на лету,
Все рыдает твоя домбра,
Надрываясь, невмоготу
Ей от боли, от боли той,
Что написана на роду.
Плачет песня, звенит струна.
И не может молчать она.
А когда под конец замрет —
Подпевает ей тишина...
Кюй старинный, напев домбры?
Это выюга гудит, вольна,
Это ветра в степи полет,

Сабит Муканов с группой башкирских писателей.

Это память твоя полна
Всем, что мучило твой народ
В стародавние времена!..
А не то — разве пел бы ты?
И родимая сторона
Разделяла б твою печаль?..
Нету ей ни конца, ни дна...

Кюй печальный, о прошлом пой,
Полон мукой, тоской глухой.
И когда твой напев звучит —
Возникает перед тобой
Свора черная: хитрый бай,
Слуги ханские — тьмой густой.
Брызжут ядом, отраву льют,
Угнетая народ простой.
А кто встанет на их пути —
Плетью перекрестят крутой...
И слабеет забитый люд,
Обессиленный нищетой.
Вянут, словно цветы в жару,
Обездоленные нуждой.
И не хлеба — вражды посев
Колосится под их пятой,
Да от хищнических клыков
Льется кровь людская водой...

И тогда
Перед взором твоим
Появляется
Кунайым...
Вот закрыл ты свои глаза,
Скорбной думою одержим.
Долго, пристально смотришь ты
В глубь легенды, в преданья дым.
Кладезь мудрости вековой,
Соловьиной дрожа струной,
Нестихающая домбра
Открывает перед тобой:

«Ты взглядишь-ка в былые дни!
Разве были светлы они?
То проклятья клеймо — не жизни!

Где ни ступишь — враги одни.
Нет спасения! Чем дышать?
Убегай или сам гони
Ты врага на свою беду.
Жизнь такая невоготу!
Вот дела твои, вот и все,
Что написано на роду.
Хоть и жил ты в родном краю,
Но почти каждый день в году
Голодал и мог стать рабом...
Жизнь такая невоготу!
И повсюду, твой род поправ,
Кто сильнее тебя — тот и прав!

Честен был ты, но с давних пор
Был на гибель и на разор
Обречен. И простишь ли ты
Хану жадность и произвол?
Не смягчится душа твоя!
Хан — грабитель и первый вор!
Если будешь с ним заодно,
Вор — и ты, и тебе — позор!»
Кунайым... Кунайым — опять
Ослепительна, не узнать!
Вся закутана в алый шелк,
Возникает — зарей сиять,
Улыбаться, красой цвести...
Кто ей смог эту силу дать?
Держит солнце в руке она,
А в другой у нее — луна.
И увенчана блеском их,
Смотрит, ласкова и нежна.

Говорит:
«Мой народ родной,
Неужели тебе дана
Чаша счастья,
Удел иной?
Пей же смело ее, сполна!
Слаблю я,
Обнимаю тебя,
Мой народ,
Родная страна!

Ты узнала свободы свет
После стольких тяжелых лет!»

Говорит:

«Неужели нет
Тех источников наших бед.
Что, как яд,
Отравляли нас?..
Древней розни
Кровавый след
Неужели навеки стерт,
Чтоб с народом дружил народ!»

Все, что было века назад,
Весь позорный былой уклад
Проклинает домбра, гудя,
На высокий настроясь лад.
И рыдает по сироте,
За живое берут, щемят,
Соловьиные рокоты струн
Над родною землею звучат.
Словно это сама Кунаш,
Утешают, грустить не велят,
И о наших деяньях всех
Говорят они, говорят...
Если кто-нибудь впал в нужду,
Если кто-то тоской объят,
То поет Кунайым ему:
«Не горюй, не печалься, брат!
Слез не лей и отважен будь!
Над тобой на года подряд
Заревые лучи горят!»

Куншаш, с тех пор как родилась,
Узнала копоть, дым и грязь,
Навозный дух ей не был в диво.
Глаза гноились у нее,
Она, одетая в тряпье,
Была болтлива и строптива.

Куншаш трудилась день-деньской,
Все больше левою рукой
Орудую неумоимо.
Под гнетом тяжкого труда
Сменялись месяцы, года,
Как воды, пробегая мимо.

Она чужой пасла косяк,
Таскала для чужих кизяк,
Сыр для чужих заготовляла,
И чьих-то нянчила ребят
И в час, когда все люди спят,
Чужим стегала одеяло.
Подойник или два ведра
Носила с раннего утра,
В заботах — каждая минута.
Подпустит к матке сосунца,
В степи ль останется овца —
Бранит ее хозяин люто.
В косичках — гниды без числа,
Дырява обувь и гнила,
И вся на солнце порыжела.
Одежда в саже — и на взгляд
Как будто сшита из заплат,

И сквозь прорехи видно тело.
Вставала,
 лишь блеснет заря,
Куншаш и, дверь приотворя,
Скот выпускала, сыр сушила,
И, в травах полежав пластом,
Маленько подремав, потом
Котлы скоблила что есть силы.
Проснется дочка Балбопе,
Окликнет,
 подзовет к себе.
Откинёт одеяло: «Дай-ка
Мне, мама, сливок», — и несёт
Прибереженные — но вот
Влетает грозная хозяйка.

Ударив мать, ударив дочь,
Кричит: «От сливок руки прочь!»
Клянет, сжить со свету грозит.
Малютка плачет в ранний час, —
Дай сливок! — но не дремлет глаз
Хозяйки, яростной, как львица.
Обиды, горести, нужда
Да бремя тяжкого труда
Куншаш годами изводили.
Она трудилась на чужих,
Она томилась каждый миг
Во тьме, средь копоты и пыли.

Над ней глумились богачи,
«Прикажут — делай да молчи».
Ругали сплетницей и шлюхой.
Терпя, все делала она
Для дочери, всегда бледна,
До срока выглядя старухой.
Ее богатство — Балбопе,
Ее святыня — Балбопе,
За Балбопе умрет без жалоб.
Бесценной дочери своей
Хотя б на сотню сыновей
Куншаш вовек не променяла б.

Сентябрь суровый завернул.
 К осенним пастбищам аул
 Переместился. Люди всюду
 С кибиток сняли тундуки
 И, открывая сундуки,
 Густую шерсть валили в грудку.

В кибитках тесно. И ковер
 Средь шерстяных, средь пыльных гор
 В них на полу разлегся чистом.
 И вот, закутав шеи в шелк,
 В работе знающие толк,
 За дело девушки взялись там.

К ним — парней ласковы слова,
 Вот засучили рукава,
 И в такт по шерсти неустанно
 Забили палочки вокруг,
 Пошел упругий, дробный звук,
 Как будто голос барабанный.

И раздавались крики, смех,
 И запотели лбы у всех,—
 Шерсть разложили на подстилку,
 Прохладный выпили кумыс,
 Потом за дело вновь взялись,
 Неутомимо, дружно, пылко.
 Друг друга в шерсти поваляв,
 Свой озорной веселый нрав
 Явили, там затеяв шалость.
 Всю палочками шерсть, глядишь,
 Порастрепали,— нынче лишь
 Готовить войлок им осталось.

Пришла пора творить намаз.
 Приблизился вечерний час,
 Окрашив темной кровью дали.
 Собрались парни на холме
 И девушки — и в полутьме
 Их голоса не умолкали.

Вот дом — он мраком полон.
Оттуда слышен слабый стон.
Они, смеясь, проходят мимо.
Чей стон? Куншаш! Лежит она,
В предсмертный сон погружена,
Тоской предсмертною томима.

Лежит в жару уж десять дней,
И с каждым днем — глаза мутней,
И, словно раненая птица,
Трепещет сердце... Балбопе
С усилием подозвав к себе,
Ей шепчет: «Дочка, дай напиться...»

Чуть слышно шепчет: «Сирота...»
И вся слезами залита
Подушка... Тяжко захрипела
В бреду Куншаш: ударил час,
И вот, последних сил лишась,
Худое вытянулось тело.

Немая, с ужасом в глазах,
Ломая руки, вся в слезах,
Бегом на улицу малютка...
Вопила, плакала, звала,
Но поздняя молчала мгла,
И только эхо было чутко.

Сменялись дни и месяца,
Печали не было конца.
Пред Балбопе глухие годы
Текли, друг другу мчась вдогон,—
И, как стена, со всех сторон
Стеснили сироту невзгоды.

Кто мать заменит, полюбя?
Кому расскажет про себя,
В тоске всегдашней изнывая?
Расскажет птицам да ветрам,
Озерным блещущим струям
Расскажет, слезы проливая.

Прозванье «Мерзость» ей дано.
Навесив на спину рядно,

Ей собирать кизяк сказали.
И днями нянчила дитя
Она, скучая и грустя,
Утрами — коз пасла в печали.

Хоть и работала горбом,
Но милосердия в любом,
Увы, ничуть не пробуждала.
Ложилась у порога спать,
Чтоб утром спину гнуть опять
На тех, кто ели до отвала.
Нет матери — отца у ней,
Защиты нет от злых людей,
Все чаще ругань и побои
Ей достаются: смерти нет,
И опостылел белый свет.
Но спорить можно ли с судьбою?

3

И вот в аул пришла весна,
И, благосклонна и ясна,
В бескрайнем разлилась просторе.
Забыта чередя невзгод,
Вновь жир нагуливает скот,
Бывалое забыто горе.

Ковром персидским зацвели
Просторы; птичий свист вдали
Встал над озерною водою.
В лугах трава — зеленый мех,
На долю жаловаться грех
Тем, кто не знает с нуждою.

Лишь Балбопе отрады нет,
Минуло ей двенадцать лет,
Крупна, стройна, розоволица, —
Но груз тоски, но тяжкий труд
Ее безжалостно гнетут,
И красоте не распуститься...

Откочевать аул спешит,
Богач теперь и пьян, и сыт,

В блаженную впадает дрему.
Не испытавший сиротства
Не знает бед,— гласит молва,—
И в тягость лишний шаг такому.

Однажды в полдень — смутный гул,
Твердят: приехал гость в аул.
С хозяином в переговоры
Вступил он, развалясь в тени.
Бубнят вполголоса они,
На Балбопе бросая взоры.

Приезжий толст, седобород,
Он в жены Балбопе берет,
Калым хозяину немалый.
Тот слово с радостью дает
Седобородому — и вот
О горькой участи узнала.

Вопила, плакала она,
Напрасно, сделка свершена.
Полезли бабы к ней с советом:
— Иди ты замуж, не дури,
Чрез года два иль через три
Не пожалеешь ты об этом!

Она бежала прочь от них,
И вот настал последний миг:
Насильно вытащив из дому,
(Лицо в крови, лицо в пыли)
Беспамятную отвезли
В аул к пузатому, к седому.

4

В степях под вечер тяжело
Сгустился мрак, выл ветер зло,
Взметая клубы едкой пыли,
Дождь бушевал, в путях крутятся;
Гудя, разбрасывая грязь,
В упор струи косые били.

В ночи приехали. Кругом
Раздался крик: «Невесту в дом

К нам привезли, цветка прелестней!»
Вот под ножом овца легла,
И пар поднялся от котла,—
Пошло веселье, пляски, песни.

Когда же гости разошлись
И утро озарило высь,—
Приблизился пузатый прямо
К затрепетавшей Балбопе,
Хотел привлечь ее к себе,
Но в страхе завопила: «Мама!»

Пришлось ей горе пить до дна,
Колола старшая жена
Ее словами то и дело.
Все это видел и молчал,
Несчастную не защищал
Муж, толстопузый, поседелый.

В косичках — гниды, глянуть страх,
В тряпье, в изодранных котах
И в зной, и в мокреть, и в морозы,
Едва ль кому-нибудь нужна,
Покорно терпит гнет она,
Подруги ей — одни лишь слезы.

5

Опять в ауле смутный гул,
Курьер с повестками — в аул,
«Нарсуд приедет», возвещая.
Толкуют, слухам нет числа:
На Жиланбая подала
В нарсуд бумагу молодая.

Приехал суд...
Из края в край
Собрали всех...
Явился бай.
В тупых глазах — пренебрежение.
Явилась бедняков семья.

Откинул волосы судья
И встал, чтоб высказать решение.

— Кто Балбопе?

— Моя жена...

Врагом она развращена —
Сарсеном, хлеба съел немало
Он моего...

Душой нечист,
Теперь твердит ей коммунист,
Чтоб от меня она сбежала...

— Ей сколько лет?

— Пятнадцать лет.

— Пятнадцать лет?

Не верю, — нет!

Она ж — ребенок!

— Но прекрасно
Ведь знают люди!

Поглядел

Судья на Балбопе: как мел,
Белели щеки у несчастной.

И прозвучало в тишине:

— А ты что скажешь?—

— Нынче мне

Тринадцать только, сирота я...

Глумились люди надо мной,

И, поневоле став женой,

Томлюсь, слезами истекая.

И речь судьи была кратка:

В тюрьму отправить старика,

Распутника и богатея,—

И успокоилась душа

У Балбопе: весной дыша,

Жизнь развернулась перед нею.

КРОВАВОЕ ОЗЕРО

Голодный заяц

Однажды летом с призрачных степей
К нам налетел внезапно суховей.
Был воздух, словно в пекле, раскаленным,—
И так стояло много душных дней.

Являя свой крутой, жестокий нрав,
С восходом солнце, пламя разбросав,
Высасывало влагу из долины
И высушило корневища трав.

На небе ни единой тучки нет,
Закат, как сковородка, разогрет.
И благодатные ночные росы
Не омывали голубой рассвет.

Растения, осыпав семена,
Поникли — их судьба предрешена.
Вся наша степь, простертая без края,
Была тем суховеем сожжена.

Был этот год, как никогда суров —
Нужда вселялась под казахский кров:

Худели лошади, и дохли овцы,
И молока — ни капли от коров.
К нам голод шел, как разъяренный лев,
Бесились жеребцы, обезумев,

Быки ходили по степи понуро
И грызли землю, много дней не ев.

В степи не скрипнет встречная арба.
До бога не дойдет людей мольба.
Немало бед принес тогда казахам
Тот сухойей — как страшная судьба.

Год назывался Зайцем¹. Этот год
И ныне в памяти хранит народ.
Мне рассказал о нем старик знакомый —
Об этом ниже мой рассказ пойдет

Озеро окровавилось

I

Старинный род Аргынов² жил богато.
(Его приказы выполняют свято)...
Трудились здесь десятка два семей
Калмыков, в рабство угнанных когда-то.

Рабы — они на милости у бая —
Работают, спины не разгибая.
За труд им пища с байского стола
Да ненависть хозяина слепая.

II

В год Зайца по степи раздался плач.
Нужда в аулы прибежала вскачь.
Искали корм отчаянно калмыки
Для собственных коров и тощих кляч.

Был у рабов за старшего Алим.
Он, как и все, был бедностью гоним...
К нему однажды родичи собрались
Просить совета: что же делать им?

¹ В феодальном ауле летоисчисление производилось по циклам. Двенадцать лет составляли один цикл. Каждый год имеет свое название: Мышь, Барс, Корова, Заяц, Улитка, Лошадь, Змея, Баран, Соболь, Курица, Собака, Свинья. Описанное событие относится к 1878 году.

² А р г ы н — название одного из могущественных казахских родов

Алим сказал им мудрые слова:
— Неподалеку есть еще трава,
Близ озера Спаленного... Хозяин
В оплату нам отдаст на луг права.

Все зашумели горячо вокруг:
— Вот это правильно!
— Хотя бы этот луг
Пусть будет нам оплатой наконец-то
За то, что трудимся не покладая рук.

Тем озером сам Малдыбай владел —
Он на него во все глаза глядел.
Три озера в его владеньях было,
И пять покосов он еще имел.

Идут калмыки к баю на поклон —
В роскошной юрте восседает он.
Их просьбу Малдыбай прослушал хмуро
И приказал всем убираться вон.

III

Та осень — словно нищего сума.
Не за горой оскалилась зима.
Деревья на ветру окоченели.
И голод надвигался — смерть сама.

Рабы решили:
— Пользы нет просить,
Хоть самовольно, а начнем косить,
И если будут прогонять нас силой —
Готовы землю кровью оросить.

Калмыков десять к озеру пришли.
Наметили себе клочок земли
В ложбинке. Здесь трава густая, —
Как островок, она видна вдали.

Косили дружно с самого утра.
Вдруг видят косари: из-за бугра
Джигиты показались верховые
И с ними Малдыбай — не жди добра

«Держитесь дружно! — обратясь к своим.
Сказал спокойно волевой Алим! —
Нас, кажется, испробуют на силу;
Мы за себя, конечно, постоим».

На сытых лошадях на вороных
Пятнадцать подскакало верховых.
Посыпались дубинки на Алима —
Он грудью заслонил друзей своих.

Среди врагов — как туча, Малдыбай.
Он взвизгивал: «Какой позор! Ой-бай!
Мои рабы мое воруют сено —
Такого не видал казахский край!

Вяжите всех их — здесь ведь каждый вор!
Хватайте их!.. Какой позор! Позор!
Пока я не напьюсь их черной крови,
Душой не успокоюсь до тех пор».

Дубинки заработали в тот миг —
У озера истошный стон и крик.
Алима вдруг соилом оглушили,
Он на мгновенье головою сник.

Глаза Алима кровью налились,
Он сам себе твердил тогда: «Держись!»
Перед глазами выплыл призрак смерти,
Он чувствовал: к концу подходит жизнь.

А драка разгоралась, как пожар.
Алима бросило в предсмертный жар.
Сын Малдыбая — злой Алтынсары —
Нанес ему решительный удар.

От гнева у Алима больше сил.
Он у врагов пощады не просил
И голову у байского отродья
Косой своею, как репей, скосил.

С плеч бархатных скатилась голова —
Побагровела бурая трава.
И зарычали байские шакалы.
В глазах Алима меркла синева...

Бай задрожал, визгливо крикнул: «Взяты!».
Враги набросились, чтобы Алима смять.
И уложили навсегда джигита
На том лугу невыкошенном спать.

Токала

Могильный холм поднялся на лугу..
Покой Алима зори берегут..
Наехал суд — бунтовщиков судили
И увезли на каторгу в тайгу.

Осиротела бедная семья.
Нелегкая, вдова, судьба твоя.
Жаныл бежала в Токала к башкирам.
Покинув ненавистные края.

А там служить батрачкою пошла.
Работала, ночами не спала.
Трехлетний сын Абиль скитался с нею..
Год Зайца раздевал их догола.

Акдамбал¹

Абиль старел. Ему под пятьдесят.
Всю жизнь он свету белому не рад.
В хозяйстве лишь корова, лошаденка —
За тяжкий труд не видел он наград.

Не раз твердила мать его — вдова —
Певучие и горькие слова:
«Отец, сынок, погиб за справедливость.
Тому виною байская трава».

Абиль к рассказам матери привык.
Да где уж мстить, ведь он почти старик.
И облака на синем небе ближе,
Чем младший сын врага его — Кушик.

В душе уверен — этот час придет:
Он, как батрак, сполна возьмет расчет

¹ Акдамбал — белые штаны — так прозвали одного товарища, приехавшего в аул для проведения раздела земли, за его белые штаны.

У сына Малдыбая, у Кушика.
Абиль уверен — этот час придет.

Однажды весть принес узун-кулак,
Что будет жить по-новому батрак,
Что едет некий Акдамбал в аулы,
Чтоб землю бедным разделить без драк.

Был снова Заяц — самый страшный год.
А это значит — будет дохнуть скот.
Покосы захватить решили баи,
Как прежде, обманув простой народ.

Но весть о том, что едет Акдамбал,
Друг другу каждый вслух передавал.
Что земли там распределили честно
Во всех аулах, где он побывал.

Аткаминеры, баи и молда
Серьезно затревожились тогда
И беднякам пророчески шептали:
Мол, этот Акдамбал — сама беда.

III

Кушик, ладонью затеняя взор,
Смотрел на незнакомого в упор.
В тот миг, когда на пегой лошаденке
Какой-то всадник заезжал во двор.

Был незнакомец бледен, худ лицом.
Но выглядел приятным молодцом.
— Чья это юрта?
Он спросил.
— Кушика.
— Ну, значит, здесь собрание проведем.

— Зовите всех товарищей сюда.
Пусть в основном приходит беднота.
Сегодня будем мы делить покосы
По справедливости и навсегда.

Нет, Акдамбал народ не обманул —
К нему собрался нынче весь аул.

— Кто трудится, тому земля и травы,—
Приезжий говорит под общий гул.

И лишь Абиль стоял и вдаль смотрел:
«Коль нет скота, зачем земли раздел?
Кушик мне не отказывал в покосах.
Без бая разве нужен мне надел?»

Упорствуя, Абиль так говорил,
Но вдруг в толпу врывается Жаныл.
«Прошу дать слово! — говорит она,—
Терпеть все это не хватает сил.

Немало мы видали в жизни мук:
Мой муж Алим погиб от байских рук.
Вы разве позабыли, аульчане,
Как кровь лилась на этот самый луг?»

Раздел кровавого озера

Прибрежный луг одеждами пестрел —
Здесь каждый получает свой надел:
Арканами делянки отмеряют —
У бедняков сегодня много дел.

Сегодня суд вершит простой аркан:
На том конце — чабан и здесь — чабан.
С арканом спор никто не затевает.
Самою справедливостью он дан.

* * *

...Звенит в долине утренний покос —
Работают пятнадцать дружных кос.
Подкошенные травы ниц ложатся,
Сверкая звонким ожерельем рос.

Бежит дорога луговиной вниз.
Как овцы, копны всюду разбрелись.
Шум. Песни громкие взлетают в небо
Свободная кипит повсюду жизнь.

Глаза Абиля радостью горят,
Джигиты о богатстве говорят...
Рабы теперь хозяевами стали —
Алима кровь здесь пролилась не зря.

1927

СУЛУШАШ

Торжество

I

Жил бай Тлеуберди, богатый, властный.
Он угнетал и обирал народ.
Стада и табуны коней отборных
В его степях гуляли круглый год.
Любой скакун и быстроног и стросн.
Кровей горячих, золотых пород.
Верблюжий крик и тонкий плач овечий
Будили тишь солончаковых вод.

Был молод бай. Своих джигитов храбрых
Он одевал в цветистые шелка,
И на охоту с беркутом, с борзыми
Они скакали... Тихая река
Гнездовьями гусей тяжелых, уток
К себе манила их издалека,
И зоркий беркут, пущенный за птицей,
Кружил над зарослями тростника.

Счастливец тот, кто с баем в крепкой дружбе!
Враг проходил с опаской стороной.
Друзья же запросто сидели с баем.
И кумыса прохладною струей
Конину запивали; и послушны
Тлеуберди старшины все... Собой
Доволен бай; он в силе и достатке;
Он — дикий конь, он не знаком с уздой.

Семь поколений жили так богато.
Был роду властному всегда покорен край:

Тенгиз и Шортанды и Соналы с Есилом.
Кулан-отбес, Нура и Талас-сай.
На севере был Терс-аккан границей...
Живее, раб, верблюдов погоняй!
От злых ветров на берег Коргалжина
Стада и табуны уводит бай.

...Тлеуберди искал себе невесту —
Красавицу и равную во всем.
За Алтынай, что всей степи известна,
Коней дал тысячу — большой калым! Огнем
Сверкала шерсть на скакунах гривастых;
Верблюдов сотня, двигаясь с трудом.
Везла приданое; за караваном
Рабы шагали. В их толпе, вдвоем.

Шел раб Шунак с женой Тезек; любили
Они друг друга. Так весной цветок,
К цветку другому чашечку склоняя,
Чуть слышно шепчет: ты не одинок...
Они от дедов, горемыки, знали:
Печаль и радость в свой приходят срок.
На третий год и к ним явилась радость —
В семье Шунака родился сынок.

Родись ребенок в белой байской юрте.
Так в честь его устроили бы той:
Кололи б скот, кумыс бы вволю пили.
Аулы съехались шумливою семьей —
Наследника бы льстиво восхваляли...
Что ж сына ждет рабыни молодой?
Кто рад ему? Кому, зачем он нужен,
С рожденья обездоленный судьбой?

В семье раба нет шелковых пеленок.
В семье раба истертый войлок есть.
К рабу мулла не явится с поклоном,
Чтоб имя дать, молитву произнести:
Мулле известно, что в семье Шунака
Самим частенько нечего поесть.
И сына сам Шунак называл Алтаем.
Он видел в нем и жизнь свою и честь.
Бай, издеваясь, говорил с усмешкой:

«Лишь новый раб родится от раба»...
Отец и мать работают на бая,
Кричи и плачь — вот рабская судьба,
Тебе не спать вовек в хорошей люльке.
Грязна твоя подстилка и груба.
И не споет тебе никто, мой мальчик.
Что степь родная ночью голуба...

Все ж мальчик вырос: сын раба не умер
Наперекор всем бедам. Как сосна.
Он строен был. Сильны крутые плечи.
Ясны глаза и лоб широк. Луна
Бледнела рядом с молодым джигитом.
Он расцветал, как роза гор. Весна
Дыханьем грела юного Алтая,
Тепло лучей отдав ему сполна.

Едва над степью розовели звезды, —
Алтай вставал, работать к баю шел.
Он пас ягнят, таскал дрова и к ночи
Валился замертво на голый пол.
Злость байбише¹, издевки слуг продажных.
Гнилое мясо, байский произвол —
Он все терпел без стонов и без жалоб.
Удел раба бесправного тяжел.

Он с детства был упрямым и угрюмым.
Затравленным, как одинокий волк.
Он с колыбели слышал лишь насмешки,
Попреки, брань, бичей ременных щелк.
Дарила жизнь ему дырявый войлок.
А баям — бархат и цветистый шелк.
Под байским гнетом с колыбели рос он.
В степных сословьях понимая толк.

2

Спустя три года после пышной свадьбы
Родилась девочка у Алтынай,
И в честь ее большой был той устроен:
Ей дали имя Сулушаш... Весь край

Б а и б и ш е — здесь — старшая жена.

Приветствовал рождение байской дочки.
Она росла не так, как рос Алтай.
И сладости, и дорогие камни —
Все у нее, чего ни пожелай.

Прекрасна Сулушаш в шестнадцать весен!
Ее коса — как черный водопад.
Глаза — как спелые смородины. Ресницы.
Как шелковинки, что вот-вот взлетят
Крутые брови ей волшебник создал.
Меж алых губ блестит жемчужин ряд.
Улыбка светит незакатным солнцем.
Румянцем щеки Сулушаш горят.

Она стройна, как юный лебедь белый.
Она нежна, как ветерок степей.
Грудь высока. Легка походка. Голос
Чист, звонок и прозрачен, как ручей.
Красивы пальцы Сулушаш, как будто
Они из серебра... В угоду ей
Природа ничего не пожалела,
Все отдала из кладовой своей.

Под песню сверстниц заплетая косы.
Каменья драгоценные она
Вплетала в них. Шлифовщики каменьев
Ей привели в подарок скакуна
За прославление хитрой их работы:
Каменья в черных косах дотемна
Переливались радугой чудесной.
А ночью отражалась в них луна.

Любила Сулушаш степную скачку.
Когда в лицо горячий ветер бьет.
Степная скачка — утешенье сердцу.
Бери любого иноходца; вот
Они храпят у коновязи; этот
Красней лисы, и в серых пятнах тот,
Скачи, лети, мчись на незримых крыльях
До самых гор, до самых дальних вод!

Мурзы¹ аула красотой смелой
Покорены все были, и привлечь

М у р з а — здесь — господин.

Вниманье девушки старался каждый:
Один в смущенье обращал к ней речь,
Другой пытался поднести подарок...
Она ж улыбкой иль пожатьем плеч
Доучливым джигитам отвечала,
Прося их пылкость для других беречь.

3

Года быстры, как пущенные стрелы...
Казалось, детство было лишь вчера.
Казалось, детство бесконечным будет,
И в куклы не окончится игра.
Алтай, ровесник, забегал к ней в юрту.
И памятные эти вечера
В забавах проходили незаметно.
Счастливая, беспечная пора!

Красивы были Сулушаш с Алтаем,
Но никогда не думали они,
Что детство, словно мак степной, не вечно
И что для них наступят скоро дни,
Когда сердца огонь любви охватит
И взоры скажут: мы с тобой одни.
Мой друг, моя любовь, моя надежда.
Ты хоть украдкой на меня взгляни...

Чалму весны надел тюльпан, и степи
Роскошными коврами зацвели.
На быстрых речках ветер носит пену.
На пастбищах качает ковыли.
Кусты стоят в зеленых светлых платьях,
Как будто девушки к воде пришли,
И соловей, подняв открытый клювик,
Поет о пробуждении земли.

Весну в аулах встретили весельем.
Но мало кумыса у бедняков,
Богатым надо кланяться. У бая
По майским травам заливных лугов
Кобылы бродят, радуясь теплыни,
Зимою ветер был в степи суров.

Бай ходит с миской — мажет простоквашей
Крестцы широкогрудых жеребцов! ¹

К реке поближе стягивались юрты.
Верблюды с кладью горделиво шли:
Подарки мудрецам белобородым
С собой главы аулов привезли;
Все юноши невест себе искали;
Беседу их отцы в кругу вели:
Скот нынче жирный и кумыс отменный —
Дары просторной, ласковой земли.

Алтай хотел провести магь однажды.
К жердям всех привязавши жеребят,
Он к ней отправился, а ноги сами
Свернули к юрте Сулушаш; назад
Алтай пошел, кошму у входа поднял,
Волос увидел черный водопад;
Лицо любимой счастье озарило,
И в первый раз во всем признался взгляд.

К ее ногам упал Алтай, воскликнув:
«Ты так прекрасна! Как звезда, светла!
Мы здесь одни в твоей девичьей юрте,
Ты искру в сердце заронить смогла;
Оно зажглось, оно в груди пылает.
Огонь шумит, прочь убегает мгла.
Туши сама... А если не захочешь —
Погибну пусть. Пускай сгорю дотла!

И покраснела Сулушаш, смутилась.
Сказать хотела: «Власть теперь твоя»,
И не смогла, не разомкнулись губы.
«Твое волнение понимаю я», —
Алтай ответил. Обнял Сулушаш он,
Поцеловал... И на закате дня
Они слились и запылали вместе,
Как два весенних, молодых огня.

...Когда он вышел под степное небо,
Подумалось невольно о другом:

¹ Старинный обычай, якобы, повышающий производительность.

Он — сын раба, он — первенец рабыни.
Он до могилы будет лишь рабом.
Еще недавно кровянил он ноги,
Когда за стадом бегал босиком.
Уж так ведется: счастье все — богатым.
А бедный с горем да нуждой знаком.

Рабу сегодня счастье улыбнулось —
Дочь байская была нежна, проста...
Домой идет он. Медленно шагая,
Он замечтался, и его мечта
Взлетела к солнцу, обжигая крылья.
А юрта у мечтателя пуста!
«Чем славен ты? В ярме всю жизнь шагаешь.
Под вечный свист хозяйского кнута!»

Кто молодости враг, друзья, скажите?
Как наша с вами юность коротка!
Она, как пламя жадное, пылает.
Перебегая на сучок с сучка,
Давая нам любовь, надежду, силу,
Ей даже в бурю нипочем река...
В огонь любви, Алтай, ты сердце бросил,
И не найдешь в золе ни уголька.

Еще разлуки горькой не предвидя.
Алтай не думал о грядущем дне,
С ним Сулушаш, и он богаче бая!
Степь — голубое море при луне.
Ему шептали звезды: «Доброй ночи», —
И дальше проплывали в вышине.
И снова он пошел к своей любимой.
Она ждала Алтая в тишине...

В степи всплывая, золотое утро
Просовывало лучик под кошму,
Когда Алтай с возлюбленной прощался.
Она в слезах смотрела вслед ему.
Аул дремал. Шли табуны... Казался
Весь мир покорным силе и уму
Алтая смелого. Подвластны горы,
Подвластна степь ему лишь одному!

Сабит Муканов с Героем Социалистического Труда Баширом Нурмагамбетовым

Тлеуберди велел держать всю зиму
 Своих коней на берегах Нуры.
 Корм из-под снега кони добывали,
 Раскапывая снежные бугры
 Ударами копыт. Буран и холод —
 Когда в степи особенно остры
 Иголки льдинок — табунам грозили.
 Спят пастбища под снегом до поры.

Бескрайна степь, безмолвна степь под снегом,
 И холодно голодным пастухам;
 И палка старшины Карашунака
 Неумолимо гонит их к дверям.
 Им лед — постелью, белый снег — подушкой:
 Шалаш дырявый с горем пополам
 От ветра укрывает. Ночью волки
 Ползут на брюхе к жирным табунам.

Там — наш Алтай... По Сулушаш тоскуя,
 За табунами ездит на коне.
 То мчится вкачь, чтобы печаль развеять,
 То пустит шагом в странном полусне,
 В каком-то забытьи, в круженье длинном,
 В блужданье смутном, в зимней белизне.
 О Сулушаш с глазами верблюжонка,
 Тоскуешь ли ты так же обо мне?!

Конь у Алтая был гнемой и статный,
 Со звездочкой на лбу. Он сквозь пургу,
 Сквозь тьму ночей, сквозь снежные завесы.
 Сквозь ветер на открытом берегу,
 Через кусты, сугробы и овраги
 Мог проскакать, был легок на бегу.
 Летит, ну, прямо не скакун, а птица,
 Следов не остается на снегу!

Алтай коня берег, не бил, не мучил...
 Зима степей томительно длинна.
 Ему хотелось к Сулушаш скорее.
 Глаза закроет — перед ним она

Стоит и улыбается, и манит
Горячим взором, нежности полна.
С покатых плеч, блестя, к ногам струится
Густых волос тяжелая волна...

Свой зимний саван свертывали степи,
Родился ночью ручеек весны.
И с пастбищ зимних на дымок аула
К стоянке возвращались табуны.
«Любовь моя! Ты с каждым шагом ближе»,—
Мечтал Алтай и часто видел сны...
Карашунак же думал, скажет баю;
Что кони все здоровы и жирны.

Вот стойбище наутро показалось:
Река, луга. «Иди, мой конь, иди,—
Так говорил Алтай гнедому другу
Вблизи аула.— Дела впереди
С тобой нам хватит». Сердце замирало.
То жар, то холод нарастал в груди.
Карашунак, на землю ловко прыгнув,
С докладом побежал к Тлеуберди.

5

Был полдень. Привязав к луке поводья,
Алтай сошел с усталого коня.
Вдруг он заметил: облачко клубилось,
Как легкий дым незримого огня.
Вот виден конь — он вырвался из пыли
И мчался вскачь, уздечкою звеня.
Скакал джигит на белом иноходце
Под пологом синеющего дня.

И все узнали ловкого Сеиля.
Пошли навстречу целою толпой.
С коня в траву спадали хлопья пены,
Он весь дрожал, почуя водопой.
Все поздоровались. «Ну как доехал?» —
Джигита спрашивали вперебой.
Сеиль Алтая отозвал в сторонку:
«Мне надо, друг, поговорить с тобой.

Я от красавицы тебе известной,
Привез поклон. Сказала так она:
«Я к быстрым струям Терен-сай певучей
В день пятницы приеду; тишина
Одна услышит разговоры наши.
Я обещаю данному верна».
Обдумай все и дай ответ, и тут же
Я погоню обратно скакуна».

Забилось сильно сердце у Алтая,
И необычная прошла по телу дрожь.
Но ни один в лице не дрогнул мускул.
Так по скале гранитной не поймешь,
Жар или холод в камне затаился.
О Сулушаш! На радость ли зовешь?
Безмерным счастьем ты наполнишь сердце
Иль, может, горе в душу мне плеснешь?

«Прощай, Сеилы! Скажи, что буду к сроку
На берегу певучей Терен-сай.
Скачи, Сеилы!» И рядом сев с Кайсаром,
Все другу детства рассказал Алтай:
«Любимая светильником полночным
Горит передо мной... Кружись, взлетай,
Как мотылек, мое больное сердце,
И крылышки цветные обжигай!

Что делать мне? Зачем мне жить на свете,
Когда ее другой уводит путь?
Пойми, Кайсар, что только смерти холод
Вселит покой в измученную грудь.
Я — сам не свой. Меня гнетет сомненье,
И по ночам не в силах я уснуть...»
«Вот мой совет,— ему Кайсар ответил,—
Не торопись и осторожен будь».

Настала ночь. И черным стало небо,
Как будто бы незримая рука
Кошмою толстой все вокруг накрыла,
Не сохранив во тьме ни огонька...
Сойдя к костру — к котлу с вареным мясом,
За ужин сели пастухи; пока
Шла трапеза, Алтай тревожно думал:
«Чем завтра встретит Терен-сай-река?»

Конь Тортобель копытом бил о землю.
Ушами прядал, фыркал, тихо ржал,
Косил глазами, тряс густою гривой
И розовые ноздри раздувал,
Всем видом выражая беспокойство,—
Он хорошо Алтая понимал.
«Да будет легкою твоя дорога»,—
Алтай коню негромко пожелал.

Бледнела ночь, когда Алтай с Кайсаром
Вскочили в седла. «Злой вас дух смутил?
Куда вы едете? Еще ведь рано»,—
Старик пастух приятелей спросил.
«Мы? К табунам,— ему Алтай ответил.—
Вперед, Кайсар!» — и вскачь коня пустил.
Про дальний путь лишь ветер знал —
попутчик,
Что их коней легко опередил.

По небу тучи плыли и не плыли...
Свистели гривы. Стлались ковыли,
Двум всадникам поклоны отдавая.
А в стороне, касаясь чуть земли,
Летел стрелой степной ушастый заяц:
С ним состязались всадники; в пыли
Порой скрывались лошади и люди —
Две шапки лишь маячили вдали.

Но под ногами рытвины и камни
Все ж различали кони. Свист ветров
Ловили чутко уши иноходцев...
Когда же всплыл рассвет из-за холмов
И дрогнул сумрак, сердце у Алтая
С ним вместе дрогнуло; синь берегов
Увидел он: «Вот и конец дороги.
Стой, Тортобель. Тут встреча. Я готов...»

Кошму ночную свертывало небо.
Нахлынет скоро солнечный поток.
Густой отарой сумрачные тучи
На запад шли. Чуть розовел восток.
Речные птицы громкой перекличкой
Приветствовали двух друзей... У ног
Река бурлила. Водяного шума
Весь мир пернатых заглушить не мог.

Алтай кусал травинку в нетерпенье,
Прислушивался. «Друг, не торопись», —
Сказал Алтаю ветер перелетный.
Перед рассветом отступая ввысь,
Промолвила Медведица Большая:
«Уж я стара; ты — молод, не сердись;
Приедет милая...» Кричали гуси:
«Зачем так рано люди поднялись?..»

Алтай услышал топот в отдаленье;
И стал он вглядываться в даль остро:
В сырой степи, как птицы, стлались кони.
Сквозь смутное рассвета серебро
Он увидал: на белом иноходце
Любовь скакала. Филина перо
Над головой от ветра трепетало.
«Что мне везут, несчастье иль добро?»

Коня на всем скаку остановила
Рукою сильной Сулушаш; потом
Сошла с седла; и обнялись крепко
Влюбленные... Когда любви огнем
Охвачены два юных пылких сердца,
Им нужно биться в тишине вдвоем.
Смотрели юные в глаза друг другу,
Как смотрит небо в синий водоем.

Чтоб глаз чужой на берегу пологом
Их не заметил, сели на коней
И тронулись к кустарнику густому.
Влюбленные средь преданных людей —
Друзей своих — не чувствовали страха.
Чтоб время проходило веселей,
Подруги Сулушаш в пути шутили.
Кайсар смеялся... В тростниках гусей

Они испугнули. Шелковые травы
Пред Сулушаш склоняли стебельки,
И, вторя песне сердца, пели птицы
О счастье человеческого; звонки
И радостно-беспечны были трели...
И шум умолк стремительной реки.
В лазурном небе облако застыло,
Утихли за холмами ветерки.

«Друзья мои,— сказал Кайсар,— оставим
Алтая с милою паедине.
Нам здесь нельзя беспечно веселиться,—
Заметить могут, и, поверьте мне,
Всем будет худо. Только час короткий
Свиданью дан. Давайте в стороне
Мы подождем влюбленных. Охранять их
Один я буду на своем коне...»

В густой листве на берегу пологом
Влюбленные остались. Всюду тишь...
Два лебедя на заводи зеркальной
Друг друга гладили. «Не улетишь?» —
Казалось, птица спрашивала птицу.
Лучи дрожали, зеленел камыш.
У каждого тревожно сердце билось:
Любовь моя, ну что же ты молчишь?

В тени кустов смородина блестела,
Как Сулушаш глаза. Дрожал цветок,
Как сердце милого. Роса казалась
Слезой любви на тонкой коже щек.
А соловей, что маленькую флейту
Укрыл в листве, от песни изнемог.
Дробясь в воде и землю озаряя,
Сияло солнце с голубых дорог,

На быстрых крыльях мчался час свиданья,
Наполовину пройден солнца путь.
Пора расстаться, но любви объятья
Так тяжело, так больно разомкнуть!
И сердце сердцу говорит с тоскою:
Один лишь миг еще со мной побудь...
Когда они к коням пошли обратно,
Вздыхалась тяжело у Алтая грудь.

О чем он думал, сын раба Шунака?
О чине, о богатстве? Почему
Ему печалиться? Ведь он не старец,
Сходящий тихо в гробовую тьму.
Свободный ветер солнечного неба,
Как лучший друг, спускается к нему...
Так почему ж тоска сжимает сердце?
Понятно то Алтаю одному.

Что значит чин, богатство или слава,
Когда ты с детства знался с нищетой?
Ты — раб; когда твой смертный час настанет.
То пиалы с холодной водой
Никто не поднесет к губам иссохшим.
Вот — девушка, что огненной стрелой
Тебя пронзила, и смертельной раны
Не исцелить волшебною травой!

«Алтай,— тихонько Сулушаш сказала,—
Мой краток век. Осталось до конца
Немного весен. Прожито семнадцать.
Ведь, словно маки, девушек сердца
Под ветром жизни лепестки теряют;
Лишь остается старости пыльца.
Знай, девушке перешагнуть так трудно
Пороги золоченые отца!

Меня посватал человек богатый,—
На шее крепко стянута петля.
Мне про него рассказывали люди;
Он мне противен... Подо мной земля
Колышется, когда о нем я вспоминаю.
Так дни проходят, сердце пепеля
У Сулушаш, которой остается
Смерть призывать, о милости моля...»

И, косами обвив Алтая шею,
Она рыдала: «Смерть, скорей приди!»
Дрожали губы, руки леденели.
И зимний холод нарастал в груди.
«Как буду жить с чужим и нелюбимым?
Алтай... Алтай, что будет впереди?
Мы с детских лет... ты помнишь... мы любили...
Освободи меня... освободи!..»

Как в злой буран, заковенело тело,
Алтая лихорадило... Как снег,
Он побелел. «Кто сватал?» Еле слышно
Ответила: «Тот, кто опасней всех,—
Сам Байбосин, коварный и свирепый.
Он сына женит. Каждый человек
Ему боится преградить дорогу:
Нож в спину сразу обрывает век».

«О Сулушаш! Теперь мне все понятно.
Ты, как зверек, попавшийся в капкан.
Как мотылек, что бьется в паутине,
Заметив поздно паука обман.
И мне ль — рабу — под силу будет вырвать
Тебя на волю?.. Боль жестоких ран
Мне не страшна. Пусть даже взор подернет
Смертельного дыхания туман.

Отец твой с Байбосином породнится,
А у двоих вдвойне сильна рука.
Один из них котел небесный может
Плечами приподнять, все облака
Прижав ко дну...
Другой же — тигра скрутит
Веревкой, словно слабого щенка.
Враги сильны, и чтоб бороться с ними,
Могучим надо сделаться. Пока

Тот всех сильнее, кто всех богаче. Если
Ты кормишься у бая иль берешь
У бая лошадь, значит, бай сильнее.
В открытый бой с таким ты не пойдешь.
Развеют нас, как легкий белый пепел,
Прислужники двух баев; стрелы, нож
Нам не помогут. Надо быть железным,
Тогда лишь сети вражки разорвешь...»

И зарыдала Сулушаш. «Любимый,
Зачем несчастья призываешь ты,

Зачем, ответь? Не только нас с тобою
Жизнь мучила... Тропою нищеты,
Дорогой горя многие ходили.
Смелей, Алтай. Ведь я твоя; пусты
Дни без тебя. И если победят нас,
Погибнут безвозвратно все мечты!

Мужайся, друг! В моих ночах бессонных
Я кое-что придумала, поверь.
Одобришь ли, коль с сыном Байбосина
Поговорю начистоту... Теперь
Ты понял? Если он имеет совесть,

То приоткрыть он не решится дверь
В моем дому. А если все ж посмеет,
Скажу ему, что мне милее зверь.

Да, лютей зверь для Сулушаш милее.
Чем нелюбимый. Пусть отец назад
Отдаст калым; и, если сват согласен,
Даст отступного — мой отец богат.
Тогда ему вернут обратно слово,
И я свободна буду. Снова взгляд
Обрадуется утреннему солнцу
И ясным звездам, что для нас горят.

На все решусь я, чтобы наше счастье
Враги не растоптали, и сюда
Я ехала, чтобы моя надежда
Твоею стала. Страшная беда
Минует нас, быть может; только хитрость
Избавит всех от горя навсегда.
Правы ли я? Ну, говори скорее...»
Алтай подумал и ответил: «Да».

В любви навек они тут клятву дали.
Без колебаний верил клятве он.
Сомненья были прежде — дочка бая...
Он — сын раба... Их страсть — лишь детский
сон...

И обнялись влюбленные, мечтая
О радости безоблачных времен.
Она кинжал Алтаю протянула,
Он был красив, отточен с двух сторон.

Алтай кинжал попробовал рукою.
Задумался и в землю вдруг вонзил
Одним ударом. Сулушаш сказала:
«Оставь себе. Нам нужно много сил,
Чтоб победить. Я меткое оружие
Тебе дам скоро...» Не переспросил
Ее Алтай взволнованный, и молча
Он Сулушаш к подругам проводил.

Все девушки на лошадей вскочили
И тронулись в обратный путь. С холмов
Алтай с Кайсаром долго вслед глядели.

И долго пыль от бега скакунов
В степи клубилась... «Вот борьбы начало.
Враги сильны; и победить врагов
Мне нелегко...— Так думал сын Шунака.—
Любимая! Ты слышишь, я готов».

Цветы кивают всадникам навстречу.
Чирикает, летя в голубизну,
Степной воробушек... На горизонте
Встает мираж. Далекую страну
Напоминают призрачные башни
И лес гигантский... Зной клонит ко сну.
День до краев густым наполнен солнцем.
Алтай с Кайсаром едут к табуну.

Зной пышет. Задремал в низине ветер.
Куда ни кинешь взоры — степь пуста.
Алтай давно уж выпустил поводья:
Коню знакомы здешние места.
Все камешки, тропинки и речушки,
И смутный шорох каждого куста.
Конь тихо ржет и оводов докучных
С боков сгоняет взмахами хвоста.

Алтай задумчив. Расстегнув чапан свой,
Он в небо смотрит... Зыбкая река
Надежд, воспоминаний, опасений
Струится перед взором. Далека
Цель жизни всей! Надежда, что лисица,
След путает: вот, кажется, близка.
Вот скрылась в ковыле, видна на горке
И вновь исчезла в гуще простника.

Глухая горечь наполняет сердце.
Не радует свиданье с Сулушаш.
Язык надежд — он бесконечно труден.
Чтоб знать его, ты многое отдашь.
Мечта летит; хватай ее за крылья!
Чудак! То — ветер, то — степной мираж.
Что жизнь подарит? Счастье и свободу?
Иль павсегда пастушеский шалаш?..

«Да, в жизни горя и печали больше,
Чем радостного смеха... — Так Алтай

В дороге думал.— Степь кипит цветами:
А чьи цветы, земля, весь этот край?
Вот это все, что видит глаз мой острый.
Прибрал к рукам наш ненасытный бай.
Топчи, мой конь, цветы в степи хозяйской,
Копытом с корнем вырывай курай!

Тому, кто трудится, кто кровью полил
Всю эту землю — ни клочка тому.
Работник — раб; пусть сдохнет; он — собака;
Всю жизнь в кизячном пусть сидит дыму:
Ему — лишь плеть и ссадины, и голод,
И на подстилку — вшивую кошму.
А всех овец, всю степь и всех верблюдов,
Всех лошадей, все — баю одному!...»

Отец-старик работает на бая,
Пасет его верблюдов и коней.
Хлопочет мать на кухне байской. Сажей
Измазана, родная, до бровей.
Из всей семьи в ярмо пока не впрягся
Ермек, братишка. Все — рабы. Дверей
Перед рабом никто не открывает,
Никто не говорит: входи скорей.

Алтаю тяжко, и его волненье
Кайсар, приятель, верно угадал.
«Мой друг, не хмурься. Ты здоров и молод.
Ты храбр, Алтай, и горя черный вал
Тебя не сломит; богатырь бесстрашный
Бесславно никогда не погибал.
Ведь Сулушаш, наверно, говорила
Тебе все то же, что и я сказал...»

«Пойми, Кайсар,— вздохнув, Алтай ответил,—
Что много туч я вижу впереди.
Пусть я силен, пусть я бесстрашен, молод,—
Все это так, но бай Тлеуберди
Дочь за меня не выдаст добровольно. .
Как быть, скажи, когда тоска в груди.
Когда ночами слабый голос слышу:
«Возлюбленный, приди ко мне, приди»?..

Я верю, друг, что на своем поставлю,
И ноша трусости — не для меня.
Ведь умирать нам не придется дважды,
И людям смерть не назначает дня.
Ее перехитрить сумеь — задача,
Как ни хитра старухи западня».
...Алтай умолк. Шалаш неподалеку;
Он слез с седла, в табун пустил коня.

Горе

1

Чуть розовело небо. Гасли звезды.
Вдруг над холмом в прохладной тишине
Возникла песня. Шагом ехал всадник
На тонконогом молодом коне
И песню пел... Роса сверкала в травах.
Цветы дрожали в матовом огне.
Как будто кто-то в каждой капле спрятал
По серебристой маленькой луне.

Никто не откликается на песню.
Никто не слышит всадника. Все спят.
Еще так рано, сыро и туманно.
Росой покрыт степей цветной халат.
И человек наедине с рассветом
Свой держит путь и не глядит назад
Его волнует полное безлюдье
И тишины ковыльный аромат.

Внимают молча сизые озера
Печальной песне... Почему печаль
Качает песню на руках прозрачных?
Быть может, горе у певца, и жаль
Ему чего-то? Или утомился
В дороге он?.. Или скрывает даль
Неведомые беды?.. Солнце всходит,
Лучом разрезав облачный хрусталь.

Степь ожила. Утиный крик тревожит
Кустов прибрежных утренний покой.
Гусак-старик, вытягивая шею,

Глядит по сторонам, как часовой,
Чтоб не застал врасплох голодный ястреб,
Кружащийся все время над рекой.
А воробей чирикает, довольный,
Что день встает безоблачный такой.

Коня торопит всадник в нетерпенье:
«Но, Тортобель, мой верный друг! Вперед!»
Алтая голос ласков, и послушно
Конь ускоряет бег свой... Степь поет,
Свистит, жужжит, чирикает, стрекочет
На все лады; а с голубых высот
Счастливый голос жаворонка льется...
Встречают степи солнечный восход.

Алтай спешит. Джигит покинул рано
Табун, друзей, пастушеский шалаш.
Лишь для того, чтобы скорей исполнить
Все то, что обещал он Сулушаш.
Цветы и травы расстелили всюду
Свои ковры. Вода озерных чаш
Алтаю шепчет: «Ты устал в дороге,
Пей, сколько хочешь, гость любимый наш!»

Аул все ближе. Блеянье и ржанье
Издалека доносятся сюда.
Тысяченогой тонкорунной тучей
Овец курчавых движутся стада.
Ягнята скачут; все они пугливы
И возле маток держатся всегда.
А юрты, словно лебедей, качает
Высоких трав зеленая вода.

Алтай в аул въезжает незаметно.
Все дремлет. И собакам лаять лень.
Хлопочут пастухи и водоносы —
Для них давно настал рабочий день.
До всадника ли им, когда лучами
Уже прогнал восход ночную тень?
Гони стада к просторам сочных пастбищ!
На крюк треноги цепь котла надень!

Алтай коня к своей направил юрту.
Его отец навстречу встал с трудом.

Закашлялся и, кутаясь в лохмотья,
Алтай обнял. В стариковский дом
Не часто входит радость. Зарыдала
Мать, сына увидав в дверях... О том
Не рассказать, что было в бедном сердце.
Алтай печально посмотрел кругом.

Вот твой дворец! Завидное жилище!
Трахомными глазами нищета
Глядит в упор, гнилые зубы скалит,
Жалка родная юрта и пуста.
В ней больше дыр, чем звезд в ночном
небе,

Тут смелых крыл не распахнет мечта.
Прости, отец. И, мать, прости. Не скоро
Увижу вновь знакомые места!

И выбежал Алтай на вольный ветер,
Спустился с невысокого холма.
Любимой юрта и зовет и манит.
А вдруг заметят? Но судьба сама
Влюбленным помогает; опустилась
Тумана синеватая кошма.
Алтай прошел к любимой; с нею рядом
Забыл он тяжесть байского ярма.

5

Жара плыла из-за холмов к аулу.
В безветрии дышалось трудно. Вось
Очистилась от туч — над степью выпал
Прохладный дождь; вон птицы пронеслись
К неторопливым — в отдаленье — водам.
Аул проснулся. Люди поднялись,
Чтоб, как вчера, трудиться до заката.
Эй, раб! К ярму живее становись!..

У коновязи, занятые жвачкой,
Кобылы ночь спокойно провели,
И неохотно теплыми губами
Они травилки тонкие с земли
Порою поднимали. Жеребята,
Наевшись, еле двигаться могли.
К кобылам дойным пестрою толпою
Доярки босопогие пошли.

Подняв горбы, круглые шеи выгнув,
Над ровным блеском соляных озер
Стоят верблюды. Ты подумать можешь,
Что этой ночью цепи низких гор.
Покинув незаметно Ала-Тау,
Бесшумно двинулись в степной простор.
Над головою шелковое небо
Сияет так, что ты отводишь взор.

Бараны собрались на солнцепеке.
В тазы налитый, брызнул через край
Густой кумыс, перебродивший за ночь.
Вода в котле вскипела, и курай
Горел под ним, разбрасывая искры,—
Варилось мясо. «Что в награду бай
Стряпухе даст — пинок ногой, объедки?» —
Спросил себя, задумавшись, Алтай.

Тлеуберди позднее всех проснулся,
Уж в медном чайнике бурлит вода.
«Как душно в юрте! Эй, откиньте войлок;
Пусть горный ветер поскорей сюда
Несет прохладу». На ковре цветистом
Разлегся бай. Перед ним стоит еда —
Все сладости Востока, чай душистый...
Жена его нарядна и горда.

Она убор свой праздничный надела,
Луч солнца золотит ее шелка.
Жена Тлеуберди живет в достатке.
Но почему сейчас ее рука
Разглаживает мелкие морщинки
На белом лбу?.. И почему слегка
Она встревожена? Ужель причиной
Ее тревоги — Сулушаш тоска?..

Она недавно побывала в юрте
У Сулушаш. «О маты!» — вскричала та
И зарыдала, продолжать не в силах.
Из глаз ее смятение, маята
На Алтынай смотрели. Дочь дрожала,
Как черенок осеннего листа,
Как бедный, одинокий верблюжонок
Под резкими ударами кнута.

«Скажи, родная, что с тобой случилось?
Откуда взялся непонятный страх?»
Мать целовала шелковые косы
И пальцы тонкие, а дочь в слезах
Ее молила: «Мама, если любишь,
Спаси меня! У волка на зубах
И то мне легче. Я — больной ягненок,
Что заблудился осенью впотьмах.

За что, за что всю жизнь должна страдать я?!
Верните мне свободу!» И опять
Дочь к матери припала, замирая.
Чем девушку в несчастье утешать?
И мать подумала: она не любит;
Ей за глаза не мил жених. «О мать,
Как можешь ты своими же руками
Свое дитя на муки отдавать?!»

Молчала мать. Сегодня будет встреча
Невесты с женихом, и этот миг,
Взгляд первый, первое прикосновение
Решат судьбу — все будущее их.
Приглянутся друг другу — будет счастье,
А если вдруг не по сердцу жених?..
Бай, ничего вокруг не замечая,
И ел и пил один за четверых.

А у Алтая на душе не легче.
День белый черен для него, как ночь.
Быть одному, уйти, бежать подальше
От всех людей, от всех сомнений прочь!
В руках раба нет крепкой байской власти, —
Он не спасет в несчастье бая дочь —
Свою любимую... Тоскует сердце.
Скажи мне, сердце, чем тебе помочь?..

На людной площади среди аула
Он оставаться дольше уж не мог.
Один пошел в свою пустую юрту
И взял домбру и на полу прилег.
И струны скорбно-скорбно зазвучали.
Как будто их печали ветерок
Задел в полете. «Почему любовь я
С горы не бросил в пенистый поток?!»

Знакомых струн печальное звучанье
До Сулушаш случайно донеслось.
Ей показалось, что она над речкой
Стоит одна; глаза мокры от слез.
Рука беды ее толкает в воду,
Волна, крутясь, коснулась черных кос. .
Ужель река могилой будет ранней?
Дна не видать, и под ногой — откос!

3

Степная ночь. Все дремлет. Лишь влюбленных
Без сна застала поздняя звезда.
Два верных сердца в юрте бьются рядом.
«О Сулушаш... вот если б так — всегда!..»
А за аулом озорной козленок
Лягушку дразнит. Тихая вода
Качает громкий крик озерной птицы
И чью-то песню. Спящие стада

Спокойно дышат. Полночь. Пахнут травы...
«О птичка радости, не улетай!
Мне миг с тобой дороже целой жизни.
Не уступлю тебя», — шептал Алтай.
Но вспомнит лишь про сына Байбосина —
И в сердце горе льется через край.
Бессилен раб перед богатым баем,
Его раздавит полновластный бай.

«Была ты резвым жеребенком в поле.
И вдруг, когда в степи лежал туман,
Тебе аркан накинули на шею.
Свалили с ног и спутали. Обман
Твоей родни жесток и бессердечен.
Я не боюсь в борьбе смертельных ран,
Я захлестну себя твоим арканом,
Мы будем вместе разрывать аркан!

С тобою мы стоим у перевала.
Остры каменя, и высок подъем.
Ревут в пути ночные злые бури,
Беззвездная ночь — мы все-таки идем!

Все пропасти, все горные лавины
Нам не страшны — ведь мы с тобой вдвоем!
Иль мы дойдем до солнечной вершины,
Иль, обессилев, в бездну упадем!..»

Алтай умолк, и Сулушаш молчала:
На этот раз не плакала она.
«Овцой я буду, а не человеком,
Коль мне с тобой покажется страшна
Дорога жизни. Мы друзья с тобою.
Любая смелость многого одна
Без дружбы не свершит. Дай руку дружбы
На долгие, любимый, времена».

«Звезда моя! Я безраздельно отдал
Всего себя. И вот, клянусь сейчас
Любовью матери, что все, родная,
К твоим ногам я буду класть; что глаз
Твоих не омрачит и тень печали.
Жалеть не станешь, что с моей сплелась
Твоя судьба. Всегда мы будем вместе,
Пусть видят все, что мир открыт для нас».

«Повремени, мой друг, еще не время,
Не лезь в котел, пока вода кипит.
Нам надо выждать. Осень недалеко.
Ее дожди размоют след копыт.
Нас не найдут. Леса дадут приют нам.
В пещере горной скроет нас гранит».
«Пусть будет так. Поговорю с Кайсаром», —
Алтай в ответ любимой говорит.

4

Все небо перекрыла злая туча,
И молнии чертили небосклон.
Жестокий вихрь, кружась и завывая,
Швырял в аул песок со всех сторон.
Гром грохотал; казалось, горы в беге
Сшибались лбами, подавляя стон,
И хлынул дождь, и разыгралась буря,
Свод неба молниями озарен.

Скрипели жерди юрт. Сорвало войлок,
И он упал, как мертвое крыло.
Среди обломков бедняки ходили,
Спасая скот, вздыхая тяжело.
Их юрты опрокинуты и смяты,
Их жалкий скарб водою унесло.
Лишь юрта байская стоит как прежде,
И даже в бурю баю повезло!

Промокли все до нитки, кроме бая,
Погиб в потоке слабосильный скот.
Аул разбит, безжалостно ограблен
Руками жадных, ненасытных вод.
А злая туча с гривой косматой
По воле ветра на восток плывет,
Ну, как теперь с оравой ребятишек
Бедняк без юрты зиму проживет?..

Краснело небо, и с земли казалось,
Что вслед за тучей стелется пожар.
Прощальных капель золотые искры
Еще сверкали. Громовой удар,
Прокатываясь вдалеке над степью,
Их стряхивал на землю. Млад и стар
Грозу ругали. Будет много дела!
«Бай новых юрт не поднесет нам в дар».

А Сулушаш слез пролила не меньше,
Чем туча, исчезающая вдали.
Огонь сердечный был едва ль не жарче
Слепящих ярких молний, и могли
Сравниться ветры с глубиной вдоха
Несчастной девушки... За край земли
Садилось солнце; и в глазах темнело,
И черной пеной стлались ковыли.

Все гуще сумрак. Люди собирали
Свои пожитки и скликали скот.
А в это время по пути к аулу
Скакали быстро всадники; ведет
Их сам жених. Верблюдов гонят слуги:
Жених подарки Сулушаш везет.
Тлеуберди, послав ему навстречу
Отряд джигитов, на пороге ждет.

Десяток белых юрт гостям отведен.
Калым велик. Отец невесты рад:
Верблюдов и овец пригнали много,
И у порога кони в ряд стоят.
Мурзы в расшитых седлах, молодые
Из свиты жениха. «Жених богат»,—
Подумал бай Тлеуберди, бросая
На подношенья свой довольный взгляд.

Тлеуберди о дочери не думал.
Он радовался, что почет такой
Ему оказан знатным сватом. Все же
Бай сожалел, что не дано судьбой
Ему наследника. Вот был бы рядом
Красавец сын, веселый, молодой;
Тогда б отец дела ему доверил,
А сам бы удалился на покой.

Степь засыпает. Молодежь в ауле
Поет, играет, пляшет. Вот джигит,
С певуньей-девушкой присев в сторонке,
Смеется и о чем-то говорит.
В честь жениха и музыка и пляски.
В ауле, не смолкая, жизнь кипит.
Избрали «хана», «ханшу»; у обоих —
Преважный и такой серьезный вид!

Наряды женщин в сумраке белеют,
И кажется, мерцают сквозь туман
Степные чайки, белые тюльпаны,
Похожие на ранний снег полян
В горах высоких... Песню петь джигиту
В конце игры приказывает «хан».
Наградой — поцелуй соседки; будешь
И без вина от поцелуя пьян.

Не хочешь петь? Так уходи из круга,—
Пусть над тобой хохочет детвора.
Пускай тогда тебя накажут палкой —
Так «хан» велит. И вновь шумит игра.
(И мне, о други юности далекой,
Была мила любовных игр пора!
Теперь не то,— все меньше поцелуев,
Все холодней бывают вечера!)

Все жениха разглядывали. Очень
Остались недовольны: «Не похож
Жених на знатного». Назло невесте
Судачили подружки: «Ай, хорош!
Вот Сулушаш счастливая!» Насмешки
Кололи бедную, как острый нож.
Она бледна сидит в кругу веселья.
О чем грустишь? Кого напрасно ждешь?

Игра не веселит ее, и песня
Вливается ей в сердце струйкой зла.
И взгляд потух; так угольки сгорают,
И остается мертвая зола.
Ей тяжело. Ей очень одиноко.
Зачем она в толпу чужих пришла?
Здесь нет ее единственного друга,
Ее надежды, радости, тепла...

Опять ей кажется: над речкой бурной
Она одна. Глаза мокры от слез.
Рука беды ее толкает в омут;
Волна, крутясь, коснулась черных кос.
Ужель река могилой ранней будет?
Дна не видать, и под ногой откос...
Аул не спит, аул кипит весельем,
И ветер песни далеко разнес.

5

Редела мгла, и на холмах высоких
Вдали порозовели ковыли.
Ночные игры кончились в ауле,
И люди к юртам отдыхать пошли,
Чтобы до солнца выспаться на славу.
Меж тем невесту под руки вели.
Звенели серебром вплетенным косы,
Едва не доставая до земли.

Твердили хором девушке-невесте,
Что к жениху должна идти она.
Но Сулушаш молчала. Рядом с нею
Троюродного брата шла жена —
Алжан, подруга детства... Все тревоги.

Все опасенья, слезы, ночь без сна
Сломили Сулушаш: она устала;
Она слаба, испуганна, бледна.

На дружескую руку опираясь,
Она Алжан просила ей помочь.
«Что делать мне, скажи? — она шептала,—
Как от несчастья убежать мне прочь?»
Все девушки ушли домой. Беседу
Лишь слышит отступающая ночь.
«Отец суров. Противиться такому
Посмеет ли измученная дочь?»

А юрта жениха меж тем все ближе.
Слабеют ноги... «Друг мой, погоди,—
Я посижу, Алжан, я так устала!
Боль все сильнее у меня в груди». —
И Сулушаш без сил в траву упала
(«Кто скажет мне, что будет впереди?!»)
Алжан платком ей вытирала слезы.
«Ну, успокойся. Ну, вставай. Иди.

Чего ты плачешь?» — «О Алжан, как можно
Так говорить? Из всех моих подруг
Всегда была ты самой близкой, верной,
Тебе я доверяла все, и вдруг
Меня ты к нелюбимому насильно
Уводишь в юрту?!.. Так сбывают с рук
Овцу ненужную. Что делать, боже?
Ужель конец? Ужель замкнулся круг?

В несчастный час меня на свет родили!»
«О Сулушаш, не нужно слов таких
Произносить. Поверь, красивей многих
Мне показался статный твой жених.
Рысты-мурза, сын Байбосина; низко
Весь род пред ним склоняется. Двоих
В степи таких, пойми, ты не отыщешь!
Ты родилась в счастливый, светлый миг.

Войди к нему, поговори; увидишь,
Каков он есть. Твоя родная мать
Все те слова, что слышала сейчас ты,

Мне наказала точно передать...
Часы бегут. Вставай, идем скорее!
Ну, разве мать худое пожелать
Могла тебе?.. И я была невестой;
Но мне женой не страшно было стать».

И Сулушаш заметила насмешку
В глазах Алжан и злого огонька
Холодный отблеск... «Вот она какая —
Подруга детства!» И Алжан рука
Ей показалась лапой хитрой рыси,
Что к жертве тянется исподтишка.
«Ступай, мне легче,— Сулушаш сказала,—
Ведь юрта жениха недалеко...»

Алжан стоит средь сумрака, и ветер
Играет белым шелковым платком,
Но вдруг она, опередив невесту,
Вбегает в юрту. Мрак царит кругом.
Джигиты спят спокойно и не видят,
Что женщина проникла тихо в дом.
«О Сулушаш...— Алжан с порога шепчет,—
Твой муж законный спит тревожным сном.

Иди, жена законная, не бойся,
Прости меня, прошу я»,— и ушла,
Закрыв кошмою двери поплотнее.
Жених не спал. Из своего угла
Он видел все, прикидываясь спящим,
Но он молчал... Когда ж во тьме смогла
Невеста различить ковры, подушки,
Оружие — она превозмогла

Девичий страх, в ногах Рысты присела
И робко начала его будить.
Он встал с постели и халат одернул,
Но первым не решался говорить.
«Я — человек,— невеста зашептала.—
Не мучь меня. Не в силах полюбить
Тебя я буду. И сюда явилась
Не для того я, чтоб женою быть...

Прости, мурза, я все сказала честно
День этот первым и последним был

Сабит Муканов с писателями Кербабеевым, Сыдыкбековым и Турсун-заде.

В знакомстве нашем. А теперь пойду я...»
Жених молчал. Но вдруг ее схватил
Другой джигит. «Постой, куда уходишь?
Над кем ты издеваешься? Твой пыл
Мы укротим. Поверь уж мне, красotka,
Тебя смирить у нас достанет сил!»

Не слушая ни жалоб и ни стонов,
Он начал грубо девушку ругать,
Потом свалил ее. Она старалась
Сознания в борьбе не потерять.
Рысты, жених, огнем желанья вспыхнув,
Уж стал с нее шелка одежд срывать.
«Алтай, Алтай!» — едва смогла, слабея,
Она в тот миг призывно прокричать...

И тотчас юрта тесная качнулась.
И все свои покинули места:
Алтай вбежал и всех сплеча нагайкой
Хлестать он начал. Взыла темнота!
Казалось, то ворвался барс в жилище,
Спустившись в степи с горного хребта:
Страшны удары лап, смертельна хватка,
Прыжков непостижима быстрота.

Его джигиты за руки хватали,
Он стряхивал джигитов, как щенят!
Его ловили за ноги, — напрасно, —
Сейчас он мог бы разорвать канат.
Сильны удары меткие, ужасны,
И бешенством глаза его горят...
Шум жаркой схватки разбудил соседей;
Они на помощь к жениху спешат.

А Сулушаш — в беспамятстве; не знает,
Какой опасности подвергся друг.
Алтай, устав, рывком освободился
Из вражеских проклятых цепких рук
И — за порог. Но там — толпа соседей
Его опять схватить хотела, вдруг
Сверкнул кинжал; все расступились разом.
Алтай прорвал джигитов плотный круг.

Одним прыжком вскочил на Тортобеля,
Тяжелой плетью трех врагов свалил
И, оглянувшись в сторону аула,
В степной простор коня он вскачь пустил.
И лишь когда с пути погоня сбилась,
Алтай поник в седле почти без сил.
Что впереди — бездолье, радость, гибель?
Отчаянье он в сердце увозил!

«О жизнь, скажи, зачем ты мягко стелешь,
А жестко спать? Мне тяжкий жребий дан.
Я спотыкаюсь на любой тропинке,
Померкло солнце, и густой туман
От глаз скрывает вольных гор вершины,
Цветы зеленых солнечных полян.
О жизнь, зачем ты мучаешь Алтая?
Зачем его повсюду ждет обман!..

Зачем ты, жизнь, с возлюбленной свела нас?
Зачем сердца зажгла любви огнем?
В руках врагов любовь моя томится,
Рыдая ночью и тоскуя днем...
Доколе мне скитаться бесприютным?
В каком краю найду семью и дом?
По воле ветра осенью ненастной
В степях пустынных рыщу под дождем!»

...Вставало солнце. Стрелы золотые
Оно бросало в степь издалека.
«Чтоб победить — железным сделай сердце»,—
Так сам себе Алтай сказал. Река
Была ему попутчицей. К Кайсару
Он ехал берегом. «Да, нелегка
Борьба за счастье!» Шелестели травы,
Свистели птицы. Плыли облака.

Поединок

1

Печальна жизнь Алтая, и туманом
Окутаны все дни его. Тоска
Холодной змейкой залегла под сердцем.
Зато мечта сильна и высока.

Мечта, как беркут с крыльями стальными,
Стремит полет в простор за облака;
Тоска не сломит храбреца-джигита,
Как ломит ветер стебель тростника.

Несчастья груз ему не сломит плечи,
Получит он ответ на свой вопрос:
Где Сулушаш, что сделали с любимой,
Что испытать ей без него пришлось...
Безмолвна степь. Бескрайна степь, как море.
Кругом туманом все заволоклось.
Бушует ветер! Под тобой — пучина,
А над тобой — густые тучи гроз!

Нам в одиночестве простая песня
Порою утешение дает.
Алтай поет, и затихают птицы,
Стрекозы уж не водят хоровод.
Летит напев о горестях и счастье,—
Покойней сердцу, и смелей вперед
Глядят глаза, как будто за холмами
Тебя, джигит, большая радость ждет.

Давно вестей не слышно из аула.
Алтай задумчив. Третий день подряд
Он спать не может. Что в ауле было,
Когда он убежал? Наверно, мстят
Отцу и матери враги? Жива ли
Еще любимая? Здоров ли брат?
Гнев жениха ужасен был, должно быть.
И в этом всем Алтай лишь виноват...

Ночь осенью темна; созвездья в небе
Похожи на разбросанный костер,
И лапами Медведица Большая
Крадет лучистых голубых сестер
В созвездиях соседних... Вдруг над степью,
Пересекая бархатный простор,
Проносится звезда с хвостом блестящим,—
Несчастный знак для пастбищ и озер.

И в эту ночь Алтай вдвоем с Кайсаром
В степи блуждают. Следом — в поводу —

Усталые шагают иноходцы.

«Скажи, Кайсар, как отвести беду? —
Алтай спросил. — Ведь я теперь изгнанник.
Куда идти мне? Где приют найду?
Нет Сулушаш со мной, и солнце меркнет,
Закружили тучи светлую звезду».

«Послушай, друг: заря уж недалеко, —
Сказал Кайсар. — Ты очень утомлен.
Приляг, усни. Коней стреножив наших,
Я посижу, постерегу твой сон...»
«Ты прав всегда, — ему Алтай ответил, —
Измучен я; враги со всех сторон.
Когда бы я...» — и он замолк внезапно,
Давно желанным сном забылся он.

Тревожен сон... Огромный, страшный коршун
Взмыл над землей, ударами крыла
Расталкивая сумрачные тучи,
Кружась над озером. К воде пришла
Купаться Сулушаш. Ермек, братишка,
Смеялся, бегая... Вдруг, как стрела,
Как молния, сверкнул из тучи коршун.
Он вниз летел, как черный камень зла.

Кричала Сулушаш, звала на помощь,
Как птица, билась в мокром тростнике.
К ней бросился Ермек. На Тортобеля
Вскочил Алтай, зажавши плеть в руке,
Но опоздал! И девушку и брата
Похитил коршун, скрывшись вдалеке.
«О, горе мне, — рыдал Алтай, — о горе...»
Кровь Сулушаш адела на песке.

Алтай проснулся и взглянул на небо.
Лазурь пустынна. Всюду — тишина.
«Чего кричал? — проснувшегося друга
Спросил Кайсар. — Ведь предсказанья сна
Обманчивы, поверь, и ненадежны.
Сны не опасны, если жизнь страшна».
«Молчи, Кайсар. Они погибнуть могут.
Им помощь, может быть, моя нужна».

Пастух Туткиш давно любил Алтая.
Алтай Туткиша звал вторым отцом.
Старик ему говаривал частенько:
«Я — раб, как ты. Мне умирать рабом...»
И вот теперь, когда заря всходила,
Он прискакал к Алтаю. В голубом
Осеннем небе проплывала тучка —
Степная лодка с золотым веслом.

«Беда, мой сын, беда! — Туткиш воскликнул.
Джигиты бая, не жалея ног,
Тебя повсюду ищут. Торопился
К тебе с печальной вестью я как мог.
Охотники попрятались в засадах
У всех тропинок и у всех дорог.
И если ты не будешь быстр и зорек, —
Они тебя застанут здесь врасплох...»

Алтаю показалось: обнаженный
Он на снегу стоит; метель вокруг;
Кровь замедляет бег свой; стужа сводит
Последней судорогой пальцы рук,
В глазах темно. «Ужели правда это?» —
Алтай подумал и промолвил вслух:
«Скажи скорей, как Сулушаш? Жива ли?
Ну, отвечай, не мучь меня, мой друг!»

Туткиш, с трудом удерживая слезы,
Ответил так: «Мне Жалкибай сказал,
Что женихом увезена насильно
Твоя любимая. Ермака взял
Жених в заложники, послав погоню
Вслед за тобой... В несчастье крепче скал
Ты должен быть. Пастух Берден — предатель.
Голодный трус, запуганный шакал».

«Туткиш, спасибо, что не побоялся
Приехать и поведать обо всем,
Что случилось с близкими и дорогими.
Ты вправду показал себя отцом.
Вернись в аул и кланяйся Шунаку
И матери — им тяжело вдвоем.
Прощай, отец. Пришло, как видно, время
Мне встретиться лицом к лицу с врагом».

С утра дождило. Облачное небо
 Висело низко над сырой травой.
 И солнце было разорвать не в силах
 Своим лучом завесы дождевой.
 Алтай с Кайсаром скрылись в середине
 Густого табуна, чтоб недруг злой
 Не увидал. Оседланные кони
 Стояли наготове под рукой.

«Чем отплачу тебе, Кайсар, за дружбу,
 За крепкую поддержку верных рук?
 Со мною вместе жизнью ты рискуешь,—
 Враги смертельный стягивают круг.
 Нам нелегко. Но мы с тобой джигиты,—
 Зачем же гибель призываем вслух?
 Держаться нужно... Счастлив тот, с кем рядом
 Такой, как ты, надежный, верный друг!

Все ж уезжай... Не думай, что напрасно
 Я говорю, что верность испытать
 Хочу твою. Но ты ведь очень молод.
 Ты должен жить, Кайсар, не умирать.
 Лишь месть и кровь теперь дружат со мною.
 Увидят ли меня отец и мать
 Еще хоть раз?! За все спасибо, брат мой.
 Дай на прощанье мне тебя обнять».

«Ты все сказал? — спросил Кайсар негромко.
 Мой верный друг. Теперь мои слова
 Спокойно выслушай. Скорее солнце
 Погаснет в небе и в степи трава
 Без радостного света вся иссохнет,
 Чем я тебя покину. Есть права
 Священной дружбы; нет, с тобою вместе
 Умру иль доживу до торжества.

Я остаюсь. Одна мечта ведет нас.
 Мы оба с детства байские стада
 Пасли в степях. Одно ярмо растерло
 Нам плечи до крови. Одна беда
 Свела нас вместе. И таких бездольных

В степях есть много. Баи без стыда
Глумятся над бесправными рабами.
Ты думаешь, что будет так всегда?!

Едва ребенок наш на свет родится,
А уж на нем ярмо раба висит.
Спроси Туткиша, он старик, он знает.
А что терпел десятки лет Шокпыт,
Хромой, с бельмом? Спроси любого старца.—
Он тридцать зорь подряд проговорит,
Припоминая ласку байских плеток;
Подумаешь об этом — кровь кипит!

Бай косит сено нашими руками,
И мы ему готовим для огня
Кизык и хворост. Нашими глазами
Он караулит каждого коня.
Живей, Шокпыт, Карак, Туткиш! Сдыхайте
И кровью плюйте, жизнь свою кляня.
Бай сыт и пьян, наевшись, дремлет сладко,
Развратничает на исходе дня.

Среди рабов еще не появлялся
Такой герой, который бы повел
Всю бедноту на жадных богатеев,
Чтоб уничтожить байский произвол.
Пастух Берден... тебя поймать он взялся,
А сам всю жизнь в ярме шагал, как вол!
Был сам травим, нещадно избиваем;
У самого путь жизни был тяжел.

Трусливый раб! Предать раба решился!
Я не расстанусь до конца с тобой.
Мы с колыбели были неразлучны.
И так же рядом мы теперь на бой
С врагами выйдем. Победим — так вместе.
Погибнем — будем и в земле сырой
Лежать мы рядом. В жизни, как и в смерти,
Плечом к плечу мы спаяны судьбой.

А может, мы еще увидим радость!..
Я верю, друг, что рабский черный сон
Когда-нибудь окончится, что будет

Раб от ярма навек освобожден.
Он вспомнит тех, кто пал в бою неравном
За вольный ветер будущих времен.
Помянет нас он братским теплым словом,
Про нас с тобою сложит песню он!..»

Кайсар замолк. Алтай прижал, взволнован,
Его к своей груди. «Мой кровный брат!
Мой верный друг! Мой спутник неразлучный!
Одним огнем сердца у нас горят.
Я без тебя — орел, лишенный крыльев,
Добыча подрастающих волчат.
Нам вместе жить и умирать нам вместе.
Вперед, Кайсар! Нам нет пути назад!»

«Смотри, Алтай, к нам кто-то едет... Тише.
Уж не Берден ли?» — прошептал Кайсар.—
«Конечно, он. Изменника, шакала
Я ненавижу, хоть он сед и стар».
Берден подъехал и спросил с улыбкой:
«Бежите? Разве за спиной пожар?»
Алтай к Бердену подскочил с кинжалом:
«Умри, предатели!» Меток был удар.

Берден упал с коня, не вскрикнув даже,
Он не вернется к пастухам в шалаш...
«Теперь, Кайсар, простимся мы с родными
И — в дальний путь, на помощь Сулушаш!
Мсть началась со смерти негодяя.
И кончится, когда последний наш
Злой недруг в собственной крови потонет!
О мой кинжал, меня ты не предашь!..»

3

Склонялось солнце к западу. Озябли
Мои друзья на берегу реки.
Прощай, тепло! Кусты уж пожелтели,
И об осенней грусти тростники
Звонят под ветром. Холодеют воды.
И рыбы, распуская плавники,
На юг плывут. Крупнее звезды стали...
Друзья молчат. И думы их горьки.

Два лебедя оплакивают лето,
Природы уходящую красу.
Они срывают белые кувшинки
И в клювах черных держат на весу.
Алтай подумал: «Сулушаш, родная,
Что я тебе в подарок принесу?..»
А лебеди кружатся над заливом,
Как листья пожелтевшие в лесу.

Вдруг за кустами шум шагов раздался,
И хворост затрещал. «Сюда идут»,—
Сказал Кайсар, вскочив с земли. «Постой-ка,
Мне хорошо знаком вон тот верблюд,
Что впереди вышагивает гордо.
Отца родного я увижу тут,—
Алтай сказал.— Садись в седло, дружище.
Мы их нагоним в несколько минут».

Седой пастух шел за верблюжьим стадом
И причитал, стеная: «Боже мой,
В чем я виновен, что одно лишь горе
Всю жизнь не разлучается со мной?!
Ермек — мой мальчик, как ягненок слабый,
Задушен крепкой байскою петлей.
Алтай... Алтай! Свет глаз моих, ты жив ли?
Придешь ли ты когда-нибудь домой?

Как две березки стройные, под солнцем
Вы, сыновья, на радость мне росли.
Топор злодея на корню срубил вас,
Сломались ветви, и листва в пыли!
Приди же, смерть, возьми меня скорее,
Зачем без дела бродишь ты вдали?»
«Отец, отец,— узнав Шунака голос,
Вскричал Алтай,— о смерти не моли!..»

Моргал старик трахомными глазами.
«Ты кто, джигит? — Алтая он спросил.—
О боже, сын мой!» — И за грудь схватился
И, покачнувшись, палку уронил.
Упал в траву без чувств. Свиданье с сыном
Лишило старика последних сил.
«Отец, очнись,— Алтай шептал,

склонившись,—

Еще для нас не вырыли могил».

Шунак вздохнул и слабою рукою
Алтая обнял. «Свет моих очей,
Когда б ты слышал крик и плач Ермака!
Когда его жених, Рысты злодей,
К седлу прикручивал, твое лишь имя
Ермек выкрикивал. Мне тяжелей
Вдвойне с тех пор нести груз подлой жизни.
О горе, горе! Смерть, приходи скорей!..»

4

В дырявой юрте неизбежно горе
И мало кумыса, и много слез;
Она темна, мрачна, как подземелье,
Где днем — туман, а по ночам — мороз;
Она тиха, в ней говора не слышно.
В ней двое ждут, чтоб ночью удалось
Пробраться третьему к отцовской юрте
Так осторожно, чтоб не тявкнул пес.

Отец Алтая с матерью склонились,
Молчат над замирающим огнем.
Все спит вокруг. И старики тревожно
Дыханье ночи слушают вдвоем.
Беззвездна тьма... К аулу в эту пору
Алтай с Кайсаром пробрались тайком.
Алтай поводья отдал в руки друга
И к юрте медленно пошел пешком.

Отец и мать в слезах припали к сыну,
Лишь только он переступил порог.
Алтай хотел им рассказать о многом,
Но от волненья говорить не мог.
Тезек, слабея, целовала сына,
Покрытого росой степных дорог.
Она сняла и спрятала на память
К чапану прицепившийся цветок.

На весь аул Тезек кричать хотелось.
Нельзя кричать — враги в ауле спят.
Излить хотелось в материнской песне
Все думы, что ей сердце бередают.
Хотелось плакать жгучими слезами,

Пока совсем не потускнеет взгляд...
Молчи, Тезек! Ты стоном выдашь сына.
Потом его ты не вернешь назад!

Алтай, в твоём жилище все, как прежде;
Здесь все на месте. Лишь Ермека нет.
На стенке — мячик из коровьей шерсти,
В мешочке — бабки. Но затерян след
Коня, умчавшего родного брата!
Он жив иль умер? Где найти ответ?
Его постель уже давно остыла.
В степи не видно никаких примет.

«Ну, вот,— сказал Алтай,— нас ждет
разлука.

Кто духом пал в беде, тот не джигит.
Когда один пошел я против многих,
Я не имел богатства, что звенит
В мешках у бая. Молодость, решимость
Опорой были мне. Пускай зарыт
И проклят буду сотни раз я всеми,
Коль мой кинжал врага не поразит!

Проститься с вами я теперь заехал.
Ждет впереди борьбы опасный путь,
Когда, родная, люльку ты качала,
Глаз до рассвета не могла сомкнуть.—
Ты думала: вот вырастет сыночек,
И сможет мать под старость отдохнуть;
Ты мне козлят из тряпок мастерила,
Чтобы меня потешить чем-нибудь.

А ты, отец, всю жизнь в труде сгибаясь,
Не расставался ни на миг с ярмом.
Больной, избитый, ты и в зной и в стужу
Ходил все годы за чужим скотом.
И часто, падая в изнеможение,
Ты утешался мыслями о том,
Что скоро сын джигитом сильным будет,—
И ты покончишь с каторжным трудом.

Сын обманул вас! Собственное счастье
Хотел добыть, наперекор всему.
Все близкие несчастьями и горем

Обязаны ему лишь одному.
Пусть кровь моя из ран смертельных хлынет,
Глаза пускай могилы видят тьму,
Но Сулушаш и маленького брата
У недруга я скоро отниму.

Быть может, мы не встретимся уж больше.
За все простите... Сквозь туман сырой
Не разглядеть всех пропастей глубоких,
Всех острых скал, нависших надо мной,
Всех змей в траве... Что ждет в пути джигита?
Быть может, завтра — в полдень голубой —
На быстрых крыльях весть примчат вам
птицы:

Алтай погиб, он не придет домой...

Тезек в слезах прижалась крепко к сыну.
«Не уходи!» — просил его Шунак.
Алтаю показалось на мгновенье,
Что он ребенок, что семьи очаг
Повит, как прежде, колыбельной песней...
Он вздрогнул. «Тише, нас услышит враг.
Нет, не могу остаться я. Прощайте!»
Он повернулся и шагнул во мрак.

Напрасно мать рвала свои седины,
Отец, предчувствуя беду, стонал.
Их первенец — вся радость и надежда —
В объятья смерти сам себя толкал.
Враги сильны, они убьют Алтая
И бросят труп, чтоб растерзал шакал...
Алтай, легко вскочив на Тортобеля,
Вслед за Кайсаром быстро поскакал.

5

Над степью осень шла. Желтели травы,
И листья облетали на кустах.
И Сулушаш у жениха в ауле
Тростинкой тонкой увядала... Страх,
Тоска, и одиночество, и горе
Ее измучили. В тревожных снах
Алтай ей снился... Не пила, не ела,
Теряла силы, сохла на глазах.

Ермек стерег ягнят чужого бая.
Крапивой в кровь изранены ступни.
Ермеку тяжело. Он обессилел.
Он хочет спать. Попробуй-ка, усни —
Тебя разбудит резкий свист нагайки,
Удар ноги и злобный смех родни
Иль верных слуг разгневанного бая:
«Вставай, щенок! Ягнят к воде гони!»

Все видит Сулушаш, но чем поможет
Она Ермеку? У самой судьба
Почти невольницы. Гулять нельзя ей.
Она бесправна здесь. Она раба.
К ней Байбосин зашел сегодня в юрту
И, увидав, что Сулушаш слаба,
Послал слугу за лекарем, — по силам
С болезнью тяжелой лекарю борьба.

О лекаре в степи ходили слухи,
Что побеждает смерть лишь он один.
Что взор его всем проникает в душу,
Как проникает дождь в песок долин.
Ему открыт наговоренных зерен
Язык немой... Носителей седин,
Жигитов храбрых и грудных младенцев
Излечивает злого духа сын.

Оборванный, босой, красивый, стройный,
Явился лекарь поутру в аул.
Мужчины говорили: «На героя
Похож, пожалуй». Он вокруг взглянул —
И девушки потупились невольно,
И не один завистливо вздохнул
В толпе джигитов! — А в кругу старейших
Прошел волною одобренья гул.

«Чем ты силен?» — его спросили люди.
«Кара-пери!¹ все знает. В облака
Взлетает он, ныряет в воду смело,
И ни огонь, ни камень, ни река,
Ни дым костров его не остановят.

¹ К а р а - п е р и — злой дух.

Он в души богача и бедняка,
Как в юрты, входит. Всюду направляет
Его моя волшебная рука!»

Барана Байбосин велел зарезать,
Разжечь огонь и суп сварить в котле.
А лекарь, у огня собрав джигитов,
Глядел на кости жженные; в золе
Пытался отыскать судьбы он знаки.
Молчал провидец. Может быть, во мгле
Судеб людских еще не проявились
Все предречения о добре и зле.

Все выжидали. Сулушаш смотрела
На лекаря, как будто бы хотел
Взор девушки ему проникнуть в сердце.
Он взором с нею встретиться не смел.
Вот лекарь свой кобыз отбросил к двери,
И тот, упав, негромко зазвенел.
И лекарь вдруг взмахнул кинжалом острым
И песню-заклинание запел:

«Ой ты, кобыз, мой кобыз!
Струны радость и печаль таят.
Над больною, дух мой, покружись,
В сердце к ней пускай проникнет взгляд.

Освети ты все пути, сильный дух,
Тем, кто ходит в полной темноте.
Пусть врага повалит с ног недуг,
Пусть враг задохнется в пустоте.

Одиноки, о кобыз, мы с тобой
И пришли в аул издалека,
Ты больную душу успокой,
Принеси прохладу ветерка.

У красавицы друзей — двое нас.
На всем свете только двое, о кобыз!
Лопнет пусть вражий глаз, темный глаз!
Конь злодея, над рекою оступись!

Ой ты, кобыз — верный друг!
Уж встает заря из-за холма.

Уползет, убежит прочь недуг.
Выйдешь к солнцу ты, красавица, сама!..»

...Песнь кончилась. А Сулушаш смотрела
На лекаря, не отрываясь, ей
Волнение его передавалось.
Они вдвоем. Прогнал он всех людей
Из юрты вон во время заклинанья,
Сам с каждым словом становясь бледней,
Он разбудил на миг своею песней
Печаль и радость промелькнувших дней.

Своею песней этот лекарь смутно
Напомнил Сулушаш Алтая вдруг.
Когда ж теперь он показал ей перстень,
Который принял некогда из рук
Возлюбленной, то стало все понятно.
Волшебник-лекарь излечил недуг!
Она здорова. «О Алтай, ты помнишь,
Как мы детьми перебегали луг?!»

Ты вновь со мной!..» И плакала от счастья,
От радости нахлынувшей она:
Ей вновь — семнадцать, и в степных
тюльпанах,
В лазури, в бабочках шумит весна;
Вновь ветерок ей песенку смешную
Несет с реки; из юрты вновь видна
Вершина солнечная гор далеких —
Алмазный пик, горящий дотемна...

6

Седая пыль клубится под копытом.
Поет стрела над самой головой.
«Держи! Лови!» Секут арканы воздух.
Погоня. Скачка. Крики. Свист и вой.
Два иноходца серебристой масти,
Как птицы, распластались над травой.
Ушли... ушли! Во вражеские руки
Живым не сдастся молодой герой.

Погоня где-то сзади. Отдыхают
Алтай с Кайсаром. Счастливы они.

Что Сулушаш и мальчика Ермака
Похитили из вражьей западни...
Покой недолог. Вновь стучат копыта.
«Кайсар, поправь на лошадях ремни,—
Пусть Сулушаш с Ермаком дальше скачут,
А мы шакалов встретим здесь одни».

Стрелю метко первого джигита
Алтай сразил. Тут подскакал жених.
«Постой, постой! — кричал он, — бросим
жребий.

Вот наконец-то я тебя настиг,
Презренный раб! В смертельном поединке
Один из нас останется в живых.
И это — я. Кость белая сильнее.
Сейчас наступит твой последний миг».

«Не языком в бою дела решают,
А храбрым сердцем, сильною рукой,
Копьем надежным,— жениху с усмешкой
Алтай ответил.— Встретиться с тобой
Давно хотел я; наконец-то случай
Представился, и вот передо мной
Лицом к лицу стоит мой враг бесчестный!..»
И сшиблись кони. Был недолог бой.

Сломались копья. Тетива на луках
Со свистом лопнула. Горячий пот
С джигитов, словно дождь, на землю лился.
Алтай, пригнувшись, бросился вперед
И в грудь соперника вонзил кинжал свой
По рукоятку... Как с крутых высот
Убитый коршун падает на камни,
Упал Рысты. Кровь заливала рот...

Спешили к месту поединка люди
Из свиты жениха. И на бегу
Храпели лошади, роняя пену.
А вдалеке, на самом берегу,
Алтая и Кайсара поджидали
Ермак и Сулушаш... «Как сберегу
Моих любимых,— думалось Алтаю,—
Чтоб не попали вновь они к врагу?..»

Река бушует. Место незнакомо.
Погоня наседает. И в волну
Алтай с конем бросается с обрыва,
За ним все беглецы. «Не утону,—
Казалось, Тортобель шептал Алтаю,—
Ведь жизнь с тобой мы прожили одну»..
Со своего коня Ермак сорвался,
Он слабо вскрикнул и... пошел ко дну.

На берег вышли из воды холодной
Лишь трое беглецов. Стоял Алтай,
На волны он смотрел с тоской и злобой
Он руки протянул к реке: отдай,
Верни назад несчастного Ермака!..
Вода бурна, черна из края в край.
Вода хохочет над его несчастьем.
Шумит на берегу трава-курай.

На берегу другом враги толпились,
Грозили копьями. В опасный путь
Никто из них пускаться не решился:
Река хитра, джигита затянуть
Нетрудно ей в смертельные объятья...
Алтай в отчаянье царапал грудь,
Безмерно горе. Ночь взошла над степью.
Все сном забылись. Он не мог уснуть.

Гибель

1

В семействе гор, среди степей казахских,
Есть горы дивные — Каркаралы.
Джигита сердце, птицу, ветер, тучу
Ручьев кипеньем у крутой скалы,
Листвой прохладной, тишиной прозрачной
Они манят к себе. Плывут орлы,
Парят в просторе над горой Оленьей,
Спокойны, остроглазы и смелы.

Подняв гранитную — с водою — чашу
Веками озеро хранит гора,
Оно в народе Чертовым зовется...

На берег плещущего серебра
Когда-то бог, предав проклятью черта,
Швырнул рогатого: «Вот та дыра,
Где сгинешь ты!» Сюда же, к черту в гости,
Мои герои добрались вчера.

...Печальна осень. Дни короче. Горы
Устало дремлют. Сизым волокном
Затянут полдень. Изредка тревожит
Медвежью чашу отдаленный гром.
Изгнанники без пищи, без оружия,
Без лошадей — заботятся о том,
Чтоб день один хоть как-нибудь был прожит.
И жутко им подумать о другом.

«Мой бедный друг,— Алтай сказал Кайсару,
Ущелья эти хуже, чем тюрьма.
Нас люди гнали, нас пугали звери,
Теперь капкан готовит нам зима.
Недалеки заносы, холод, вьюги,
И гололедица, и злая тьма.
А по сугробам сквозь колючий ветер
В пещеру пища не придет сама.

Что можем сделать мы с тобой в изгнание —
Нет ни копья, ни стрел. Взгляни вокруг —
Все лес да лес! Ни птицу, ни оленя
Руками не поймать. Нам нужен друг —
Бесстрашный беркут, сильный и послушный.
Один такой в отрогах Саурук
Взлетает на рассвете ежедневно,
Ведя в лазури свой привычный круг.

Он нам достанет пищу и одежду,
И Сулушаш он охранит покой.
Но как его поймаем мы с тобою?»
«Ты прав, Алтай. Что ж, я знаком с горой.
И каждый раз, на Саурук взбираясь,
Я замечал: со стороны одной
Теснятся скалы, грозно нависая,
А сзади — склон пологий, лес густой.

Попробуем. А как нам быть иначе?
Джигиту ль пред опасностью бледнеть?

Как ни крутись, а в этой жизни, друг мой,
Один лишь раз мы можем умереть.
Я беркута перехитрю — накроет
Его моя волосяная сеть,—
Она всегда послушна мне бывала,
И беркуту от нас не улететь.

Нам надо захватить с собой веревку.
Я ею обвяжусь, другой конец
Держать в руках ты будешь. Вот спасибо
Седьму пастуху! Добр, как отец,
Он с нами был: дал сеть и дал веревку
И указал тропу. Таких сердец
В степях немало, но бывают волки —
Охотники душить чужих овец.

Вперед, Алтай! В поход!» — Кайсар
воскликнул,

А Сулушаш спросила: «Ну, а я
Что буду делать, ловчих ожидая?»
«Ты ягод нам нарви, любовь моя.
По скалам не пройдешь ты вслед за нами,
Как смеркнется, погрейся у огня»,—
Алтай ответил и, веревку вскинув,
Он зашагал, сомненья прочь гоня.

2

По валунам, по щепню, сквозь терновник,
Цепляясь за деревья и кусты,
Друзья взбирались на скалистый гребень.
Неверный шаг и — камнем с высоты
В сырую щель, в распахнутую пропасть
Сорвался бы смельчак... «Алтай, где ты? —
Товарища Кайсар окликнул тихо.—
Давай осмотрим ближние хребты».

Они присели, чтобы отдышаться.
Колючками вся кожа рук и ног
Изодрана до крови. Пот ручьями
Течет со лба... «Не верю, что я смог
До этих скал без лестницы добраться»,—
Алтай сказал. Нагорный ветерок
Качал сосну с большим гнездом, там беркут —
Властитель вольных голубых дорог.

Вот наконец отвесный гладкий камень.
Похожий на сундук гранитный; в нем
Пласты веков седое время копит...
Купая иглы в солнце золотом,
Растет сосна, над бездною склоняя
Ветвистый ствол, увенчанный гнездом.
Держась за ветви, сеть волосяную
Там растянул Алтай с большим грудом.

Над пропастью качась на веревке,
Сеть укрепил он на ветвях сосны.
Кайсар держал другой конец аркана,
Ногами упираясь в валуны.
От напряженья затекают руки,
Тупая боль проходит вдоль спины.
Вот-вот сорвешься. Пальцы онемели.
Алтай спешил спуститься с крутизны.

Друзья сидели, ожидая часа,
Когда вернется беркут. Тишина
Была нарушена Кайсаром. «Друг мой,
Джигитам смелым гибель не страшна.
Но осторожность забывать не должно,
Спокойная решительность нужна». —
«Ты прав, Кайсар, — задумчиво промолвил
Алтай в ответ, — опасна та сосна...»

Они молчали долго, только взгляды
Тревожно спрашивали: «Как же быть?»
Один читал вопрос в глазах другого:
«А Сулушаш? А пища? Надо жить...»
«Нельзя уйти! — воскликнули джигиты, —
Пусть не веревка — тоненькая нить
Арканом служит, не уйдем отсюда,
Мы беркута обязаны добыть!»

«Но наш аркан истерт и ненадежен. —
Сказал Алтай. — Давай, Кайсар, уйдем». —
Вдруг на сосне рванулось что-то с криком;
Волосяную сеть большим крылом
Подкинуло на воздух; задрожала
Сосна сплетением ветвей; дождем
Посыпалась на камни хвоя сверху,
И вольный беркут взят был в плен живьем.

Властитель неба — в сетке! Вот удача!
«Нам повезло с охотой. Ну давай,
Давай, Алтай, веревку мне живее!» —
Вскричал Кайсар и, заглянув за край
Площадки узкой, он накинул петлю
На сук сосны. «Пойми же ты, Алтай,
Что очередь моя; законы дружбы
В бою и на охоте уважай».

Скользя, срываясь, плотно стиснув зубы.
Храбрец Кайсар одолевал гранит.
Откос высок. Порой в глазах темнеет
И сводит ноги, и в ушах звенит.
Но вот — сосны подножье, ствол и ветви.
Вот беркут схвачен, связан, и летит
К ногам Алтая ценная добыча...
Но почему так долго друг молчит?

«Слезай, Кайсар! Скажи, чего ты медлишь?
Ведь беркута второго в сетке нет».
«Ветвь подо мной трещит, не удержаться...
Я погибаю...» — донеслось в ответ.
Вся кровь заledenела у Алтая;
Так много дней, так много трудных лет
Прошло с Кайсаром вместе! «Брат любимый,
Мне без тебя постыл и горек свет!»

И на утес Алтай взлетел, как беркут,
Спасаящий от гибели семью.
Кайсар напруг последние усилия
И руку он протягивал свою.
Алтай тянулся, но Кайсар все ниже
Свисал на ветке... «Сулушаш люблю
Я, как сестру, тебя, Алтай, как брата.
Да будет счастье вам в родном краю.

Меня не забывайте...» Обломилась
Ветвь, он упал с орлиной вышины.
Его щадили встречные утесы,
Нырнуло тело в водоверть волны
И скрылось навсегда... А на вершине
Стоял Алтай: «Зачем теперь нужны
Мне счастье и удача?» Пошатнувшись,
В отчаянье припал к стволу сосны.

Недалеко от озера, у входа
 В пещеру беглецов, на склоне гѳр
 Сидела Сулушаш, ждала джигитов.
 Кругом безлюдье. Густ и темен бор.
 Шумят вершины вековечных сосен,
 Как будто дивный продолжая спор .
 С осенним ветром. Девушку знобило,—
 Давно потух у ног ее костер.

Она глядит на Саурук далекий.
 Заходит солнце. Спрятана от глаз
 Вершина горная с сосною; что там
 Алтай с Кайсаром делают сейчас?
 Коварны горы, и в лесах темнеет.
 «Зачем одних я отпустила вас?»
 И шепчет бедная: «Бог, помоги им,
 Пошли им силу в этот трудный час!»

И плачет Сулушаш. И плачет камень —
 С журчаньем скорбным горный ручеек
 Неподалеку вьется. Гнутся травы,
 И воет ветер. Тянут на восток
 Стада гусей над головой... «Летите.
 Счастливые, ваш вольный путь высок,
 Прощайте, птицы! Будьте осторожны.
 Чтоб, как меня, вас враг не подстерел.

Я вас прошу, на озеро спуститесь.
 Мне страшно здесь одной и тяжело.
 Спуститесь и поведайте о землях,
 Где нет зимы, где вечное тепло
 Струится с неба на леса, на степи
 И где цветок и ласточки крыло
 Не ведают буранов и метелей,
 Куда дороги не отыщет зло.

Быть может, там в ярме не стонет бедность?
 Людей не травят, как лесных зверей?
 Быть может, там не разлучают силой
 Сердце влюбленных?.. Милые, скорей
 На тихий берег озера присядьте

И расскажите обо всем...» Но ей
Далеким криком отвечали гуси:
«Прощай, спешим — нас манит сень морей».

Вдохнула Сулушаш. А в это время
Вдали над лесом тучи разошлись,
И девушка увидела на скалах
Две точки черные; скользнула вниз
Одна из них... «Мне просто показалось», —
Она решила и взяла кобыз
И провела смычком по тонким струнам,
И радостные звуки полились.

То ласточка промчится над волною;
Забьется муха в сетке паука;
То светлый ливень зашумит в деревьях;
То песня девушек издалека
Послышится во мгле; то мотылек застынет
Над чашечкой лазоревой цветка...
Кобыз поет. Взмолвленные струны
Перебирает девичья рука.

Алтай, в пещеру возвращаясь, слышал
Напев веселый. Но не думал он,
Что это Сулушаш... Давило горе
Тяжелым камнем. В мысли погружен,
Он шел и думал о Кайсаре, брате:
«За что Кайсар судьбой не пощажен?»
И не заметил, — лес курился дымом,
Как будто был он кем-то подожжен.
А Сулушаш увидела, но поздно.
Лесной пожар; уже огонь скакал
По толстым сучьям, по кустам, по травам,
И в страхе звери из расселин скал
Бежали к озеру... И догадалась
Тут Сулушаш: их долго бай искал
И, наконец, огнем решился выгнать
Обратно в степь, безжалостный шакал!

И кинулась к воде, ища спасенья
От пламени и от зверей, и вдруг
Тигр с опаленной шерстью путь отрезал
Ей к озеру; преодолев испуг,

Она его ударила кобызом,
Но вышиб зверь кобыз из слабых рук
И раздавил и поднял грозно лапу,—
Для Сулушаш замкнулся смертный круг.

«Алтай!.. Спаси!..» И, в ужасе метнувшись
Вперед к обрыву, прыгнула туда.
Жемчужной пеной тело обернула
Волна озерная... И лишь тогда
Алтай сквозь дым до озера добрался.
А Сулушаш не видно и следа!
Огромный тигр застыл в бессильной злобе,
Да плещет в берег горная вода...

4

Зверь разъяренный вздрогнул и отпрянул,
Но по его хребту скользнул кинжал...
Алтай, спеша, не рассчитал удара.
Зверь обернулся, злобно зарычал,
В глазах зеленых бешенство и ярость:
Теперь ты мой. Ты слаб, измучен, мал.
Он прыгнул вверх и... на клинок кинжала
Широкой грудью тяжело упал!

Тигр пасть открыл, хватая воздух жадно,
Хрипя, царапал полосатый бок.
Алтай клинка не вынимал из раны.
Пока совсем не потускнел зрачок
Могучей кошки... И, увидев мертвым
Врага, поверженного на песок,
Алтай с трудом до берега добрался,—
Он был теперь на свете одинок.

Еще жила в нем смутная надежда,
Что Сулушаш спаслась, что не мертва
Его любовь. И он шептал упрямо
Печальные и нежные слова.
Молчало озеро, качая пену —
Волны серебряные кружева.
Как душно, дымно!.. И Алтай очнулся —
Вдоль берега уже горит трава!

И, усмехнувшись грустно, он подумал:
«Вот и конец! Осталась лишь зола.
А мы втроем гнались за птицей счастья,
Увидев в небе светлый след крыла!
Не вынеса жестокого закона,
Бежали мы к святой горе от зла.
В могиле спит пророк рыжебородый...
Но сила мест святых не помогла!

И к озеру, что Чертовым зовется,
Мы в тот же день из божьих мест ушли.
Бог нас не выручил; не побоялись
Мы каменистой и пустой земли.
Там дьявол? Что ж, как и мы, изгнанник,
Давным-давно живет от всех вдали...
Но нас и там ждало одно лишь горе:
Погиб Кайсар, и лес враги зажгли!

Кайсар... Мы с ним не расставались с детства
Мой славный друг... Зачем тебе вослед
Мне броситься с горы ты не позволил?!.
Зачем напомнил, что на свете нет
У Сулушаш руки, моей надежней?
О Сулушаш! Моя душа, мой свет!
Любимая с глазами верблюжонка!
Звезда Шолпан¹ моих недолгих лет!

А я-то думал: молодость порукой
Всеу на свете; думал, не страшны
Угрозы, козни и наветы бая,
Покуда руки у меня сильны
И совесть не запятнана бесчестьем.
И сердце внемлет голосам весны,
Когда к реке, бывало, ранним утром
На водопой гоню я табуны...

Казалось мне, что в жизни хватит счастья
И для меня; что пение ручья
И вольный ветер, и ковыль, и солнце,
И облаков горящие края
На радость мне даны от колыбели,

¹ Ш о л п а н — утренняя звезда, Венера.

Как юрта войлочная, как родня...
Но от людей с любимой и другом
Пришлось бежать, удел раба кляня!

Прощай, земля, суровая, родная!
К обрыву привели твои пути.
Прощайте, степи! Ковылем кудрявым
Уж без меня вам суждено цвести!
Прощай, тяжелый, жесткий, острый камень
Ты часто в жизни мне мешал идти.
Прощай, шатер небес, горячий, синий! —
Мне под тобой не петь и не расти!..»

...Алтаю показалось, будто горы
Вокруг сомкнулись; страшен их оскал,
Густой сосняк протягивает иглы
К глазам из-за обломков диких скал.
Вода влечет на дно неумолимо,
Шепча, чтоб он спасенья не искал.
«Вам жизнь моя нужна? Так что ж, берите!»
Вскричал Алтай и в грудь вонзил кинжал.

Алтай упал. Из раны кровь струилась,
Но сердце не хотело умирать.
В тумане розовом кобыз играет,
Нежна мелодия — так только мать
Алтаю в детстве напевала... Струны
Вдруг в отдаленье начали смолкать.
В последний раз Алтай взглянул на горы,
Закрыв глаза и перестал дышать...

МЕСТЬ

1

Когда, словно мак, восход заалел,
Лепестки свои вокруг разбросав,
Проснулось живое все на земле:
На озерах птицы

да звери в лесах,

Скот на выпас пошел, оставляя след
На росистой траве,

словом, когда

Протирал глаза лежебок-дармоед —
Хозяин чужого труда,

Лучами восход и аул залил,
Тогда за аулом замаячил джигит.
Саврасого вел он.

И от света зари

Казалось —

из золота конь был отлит.

Абай наш писал о саврасом таком, —
Не скажешь: он не был в конях знатоком, —
«Закинул конь голову назад и игриво
Тряхнул, как чубом, шелковой гривой.

Уши, как ножницы,

как листья камыша».

Саврасый показывал красивый свой шаг.
То вздыбится свечкой, начинает резвиться.
Как ястреб, что за жертвой готов устремиться.

Себя
ничему
он сломить не дал.

Опорой
надежда была ему смолоду:
«Был бы жив да работал честно всегда,
Достигну всего»,— думалось молодцу.

Ни братьев не было у него, ни сестер,—
На одиночество он не сетовал.
Характер — правдив, упрям и тверд.
Слова не бросал на ветер он.

Подрос.
Стал джигитом.
Приобрел коня.
И уже не давал он себя в обиду.
Одежду носил, бережливо храня,
Был опрятен и приличен с виду.

Была у него одна лишь мать.
Корова была, что кормила их.
Засватал он девушку себе подстать,
Такую же бедную да милую.

Была она бела, как сама Акжунус¹,
И щеки, как будто яблоки — алые.
Никого из девушек
с ней сравнить не берусь.
И не с кем в тех краях
сравнить, пожалуй.

Алтын — имя девушки, пятнадцати лет.
Но сказано:
«Не режь не созревший тальник».
И рад Булат, что может чуть свет
Иль вечером с нею увидеться тайно.

Но мы отвлеклись.
Рассказа нить

¹ А к ж у н у с — легендарная красавица.

Порвется —

ведь речь о саврасом я начал.

Его Булату удалось получить

Еще жеребенком, когда батрачил.

Растил жеребенка, веря в удачу,

В уши ему сережки продев.

И в ауле

дивил трехлетка многих на скачках,

Нередко первым пролетая пулей.

...Аул Булата приглашен был на ас¹,

И, чтобы счастье попытать на асе,

В утренний этот добрый час

шел Булат со своим саврасым.

Шел, бросая довольный взгляд

на струнную статью его, твердую поступь.

«Эх, повезло бы!..» — думал Булат;

Хоть знал он, что приз получить не просто.

«На скачки, всадники!

На скачки все!» —

Скача за юрты, кричал джигит.

За ним аульчане бежали вслед.

На поле, где сухая полынь звенит.

Жара.

И небо синее чисто.

Лица людей кумыс багрит.

Но запах бархатный травы

душистой

Сильней кумыса пьянит.

Земля покрыта людской пестротой,—

Река бывает так птицей покрыта.

Бедняки да дети не пошли на той,

И рады тому, что хоть дома сыты.

Разбилось надвое скопление народа

И стало лицом — род против рода,

¹ Ас — поминки.

На скачки на конях погнав юнцов.
И здесь начинался поединок борцов.

Погладив коня по лбу и по холке,
Вручив его подростку, что на скачки выйдет,
Булат пошел спокойной походкой
Туда, где борьба начиналась джигитов.

Кто-то Булату:

— Снимай сатин свой.

— А с кем бороться?

— С Есимом прославленным.

— Боже, кто сможет с Есимом схватиться?

Лучше б с другим — было бы правильно.

— Но-но, раздевайся, народ велит.

Еще называется «стал джигит».

Надев чекмень на голое тело,
Полон силы, бьющей наружу,
Вышел Булат в середину смело.
Навстречу —
какой-то

косолапый и дюжий.

Как барсы, кинулись друг на друга,
Вцепились руками, злые и гордые.
В яростной схватке обоим туго —
Лопнули чекмени от самого ворота.

Затем, схватив за кушак, Булат
Скрутил косолапому руки назад,
стиснул в объятьях, давя бедром.
И дюжий рухнул — аж пыль столбом.

Со лба Булата стекает пот.
Дышит тяжело и прерывисто.
В толпу довольных им идет.
«Молодец!» —
кричат ему залиvisto.

Оделся Булат.
И вот вдали
На изгибе дороги пыль клубит.
То мчатся подростки на конях, в пыли.
И темная точка впереди летит.

И можно подумать — не конь плывет
Чуть-чуть над землей — а птица скользит.
Конь землю будто камнями бьет —
Гудит земля от крепких копыт.
То был саврасый.

Рванулся Булат.
Звездой промелькнул конь,
шумно дыша.
Промчал сквозь толпу, будто крылат.
И начал сбавлять стремительный шаг.

Его за поводья схватил Булат.
Конь взмылен. И пена на нем бела.
Играет, резвится, поводья рвет,
Слушает шум, ушами прыдет.

Красив его шаг, и весь он могуч.
Остры и прямы, как ножницы, уши.
Хвост ниспадает, как черный плюш,
Холкой своей соперников выше.

Поднялось облако, бросая тень.
Обдал прохладой ветерок веселый.
И жаворонок звонкую поднял трель
В честь победителя высоко над полем.

Других коней прискакала часть,
Когда саврасый унялся под лаской.
Но весь народ говорил в этот час
Лишь о Булате да о савраске.

— Да, молодчина, ай-да джигит!
Есть в нем что-то от батырской крови.
— А конь его, конь его птицей летит.
Другого такого найди, попробуй!

Ведя за собой четырех холопов,
Подходит какой-то
 усатый казах.
Саврасого смотрит, по крупу хлопая.
Зависть искрится в его глазах.

— Кто он? — спросил Булат у приятеля.
— Сын волостного, мирза Жамак.
— А что он вертится?
— Да это понятно,—
Коня твоего пытается он так.

— Зачем он пытается?
— Твоего коня,
Думаю, выбрать хочет Жамак.
— Хочет выбрать, не спросив меня?..
Я так и отдам ему?..

Что за дурак...

II

К полудню с пастьбы приходил табун.
И с ним прибежал саврасый скакун.
Требуя корм, внимание и ласку,
Булата обнюхивал,
 играться лез.

Мешочек овса подавая савраске,
Джигит ему гладил шелковую шерсть.
Однажды вышел Булат на прогон
И встретил табун,
 пришедший с попаса.

Табун обошел он со всех сторон —
Куда-то пропал его саврасый.

И понял Булат: случилась беда.
И обошел он табуны у многих.
Увидит где-то далеко стада —
Бежит, напрасно натирая ноги.

Тогда он чью-то лошадь взнуздал.
Саврасого начал искать везде.
Спрашивал встречных, но никто не знал.
Еще не бывал он в такой беде.

И, странствуя, слез он у юрты одной,
О мытарствах своих рассказал не тая.
Хозяин юрты потряс бородой:
— Друг мой, конь твой в наших краях.

— У кого он?

— У волостного Кары.

Известно, Кара на руку не чист.

С волостным Кара
до сей поры

В спор не вступал
ни казах, ни урыс¹:

Сынку Кары понравился конь.
С просьбой гонца он послал —
ты не дал.

А кто волостному перечит' коль,
Кара тому грабежом отвечал.

От слов тех Булат побледнел, как нож,
Задел его за сердце байский каприз.
Сказал: «За такое насилие... что ж...
Его иль моя оборвется жизнь».

Поставил на войлок с кумысом пиау.
От гнева Булат всем нутром сгорал.
И быстро поднявшись, помчался в аул,
Где с отпрыском жил волостной Кара.

Четыре юрты
работы искусной
стоят, как чертоги.

Меж ними прясла.
Голову повернув к ветру, грустный,
Стоит привязанный к пряслам саврасый.

Заезжен.

Весь пеной засохшей покрыт.
Громко заржал, Булата увидев.
Горло сдавила злость —

и джигит
Невольно слезу уронил от обиды.

¹ Урыс — русский — казахское произношение.

Ослаб —

и сам удивился тому.

Такого — как вырос —

с ним не бывало.

Арканье прясла ножом рубанул,
Вмиг на коня — и поскакал он.

«Кто это?!» — вслед ему подняли гвалт.
Кара кричит: «На коней, скорей!»
Отъехав, коня придержал Булат.
И бросил такие слова Каре:

«Кто дал тебе право коней красть,
Над кем глумишься, собака жирная?!
Нечистого жиру накопил ты всласть...
Зачем коня забираешь насильно?!»

С криком «аттан!»¹ кинулись холоуи.
Мчатся с соилами,² восемь сразу.
Вырвал Булат у одного соил
И всех из седел повышиб наземь.

Резвятся лошади без седоков.
На земле побитые холопы лежат.
Гнев справедливый джигита таков.
В степь на саврасом умчался Булат.

Тотчас увязалась погоня за ним.
Саврасый ястребом степным летит.
Остались погонщики далеко позади,
Лишь пыль клубится из-под копыт.

III

Прошла пора погожих летних дней.
Осенних дней пришли и слизь и грязь.
С отгонов шел народ к зимовьям поскорей.
И молодежь за сенокос взялась.

¹ А т т а н — по коням!

² С о и л — дубина.

Нанялся и Булат. Он за рекой
косил.

И часто занят был конем.
Готовил корм ему
другой рукой.
Арканил ночью, путал ноги днем.

Однажды, выйдя в поле до зари,
Он у дороги клеверок косил.
И слышит:

бубенцы звенят вдали,
и пароконка степью колесит.

«Куда телега рано так спешит?»
Подумал, глядя он недоуменно.
Приблизилась.
А на ней сидит
какой-то дядька
в желтеньких погонах.

Сидел с ним вместе шабарман¹ Алэн.
Подвел вплотную лошадей и сесть
Булату на телегу он велел.
— Поедешь с нами в город,
дело есть.

— Какое дело?
— Помолчи, бедняк,
Вот пристав, он большой тюре² у нас.
— Мне до тюре нет дела,
только так
Работу бросить не могу сейчас...

Заставили.
Тот сел.
Тюре все строже
Кричал:
«Молчать, не то, мол, засеку!»
Саврасого впрягли в телегу тоже
И в город двинули по большаку.

¹ Ш а б а р м а н — посыльный.

² Т ю р е — начальник.

Булат в дороге думал лишь о том,
Куда, зачем везет его тюре?
И вот под вечер в городе большом
Он заперт был в сырой тюрьме.

А утром на дверях замок зазвякал.
И в камеру вошел тюре знакомый.
Идти наверх Булату подал знак он,
Сказав: «Там судьи. Спросят по закону».

Какие судьи? За что судить-то будут?
Булат не понял.
Как медведь ручной,
Вошел он в помещение к судьям.
В глазах огонь —
Как свет во тьме ночной.

О, сколько толстых!..
Среди них Кара.
И каждый весел, чему-то каждый рад.
На них смотрел Булат, не понимая,
Зачем компания собралась такая?

Судья прочел Булату обвиненье:
«Ты конокрад, грабитель. В поселеньях
Ты не давал покоя мирным людям.
И потому тебя сейчас мы судим».

И как бы говоря, — не правду ль я сказал? —
Всех оглядел судья.
И каждый аксакал,
И каждый толстый бородой потряс,
И поддержал судью: «Рас, рас»¹.

Булат их всех пытливо оглядел.
Он тщетно честного среди них искал глазами.
И хоть вскипел от злости, побледнел, —
Сдержал себя в руках,
лишь грустно замер.

Окончен суд и приговор подписан.
И не нашел Булат ни в ком из них

¹ Р а с, р а с — верно, верно.

Сочувствия. В глазах сверкнули искры.
И развязал себе джигит язык.

«Пузатые, сумел я вас понять.
Душа у каждого из вас черней угля.
Насильно отняли вы у меня коня.
Ни в чем невинного вы обвинили зря.

И прокурора смог я раскусить.
Он баю — друг, а бедному он — враг.
Вы все лукавы, лживы, злы, как псы.
Для вас слова я трачу тоже зря.

Что делать, если так меня казнят.
И гнев и месть моя со мной сгорят.
Но если выйду на свободу я,
То буду каждого из вас искать не зря...»

Сказал и смолк, как будто онемел.
Кара злорадствует, мол, вот как я сумел...
Вошел тюре знакомый, молвил: «Ну!...»
И вновь Булата поволок в тюрьму.

Могила-камера и полумрак.
Железная решетка, вонь и сырость.
Висит замок снаружи на дверях.
Никто отсюда не сумеет вылезть.

Булат стоял, как будто бы в бреду,
А за окном, в компании веселой
Кара прошел с саврасым в поводу.
Конь ржал, мечась, и дергал повод.

Булат нутром похолодел от гнева.
Но не ослаб, не потерял он воли.
И, стиснув зубы, вслед Каре глядел он
И тяжело вздохнул от злой неволи.

IV

О тюрьма — приют людских страданий!
Сосет пиявкой черной кровь и душу.
Человек в ней, что от тифа, вянет.
Сил она лишает, мысль живую душит.

Ускорить
Для крестьян, рабочих
 час расплаты.

Баи все грызут извечно нас.
Власть царя — опора им, защита.
Но сметет их трудовой наш класс.
Час расплаты близок. Он сосчитан.

Будь свободен — ты б пошел на бой?»
«До последней капли крови даже
Бил бы их...»
«Доволен я тобой.
Руку жму —
 ты был джигитом нашим».

«А зачем в тюрьму попал ты сам?»
«Замысел наш раскусил хозяин,
Лживый друг продал меня властям.
Год, как здесь я время убиваю».

И с тех пор от самой переклички
До ночи Булат мечтал о мести.
И себя к «большевикам причислив»,
вырваться из байских лап он метил.

В думах тех прошло еще три месяца.
«Мать, пришла», — сказал знакомый малый.
Не поверил, неужели встретится.
Выдержать не смог и зарыдал он.

И пока не встретился он с мамой,
Сердце билось, весь он обезводел,
Не смежил и глаз до зорьки алой,
Слез ручьи он в нетерпенье пролил.

Как надежда обжигает душу!
В ожиданье нет конца и ночи.
Мрак вот-вот глаза ему потушит...
Но... рассвет забрезжил чуть молочный.

Что рассвет, коль на дверях замок,
И гнетет тюремный потолок!..
Надзиратель подошел и крякнул:
На дверях замок тяжелый звякнул.

А жандармы злые и поникшие.
Переключку сделал сам начальник.
И сырую воду пить привыкшие,
Арестанты взялись шумно «чай пить».

Лишь Булат не пьет ни чай, ни воду,
Взад-вперед угрюмый нынче ходит.
К невеселым заключенным
солнце
Вдруг взглянуло в узкие оконца.

«Общий зал» наполнен мутным дымом.
Вековая копоть, грязь на стенах.
И лучами солнца «зал» был вымыт.
Полумрак тюремный вмиг рассеян.

Горестно глядит герой на двери.
— Кто Булат? — откуда-то раздалось.
— Я! — вскричал, ушам своим не веря.
— Мать пришла!
На голос побежал он.

Вышел.
У дверей рыдает мать.
С горя не рыдать она не может.
Исхудала, извелась, видать.
Сгорбилась вся странницею божьей.

Кинулась, раскрыв свои объятья:
«Как ты оступился, свет родимый...
Самая несчастливая мать я.
Звездочка... Куда скользнула мимо?..

О Булат мой — милый верблюжонок,
Исстрадалась, дни влачу я еле.
Горб ты гнул да честен был с пеленок,
Как же очернить тебя посмели.

Я с тобой совсем не знала бед.
Был упрям ты и правдив, родной мой.
Я нужды не знала столько лет,—
Был ты так трудолюбив, родной мой.

Ты горел, родной, как ночью свет.
Я не ведала забот, калка ¹ мой.
Не давал ты знать, что братьев нет.
И берег от всех невзгод, калка мой.

Без тебя жила я, как в могиле.
А тебя ценить я не умела.
Плачь не плачь, а помереть не в силе,
Волочила душу в слабом теле.

Наказал господь еще ударом:
Милая Алтын цвела тюльпаном,—
Радость будет, думала, под старость...
Волостной Кара увел в тукалы².

...Матери дыханье обжигало,
А слова прожгли до дна всю душу.
Зарыдав в родных объятьях, малый
Полные печали речи слушал.

Смрадный дом наполнен плачем горьким.
От него б заплакал камень даже...
«Эй, к порядку там! Не плакать только!» —
Закричал и подошел к ним стражник.

Здесь солдат привык к людским страданиям.
Сердце черствое его ничем не тронуть.
И, услышав горькое рыданье,
Лишь слегка краснеет он, не дрогнув.

Что ему до горя горемычных?
«Здесь не место плакать, вас тут много!» —
Хмуря брови, он кричит им зычно
Голосом безжалостным и строгим.

Мать рыдала, с горя обессилев.
Долго не пускала сына, плача.
И прильнув к его груди, омыла
Все лицо ему слезой горячей.

«Ну, не плачь, не плачь, родная мать.
Ни за что я пострадал от баев.

¹ К а л к а — родной, защитник.

² Т у к а л — вторая жена.

Мало ли нам надо испытать...
Что с джигитом в жизни не бывает...

Мне не век здесь вековать, родная.
Может быть побыть придется год.
Буду жив — я тоже их помаю,
Столько бед принесших нам господ.

Не сдавайся горю, еще рано...
Не слабей, держись бодрее духом.
Для джигита это и не рана,
Так себе, простудная сыпуха...»

Как бы мать крепиться ни старалась,
Как ни набиралась сил она,
У бедняжки в это время слабость
Сил остаткам в ней была равна.

...Вдруг лицо привиделось герою:
Черные глаза в него впивая,
Гибкая,
 печально хмурая брови,
Близится к нему Алтын родная...

Подошла как будто... обняла...
Дышит жаром... И на шее виснет...
«Не виновна я... Спаси, Булат...» —
говорит и сыплет слезы-бисер.

«Булатжан, спаси!..» — и молит взглядом.
Бьют слова по сердцу, точно пули.
Будто вдруг саврасый фыркнул рядом...
...И виденье словно ветром сдуло.

Дернул стражник за руку Булата,
«Время вышло!» — рывкнул, беспокоясь.
Сжала сына мать в своих объятьях:
«Сын... родной, пойду и я с тобою».

Уволок Булата стражник силой.
И в глазах у бедной помутило.
А Булат побрел, шатаясь, в камеру.
Бледный, слабый,

 все глядел на маму.

К риску герои готовы заранее...
Сердце стучит, как стучат копыта...

В полночь привстал он остороженько,
Подполз к воротам бесшумно, как ирбис.
Прыгнул и в горло задремавшего стражника
Вцепился крепко — попробуй вырвись...

Пальцы свои разжал он кое-как:
Лопнули у того на шее жилы.
Взял револьвер и ключи у покойника.
Вышел

и ворота снова закрыл он.

Заметили его на углах солдаты.
Пытались криком остановить вначале.
Потом открыли огонь по Булату.
Но пули мимо него жужжали.

Пригнувшись, бежал он со всех ног, —
Рад, что не могут укусить его пули.
И вот, скатившись в какой-то лог,
Он понял, что его смерть минула.

Чуть передохнув, пошел он по логу.
Сыплется пот со лба, словно град.
А когда далеко ушел от города, —
Глазам своим не поверил Булат.

Вдохнул он воздуха вольного снова!
В поле предрассветном стоит туманность.
На зеленую траву лег раскованно,
От жгучего горя рассеялся малость.

В тюрьме много сил потерял он.
И снова будто их брал у земли...
Звезды на небе, земля и травы
Говорили словно: «Булат, живи!..»

В это время появился впереди силуэт.
Вгляделся — по дороге пылит тарантас.
На нем человек.

Богато одет.

В сторону Булата едет как раз.

Потрогал в кармане Булат револьвер,
Прихваченный им у стражника покойного.
Вынул его из кармана теперь
И вышел навстречу тарантаса спокойно.

Лошадь проехала у ног его.
Путник молчал, как неживой.
Тогда Булат,
пропустив его мимо,
Сзади на подводе взорбался мигом.

Сначала вожжи в руки взял он.
И, тронув путника рукой, сказал:
«Кто ты, проснись!..»
И путник, вяло
Потягиваясь, лениво открыл глаза.

И как чужого на подводе узрел,
Так залепетал, напуганный очень:
«Кто ты?.. Слезай!..
Где ты сел?..
Слезь!.. что это за шутки ночью?..»

«Ты кто?» — взглянул Булат в упор.
— Я средний сын Кары. И звать Урак...
Булат нагнулся.
Как в ночи костер,
Глаза блеснули... «Ах, вот оно как!..»

— А меня не узнал? — спросил Булат.
— Нет.
Слезай же,
что за вздор...
У тебя какой-то недобрый взгляд...
Твой запах знаком мне...
ты просто вор...»

Итак, Булата Ураз не узнал.
«Не помнишь?..
Булат я.
Забываешь даже
И того, кого ты в тюрьму угнал?..
Ну, что «господин мой» еще прикажет?..

Попалея же ты, сукин сын!
С тех пор
Я столько ждал вот этого часа!..»
И выстрелил в сердце ему, в упор.
«Ах!» — вскрикнул Урак
и упал в тарантасе.

И когда выстрелом на миг ослепленный,
Стоял Булат и звенело в ушах,
И праведной пулею мести
сраженный,
Упал перед ним его подлый враг,

Ему полегчало, как после рвоты,
С плеч свалился тяжелый груз...
Легче дышать ему стало вроде...
И им овладела на минуту грусть...

Заметил, как тот все еще корчится.
Свалил с подводы тотчас ногою.
Что-то Булату глянуть хочется
На лошадь, которая все ржет беспокойно...

Подошел к ней и тихо:
«Кур-кур!» — позвал он.
И лишь за уздцы взялся рукою,
Заржала громко, будто узнала,
Она и ему показалась знакомой...

То был саврасый.
Замер малый,
Не веря глазам своим...
и долго
Глядел и щупал коня —
он самый!
«Друг мой!» — воскликнул он от восторга.

Обрезал гужи, к верховой сготовил.
Что надо в дорогу — собрал все.
Обхватил рукой за гриву шелковую
Стал целовать Булат саврасого.
— Друг мой,
тебя любил твой хозяин.

Из-за тебя он вынес немало:
В тюрьме клопов кормил твой хозяин.
На голой доске всю зиму лежал он.

Питался водой в беде твой хозяин.
И черного горя хлебнул немало.
Не нашел хороших людей твой хозяин.
О камень стены плач свой ломал он...

Жил, как пойманный зверь, твой хозяин.
Выйти из клетки он думал немало.
Бился в закрытую дверь твой хозяин,
За железной решеткой гремя кандалами.

Покинул этот вертеп твой хозяин.
Но этого разве для хозяина мало?..
И боль от кого терпел твой хозяин,
Чтоб он не ответил —

с ним не бывало...

Мой конь, мы свободны.
Но Алтын наша где?
Ведь она, как пленница, нас беспокоит,
И пока нас не трое — мы еще в беде.
И званья порядочного

мы не достойны...

Коли так, тебя я оседлаю, мой друг.
Ведь сердцу хочется возмездия полного...
Объедем с тобой хоть всю землю вокруг!..
Покажи, как на скачках

мчался ты вольно!»

Сказал и вскочил на коня он вдруг.
И конь рванул,

как ветер в порыве.
И встречный ветер бьет его в грудь.
И глотает Булат тот ветер живо.

Уже зарождалась рассвета краса...
И жаворонок песней встречал это утро.
С земли поднималась, испаряясь, роса,
И степь и город покрыв перламутром...

ТУЛПАР

Столетия —
Немая,
Столетия —
Глухая
Дремала
Равнина
От края
До края...
Дремали —
Средь пепельно-серых
Паров —
Застывшие
Волны
Песчаных
Бугров.
Дремали
Хребты,
Плоскогорья,
Увалы,
В туманы
Закутавшись,
Как в одеяла...
Их даже
Собаки
Чуждались...
В ночи,
Глумились
Над ними
Седые
Сычи...
Дичала и чахла.—

Удушливой
Пылью
Дышала
Равнина,
Все ниже
Клоня,—
В сознание
Бессилья,
В сознание
Кончины,
Печальную голову.
День ото дня...
Но вот —
Протянулась
В песчаные
Дали —
От края
До края —
Дорога
Из стали:
Как мощное
Сердце,
Забился
Турксиб,
Страхнули
Дремоту
Хребты
И увалы,
И там, где
Свинцовая
Мгла
Кочевала,
Где слышались
Только
Стенанья
Да хрип,
Да вопли:
«На помощь!»
Томиться —
Нет силы,
Железной рукой
Запустенье
Сдавило,—

Впервой
Загремела,
Сильна
И горда,
Симфония
Воли,
Упорства,
Труда.

О мой
Неустанный,
С костями —
Из стали,
С железною
Кожей,
С железным
Нутром, —
Ты пламенем
Пышешь
В просторы
И дали,
Подъемлешь
Копытами
Грохот и гром...
Восторгом
И гордостью
Сердце
Объято, —
В проворстве
Кому
Состязаться
С тобой?
Да множатся
Чаше
Твои
Жеребята,
Мой верный
Товарищ,
Мой конь
Вороной!
Кто слышал
Твой голос,
Как тихой

Равниной,
Гремя, пролетаешь
Сквозь ветер
И дым,
Тот скажет,
Что рев —
И тигриный,
И львиный —
Скуление
Щенка
По сравнению
С ним.

Как пуля визжа,
Он в просторы понесся,
Шарахнулись в диком
Смятение утесы,—
Холмы без оглядки
Помчались во мглу...
Подъемля копытами
Громы и гулы,
Горячечный, потный,
В победном пылу
Летел он вперед,
И ликуя, аулы
На топот и ржанье
Сбегались гурьбой.
Сбегались повитые
Паром озера,
Степные сверкающие
Кругозоры
В песчаных буграх,
Как застывший прибой,
В ложбинах, где ветер
Кочует, шатая
Гнездовья баялища
И бултдергая;
Хребты промелькнули —
Гора за горой,
Гранитных уступов
Причудливый строй,
В непамятном тумане
Над грудой груды —

Узбекским кофейником,
Шеей верблюда,
Девической грудью...
Ограды хребтов,
Чьи головы мраком
И стужей одеты,
Чьи ноги — в роскошном
Сиянии лета,
Хребтов, что от века
Громадами льдов
Окованы, словно
Бронею железной,
Хребтов, где повсюду
Обвалы да бездны...
В шесть дней и ночей
Пробежал, не забудь,
Мой верный тулпар
Шестимесячный путь.
Просторы и дали
От края до края
Будил, привечая,
Огромный, стальной,
И огненно-дымная,
С ветром играя,
Косматилась грива
Над потной спиной.

* * *

Три года
Прошло
С той поры,
Как просторы
От сна
Векового
Тулпар
Пробудил.
Уж много
Тулпаров:
Сквозь степи,
Сквозь горы
Они,
Громоухая,
Летят

Что есть сил.
У всех —
Одинаковы
Голос и тело,
Побежкой и мастью
Друг другу
Сродни.
За дело
Возьмутся —
И спорится
Дело;
Трудящихся
Гордость и радость
Они.
Одни
Расчищают
Дворы и дороги.
Другие
Нас поят и кормят.
Одни
Поводьями правят:
Сильны,
Быстроноги.
Другие
В просторы
И дали
Бегут...
В них
Тысячам
Отдых,
Тепло
И уют.
Неделями
И месяцами
Как дома,
С лишениями
Прежними в них
Незнакомы.
Нет нужды
Страшиться,
Что груз
На пути
Застрянет,

Как в старые
Годы бывало,
Не знает
Усталости
Конь мой удалый ---
Он в силах
И груз
И людей
Довезти.
Вовек
Не угнаться
За мной
И Тулпаром,
Ты — вихорь,
Округлым
Окутанный паром,
Мой конь!
Ты — величественный
Аргамак.
Когда ты степями
Сквозь ветер и мрак
Летишь,
Воспаленный,
Заливисто воя,
Мне кажется —
В небо
Я врос головою,
Звериная
Сила
В плечах
У меня.
Могу ли
Сказать я,
Что беден,
Имея
Такого, как ты,
Огневого
Коня?
Но будет
Тогда лишь
Богатство
Виднее,
Когда, мой Тулпар,

Жеребята твои
На «Красных Путиловцах»,
Как муравьи,
Плодиться начнут
День ото дня,
Год от году.
С тобой —
Забываем
Былые невзгоды.
Восторгом и гордостью
Сердце полно,
Далекие дали
Распахнуты взорам...
Лети ж,
Мой Тулпар,
По советским просторам,
Где много народов,
Но зная одно
Пусть пламенно
Реет, родной,
Над тобою!
В грядущее,
К социализму
Лети,
Стремление одно
Возвещая трубою,
Глухие края
Пробуждая в пути!

Тот день июльский начался грозой.
Нева была, как осенью, страшна.
Жгли молнии ее. Гремя и воя,
Вслед за одной другая шла волна.

Как будто гривы львиные метались,
Всклокоченные ветром добела.
Как будто змеи двигались — качались
Их длинные и круглые тела.

Они то набегали друг на друга
И в бездне исчезали, то опять
На серые граниты полукругом
В атаку шли — и вновь кидались вспять.

Такой был шум, что все перемешалось, —
И плач, и смех, чуть слышный стон и крик.
Которая из пенных волн смеялась
И плакала которая из них?!

С утра атаковали берег волны,
Крича «ура», до ночи рвались в бой.
Сильны, неустрашимы, непреклонны...
И люди вспоминали век былой:

*«Осада! Приступ! Злые волны.
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой.*

Сабит Муқанов с главным инженером Сталинградского тракторного завода
Степановым и академиком Лепешинской.

*Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!*

Народ

*Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! Все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?*

В тот грозный год

*Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел»¹.*

*Водою окруженный и ветрами,
Наш Ленинград — не Петербург былой:
Не тонет челн, как щепка, под волнами,
А ледакоя на них стоит скалой.*

*Его большое сердце громко бьется,
Его дыхание — огонь из труб.
Спина его под кладью не согнется,
Не сломится, кромсая льдину, зуб.*

*В наш дивный век средь диких львов природы
Есть львы стальные. Их не победить.
Спокоен ледакол, «Смиритесь, воды!
Безумные, не вам со мной шутить!»*

*Был ясный день, и люди долго-долго
Смотрели на Неву. Чудесный вид!
Их маленьких и тонких, как иголки,
Притягивал «Челюскин», как магнит.*

*Они всегда как будто были вместе,
И всем им было весело, легко.*

¹ А. С. Пушкин. «Медный всадник».

В сердцах их музыка рождала песни
И радость подымала высоко.

Сомкнулись вдруг колонны, стихло пенье,
Последний прокатился гул,
На темные гранитные ступени
Поднялся Шмидт и головой встряхнул.

И в этот миг еще спокойней стало
На набережной, залитой толпой.
— Товарищи! — сказал он.
И слово раскатилось над Невой.

Оно по бесконечному эфиру
В секунду облетело целый мир.
Прислушивались чутко люди мира,
Что скажет им полярный командир.

«Товарищи! Мы в путь уходим долгий,
Нелегко он — неведом и тернист.
Но знает мир, что трудные дороги
Одoleвать умеет коммунист.

Исследуя бескрайние просторы,
Сильней мы и отважней с каждым днем
Моря перелетаем мы и горы,
И ветер стал объезженным конем.

Земля была металлами богата,
Храня их с незапамятных времен.
И камень-вор, который прятал клады,
В песок и пыль был нами превращен.

Природа-мать скупее год от года,
Сама ни пить, ни есть не принесет.
И досыта из всех детей природы
Грудь матери лишь человек сосет.

Доступны нам вода и воздух синий,
Но дикие и страшные еще,
Они нас останавливают силой,
Отталкивают зло и горячо.

Мы плаваем в метелях и туманах.
Спускаемся на дно морей и рек.
Так просто с Ледовитым океаном
Еще не обращался человек.

Спит океан под толщью ледяною,
Он в Арктике зимует нежилой.
Он грозно просыпается весною,
Когда ему в оковах тяжело.

Приди к нему в такую непогоду —
Раздавит он движением одним.
В бездонную запеленает воду,
Накроет одеялом слюдяным.

Опасно плыть по шире океанной,
Что угрожает ночью нам и днем.
Но в Октябре с таким же океанным,
Отчаянным мы справились врагом.

Огромная — кругом леса да пашни,
Трава в степях, а в Заполярье лед —
Россия в прошлом шла по-черепашьи.
А как теперь Республика идет?

Она идет, все страны настигая,
Опережая их во всем.
И потому она теперь такая,
Что к коммунизму мы ее ведем.

Богатый сад растет на месте старом,
И каждый плод в нем солнцем напоен.
Плодами небывалыми недаром
Не только друг — и недруг удивлен.

Расправит мир большие плечи-горы,
Потом леса-ресницы разомкнет.
Глаза людей, как синие озера,
Увидят жизнь на сотни лет вперед.

В бою ли мы, за дружной ли работой,
Шестнадцать лет — идем или летим —
Всегда единоборствуем с природой
И за врагами пристально следим.

Мы первые ростки цветов весенних,
Мы искры загоревшейся зари.
И мы плывем сейчас на дальний север,
Чтоб к полюсу дорогу проторить».

На ледокол вернулся Шмидт.
И долог
Был миг прощанья.
А когда

Послышалось дыханье ледокола,
Как пулемета — та-та-та,
Напутствуя друзей перед отвалом,
Раздался марш на берегу. И вот
Прощальная сирена прозвучала,
Как бы команду подала: вперед!

2. Ледяные скалы

Спал океан на полюсе далеко
Под толщью ледяною плит и скал.
И с каждым вырывающимся вздохом
Окованную грудь приподымал.

Вдруг богатырское рванулось тело,
Оно хотело встать, но вновь легло.
Броня, его гнетущая, взлетела,
Сверкая, осыпаясь, как стекло.

И волны шли на ледяные кручи,
Как раньше в Ленинграде на гранит,
С волною хорошо знакомы тучи,
Прятели, ровесники они.

И, видя, как в разводьях пена бьется.
Передвигалась буря на весу:
«Зачем вверху ты радуешься, солнце,
Когда вода досадует внизу?»

И туча, приближаясь черной птицей,
Закрыла солнечные небеса.
(Так темные смежаются ресницы
И затмевают ясные глаза).

Дождь с высоты, а снизу волны били,
Ломали и раскалывали лед.
На нем ветра, ослабевая, плыли
И ливень унесли с собой — и вот

Достало небо вновь луну и звезды,
Надело черный бархатный халат.
Спал океан, светящийся, морозный,
Но спал не так, как ночь тому назад.

Он, зимнее сорвавши одеяло,
Лежал зеленый, тихий, молодой.
И только кое-где качались скалы,
Построенные ветром и волной.

Медведь еще боялся непогоды,
Тревожно завывал луне в упор.
И, как слепец, не различая броду,
Едва дошел до исполинских гор.

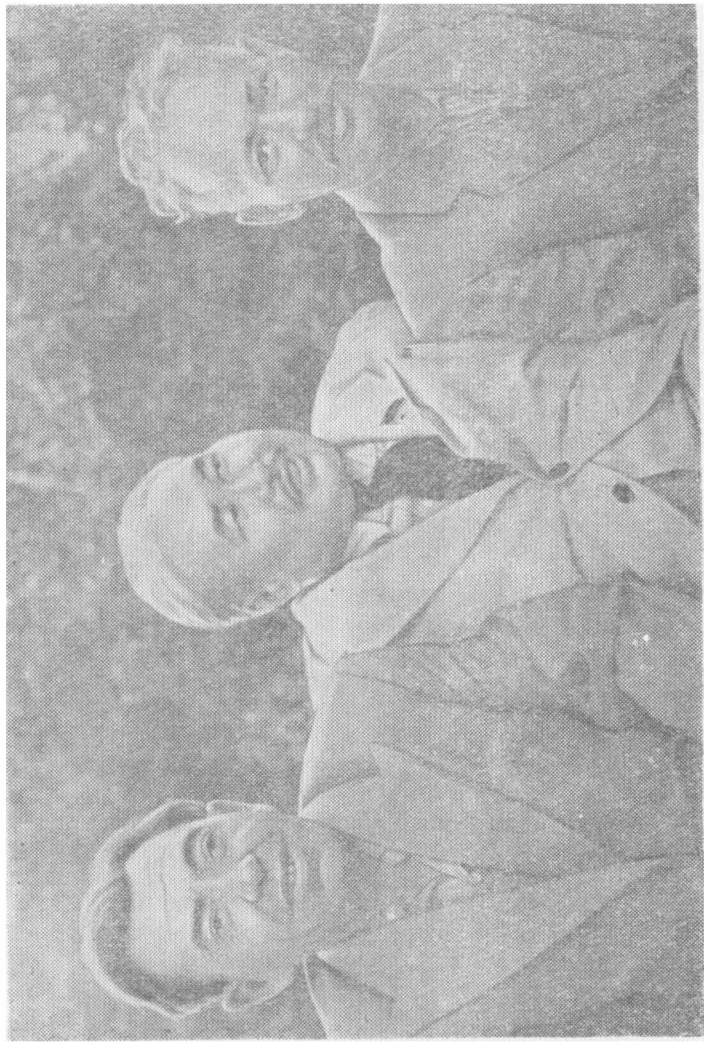
И там, где вечно снежные ухабы
До неба тянутся за валом вал,
Он приютился, сунул морду в лапы
И задремал...

На смерзшейся после дождя постели
Измученное тело не согреть.
И чувствуя, как лапы холодели,
Ворочался и ежился медведь.

А звездочки горели в отдаленье;
Светлы они, как самый светлый день.
И каждая как будто глаз тюлений,
А облако большое — сам тюлень.

«Сейчас бы мне туда подняться,
Тюленей дремлющих пугать,
Их шкуры жесткие и мясо
Когтями и зубами рвать.

А здесь — то холод донимает,
То снежный замедает вихрь.
Живешь, все время голодая,
Хотя сильнее всех живых.

Михаил Шолохов, Сабит Муқанов, Иван Шухов — 1954 год.

Хотел уйти на берег дальний
От бурь, от голода, от бед.
Что пользы от моих скитаний,
Когда конца скитаньям нет?»

В нетерпеливом ожиданье мяса
Задремывает Белый, прячась в снег.
И только ноздри теплые дымятся,
Как будто бы он курит в сладком сне.

Петух, заснув, гречиху видит, просо,
Лисица спит и видит петуха.
Во сне медведь, укрывшись от мороза,
Поднялся высоко за облака.

Там перед ним кишели звезды-рыбы,
Как желтый кит, луна плыла легко.
На облачные тающие глыбы
Взошел медведь, чтоб видеть далеко.

Все вкусное, живое
Съесть хотел он
И жадно собирал
Остаток сил.

Вот рыбину заметил он, чье тело
От долгой сытой жизни растолстело,
Во сне рванулся к ней —
И проглотил...

То ль на медведя кто-то рывкнул злобно,
То ль прошумел невидимый обвал?..
Услышал Белый голос чей-то, словно
Тяжелый гром над ним прогрохотал.

Ему здесь было все давно знакомо.
Откуда же, когда покой вокруг,
Проснувшийся, зевая от истомы,
Он слышит этот
Непривычный звук?

Чтоб дальше видеть
И острее слышать,
Проваливаясь в рыхлый талый снег.

Побрел он, торопясь,
Все выше, выше —
На самый верх!

В горах «Челюскин» плыл,
Рыча, как в гневе,
Он серый был
Средь белой пустоты.
Он быстро шел, направо и налево

Ломая и расталкивая льды.
И те, что над кормою возвышались,
Подрезанные, перед ней легли,
Они, как стадо белое, лежали
И ничего поделать не могли.

А ледокол, качаясь поминутно,
То вниз, то вверх, то снова вверх и вниз,
Казалось, пил сырую воду, будто
Густой и опьяняющий кумыс.

Он рокотал и ускорял движение.
И — опьяненный — песню пел гудок.
Труба курила; непроглядной тенью
Дым ветром относил на восток.

Он к солнцу подымался, и казалось,
Что вот сейчас затмит весь белый свет.
И с облаком земля соединялась,
Когда его она столбом касалась,
Окрашенным в багрово-красный цвет.

Медвежий взгляд был зол и беспокоен:
«Встречал я в море сильного кита,
Но я не знаю, чтобы головою
Он разбивал такие глыбы льда.
Киты сильны,
Но этот зверь сильнее.
И я силен,
А он еще сильнее...»

Огромная гора ввали синеет,
Как богатырь, «Челюскин» перед ней.

«...Как он шумит, когда вперед стремится.
Торосы разбивает и грызет.
На нем как будто что-то шевелится,
Он не детей ли на спине несет?..»

«Челюскин» прорывал заторы грудью.
Настойчивый свой замедляя бег.
Остановился. Маленькие люди
Сошли по трапу на слепящий снег.

Смотреть на них медведю любо было.
И, голодом давно уже томим,
Почуяв мясо, обо всем забыл он
И стал, спеша, с горы спускаться к ним

И видел Шмидт: бредет он, ковыляет,
По сторонам внимательно глядит;
Не думал Белый, что его поймают,
Уверенный, что он всех победит.

Стояли люди в шкурах, словно звери,
В морозном отраженные стекле.
Их силу глазом издавека мера,
Остановился Белый на скале.

Она была прямою и высокой,
Как будто дом из синих кирпичей.
Шмидт любовался им (а там, далеко —
Стоял медведь...)

— Стреляй, но не убей,
Живым возьмем...—

Товарищу сказал он,
И тот ружье нацелил... а потом,
Блеснувший искоркою желто-алой,
Короткий прокатился гром.

Медведь был в лапу ранен...
Боль и ярость...
И он упал...

Внизу, где льды лежат,
К нему навстречу руки подымались,
Они его хотели удержать!

В столицу, в Кремль, из края непогоды
Челюскинцы радиogramму шлют:

«13 февраля 1934 года
В 15 часов 30 минут
«Челюскин» затонул близь Уэллена.
Погиб завхоз. Живем на льдине. Шмидт».
И думал Шмидт, как выбраться из плена,
В своей стране любим и знаменит:

«Сегодня льдина стала нам жилищем,
А треснет — океан проглотит нас.
Кипит под нами он, и ветер свищет,
Они нам угрожают каждый час.

Немало в годы прежние героев
Взял голыми руками этот лед.
Теперь страна советская без боя
Товарищей своих не отдает.

Знал океан и «Ленина» и «Литке»,
«Малюгина» и «Красина». В те дни
Он в бурю их качал, как будто зыбки,
Но шли как победители они.

Узнают партия, друзья, родные
О гибели «Челюскина», о том,
Что, кроме одного, мы все — живые,
Неравный бой с опасностью ведем,

Как в тот же день, успев лишь снарядиться,
Летавшие, ходившие сюда,
На крайний север, с быстротою птицы
Помчатся самолеты и суда.

И чукчи сядут в маленькие сани,
Чтоб вырвать нас из края непогод...
Мы проживем недолго в океане,
Но символом геройства вечно станет
«Челюскина» полярный переход.

Погибнет ли, на поле боя ранен,
Наш ледокол, что будет жить в преданье,
Иль стратостат на землю упадет,—
Печальные, мы всем спокойно скажем.

Что техника немного отстаёт,
Но впереди нее упорство наше,
И вот оно опять —
В поход! В полет!

Авария нас победить не может.
Понятно всем, что в наш советский век
Природа — это пойманная лошадь,
Природа — раб. Хозяин — человек...»

Переступая за пороги трещин,
Проходит по равнине снеговой
Наш смелый Шмидт — прямой, широкоплечий.
Большой, чернобородый, меховой.

Морозный норд по Заполярью рыщет.
Блестит скала. Алеет флаг над ней.
Здесь самое опасное жилище
Спокойных и уверенных людей.

Они ждут самолета. Есть надежда.
В их жизни все возможно, как во сне.
Их черные звериные одежды
Издали заметны в белизне.

Полярный табор. Зимняя деревня.
Палатки, как избушки, встали в ряд.
И скалы, будто снежные деревья,
Закутанные инеем, стоят.

Здесь при дневном
Коротком полусвете
Пустынно, одиноко,
Как в степи...

Шмидт подошел
К знакомому медведю,
Сидевшему на льдине
На цепи —

И улыбнулся.
Встал медведь.
Хотел он,
Рыча от злости,

Лапой белой
Ударить Шмидта,
Но ударил
Лед.

И цепь впиалась
В его большое тело,
Устал медведь,
Закрыв глаза и лег.

«Живу я здесь, хожу по кругу,
Уйти домой мне не дают.
А дни проходят друг за другом,
И жизнь мою они крадут.

Как я скользил с крутой вершины
И как упал я — не понять.
Враги на рыхлом дне лощины
Связали сразу же меня.

И лапа разболелась очень.
Что это случилось со мной?
Очнулся я, наверно, ночью
В пещере теплой и сырой.

Сон — хитрый враг, он успокоил,
Но мой обидчик не забыт.
Проснулся я — передо мною
Большой двуногий зверь стоит.

Стоит посреди дороги,
Как я, мохнат, велик, тяжел.—
Он грозен был. А я? В тревоге...
Я... отступил — и он ушел.

С тех пор который день уж прожит...
Я много ем и долго сплю.
Свобода мне всего дороже,
Но мясо я всегда люблю.

Гляжу по сторонам угрюмо.
Меня во сне и наяву
Одна лишь беспокоит дума:
Я побежден, а все живу!

Когда-то здесь, на белом поле,
Сам покорял я всех живых,
Но никогда еще в неволе
Не оставлял так долго их.

Зачем недавно в непогоду
Тот очень страшный, огневой,
Бессильно опустился в воду,
А я опять — в снегах — живой.

Я побежден, к цепи прикован.
И думаю за часом час —
Иль будет хорошо мне снова,
Иль будет хуже, чем сейчас.

Уже совсем смеркалось. Ночь глухая
Над лагерем была темна, грозна.
И вдруг лучи сверкнули, полыхая,
Даль неба разжигая докрасна.

Сияли стрелы света, с облаками
Соединясь и превратясь в шары,
Сплошной огонь над мерзлыми холмами,
Они ж совсем не чувствуют жары.

То в стороны сверкнув, то возвышаясь,
Волнуется сиянья пелена.
И в самом центре самая большая
Далекая звезда прикреплена.

Трепещет, словно ручейки в долинах,
Волнуется гирлянда огоньков,
То распушится, словно хвост павлина,
То улыбнется, как букет цветов.

И сразу все — шары, зигзаги, звенья,
Свет сотен тысяч разноцветных ламп,—
Все это многоцветное волненье
Внезапно раскололось пополам.

Казалось, кто-то, эту силу сдвинув,
Так, что далеко раскатился гул,
Как будто птичьих два крыла раскинул,
Как две полы халата распахнул.

И снова трепетали птичьи перья,
Цветы, ручьи — и все как будто сон.
Двумя кусками шелковой матерьи
Овеян был полярный горизонт.

Челюскинцев,
Завороженных светом,
Сияньем горизонта,
Блеском льда —
«Сюда,
Ко мне!»
Как бы звала вся эта
Огромная живая красота.

4. Медведь на небе

Полярными морозными ночами
На небе, как на море, ледостав,
Но самолет плывет меж облаками,
Незыблемые крылья распластав.

Ему, как снег, сверкая,
Звезды светят.
И с быстротою
Падающих звезд

Торопится к Москве он.
Мерзлый ветер
С размаха в крылья хлещет,
В лоб и хвост,

Чтоб сбить стремительность его напора,
Чтоб измотать его избыток сил,
Чтоб в поединке сдачи дать мотору,
Который Круг Полярный разбудил.

Но самолет, как воду, режет воздух,
Опережает облака в пути.

Ему кругом подмигивают звезды,
Как будто бы зовут к себе: «Лети.»

И авиатор вдаль вперяет строгий,
Бессонный взгляд. И все — вперед, вперед.
Пусть не с кем говорить ему в дороге,—
Он песню сочиняет и поет:

«Ты хочешь, небо, чтоб метелью
На землю сбросило меня.
Мне двадцать пять. Далекой цели
Достигну я к исходу дня.

Я не боюсь сопротивленья
Небесных вьюг. Пусть крутят, пусть.
Я в центре звездного круженья
И сам, как звездочка, кружусь.

Как только родина узнала,
Что смерть полярникам грозит,
«Лети!» — мне партия сказала,
И весь народ сказал: «Спаси!»

Я, не замедлив, на рассвете
Поднялся в небывалый путь.
Крепчал над океаном ветер,
Чтоб мой корабль назад вернуть.

Когда по всем морям и странам
Над сушей и над бездной вод
Гремели громы урагана
И дождь с него стекал, как пот,

Тогда весь мир узнал о том, как
Из плена холода и тьмы
Челюскинцев со льдины ломкой
На землю вывозили мы.

Беснует ветер на морозе,
Как дикий конь под седоком.
Я оседлал тебя. Не сбросишь
Меня ты никаким рывком.

Мы зверя укрощать умеем.
Но-о-о, ветер мой! Иль ты устал?
Неси быстрее, чтоб я скорее
Москве медведя показал.

Мчусь, будто вихрь, я в снежном поле,
Средь звезд — зажженных ночью вех.
И вспоминается: давно ли
Летал на черте человек?

И на степной — какое диво! —
Казахской птице Самруке?
Давно ль еще метла из ивы
Служила бабушке-яге?

И уж не в сказке-небылице,
На самолете — видит мир! —
Парю на самой смелой птице
Я — всем стихиям командир.

Но-о-о, ветер мой! В просторах рея,
Неси меня. Иль слаб ты стал?
Неси быстрее, чтобы в Москве я
Друзей на празднике застал».

Лицо его, спокойное, простое,
Оно не дрогнет и перед бедой.
Как только поглядишь в лицо героя,
С улыбкою ты скажешь: «Да. Герой».

Медведь за ним
Сверкает мехом белым.
И так же летчик,
В шкуре сидя, бел.

Посмотрит он на зверя —
Тот несмело
Глаза откроет, ждет:
«Зачем смотрел?»

Но он теперь не сердится, не хочет
Сбежать в свои холодные края.
Лежит медведь, ему и страшно очень
И весело: «Вот чудо! В небе я!

Двуногие меня зовут с собою
За горы, за моря, за облака.
Лишившийся свободы и покоя,
Боролся б я, но воля их крепка.

Где океан —
Тюлени, рыбы стаи?
Где он сейчас,
Кормилец мой и друг?

Ведь до сих пор
В ушах не умолкает —
Та-та, та-та —
Меня спугнувший звук.

Когда тонул тот зверь, что с тем же шумом,
Неведом никому, пришел сюда,
Не будет больше этот звук, я думал,
Медведей беспокоить никогда.

Но скоро я такой же гром услышал,
Он был сильнее, чем самый страшный вихрь.
Летела в небе птица — дальше, выше...
Ни разу я не видел птиц таких.

Она гудела, мой приют встревожив,
На лед упала, крылья не сложив.
И тех, кто подходил к ней осторожно,
Глотала так, что подавиться можно...
И я был съеден, но остался жив.

Куда она несет меня? Туда ли,
Где облачный бездонный океан,
Где рыбами мне звезды показались
И кит-луна плыла через туман?

Когда б здесь в самом деле настоящий
Был океан, увиденный во сне,
То кит-луну и рыб, во мгле блестящих,
Я съел бы все, о чем мечталось мне...»

Спят небеса, уставшие от зноя
Большого дня. Темно. Не спит медведь.
Корабль воздушный кружит над Москвою
И вдаль не собирается лететь.

Москва моя! Свобода!
Ночью летней,
Когда на склонах мира
Даль темна,—

Ты, как в степи
Джигит двадцатилетний,
В светящийся халат
Наряжена.

Ты расцвела
От края и до края
Огней цветами —
Тысячью сердец
Садов своих и парков!

Ты играешь,
Веселая
И звонкая,
Ночная!

И каждый житель,
Сам того не зная,
Творец веселья,
Радости творец!

А над стеной Кремля,
Под облаками —
Пылает ярче
Всех огней земли

Наполненное
Красным светом знамя,
Как солнце,
Восходящее вдали.

Живет Москва,
Знакомая пилоту,
А белому медведю
Сквозь туман

С высокого
Ночного самолета

Представилось,
Что это океан.

«Смотрю кругом --
И только звезды.
Странно.
Внизу, вверху —
Везде я вижу их.

Где океан?
Ни рыб, ни океана...
Зато как много
Черных великанов,
И сколько глаз
Сверлят меня больших.

Где океан,
И что такое это
Огромное
И красное пятно?

Смеркается.
И вот уже ни света,
Ни проблеска,
В глазах совсем темно.

А то пятно,
Что надо мною
Алело в темени
Ночной,

Как будто
Вскинуто волною,
Как солнце
Всходит надо мной...»

5. В зоопарке

Прекрасен май, раскинувшийся в травах,
Меж яркими цветами и водой.
Он дремлет, шелковистый и кудрявый,
В бубенчики и кольца завитой.

Блестят цветы, земля в зеленой тине,
Деревья оперяются уже.
Все любят май, но жившему на льдине
Такая красота не по душе.

Ворочается в клетке пленник белый,
Когда весь парк московский крепко спит.
Тоскующий, больной, оторопелый,
Он хочет дверь железную разбить.

Невдалеке, прильнув к решетке мордой,
Лежит другой медведь — он бур и лыс.
К нему подходит Белый, лапой твердой
Его трясет и говорит: «Проснись.»

И Бурый, рассердившись на соседа,
Зевнул и встал. Обоим скучно им.
Сойдясь, они у ненавистных сеток.
Рыча, стоят один перед другим.

Оскалены их зубы, морды хмуры,
Напряжены их грузные тела.
На Белого хотел рвануться Бурый —
Решетка разбежаться не дала.

Б у р ы й

Ты разбудил меня, пришелец дикий,
Когда бы я еще мог спать и спать.
Ни силы не помогут здесь, ни крики,
Чтобы такую клетку разломать.

Б е л ы й

А ну, скажи, кто здесь меня сильнее?

Б у р ы й

Вот слон там ходит. Нос висит трубой,
Он только лапой шевельнет свосю —
Раздавит разом. А вот зверь другой:
Рожден в краю он нестерпимо жарком.
Рычит он. Грива — языки огня.
А длинный хвост его — прямой, как палка.
Лев — за решеткой, но страшит меня,
А вот, смотри-ка: ожидая мяса,

По клетке носится, как желтый вихрь;
Такой же, как и лев,— сильнее нас он.
Хоть ростом мы равны с ним. Это — тигр.
Лукавый он и очень ловкий, быстрый:
Рвет на клочки того, кого настиг,
И раненный грохочущею искрой,
Он не умрет, пока не отомстит.

Белый

Ты повторяешь мне одно и то же,
Меня ж не запугаешь все равно.
Ведь если тигр не отомстить не может,
Отсюда убежал бы он давно.

Бурый

А разве ты не знаешь человека?

Белый

Какой же зверь у вас зовется так?

Бурый

А тот, с которым ты сюда приехал,
Который победил тебя во льдах.

Белый

Двуногий?

Бурый

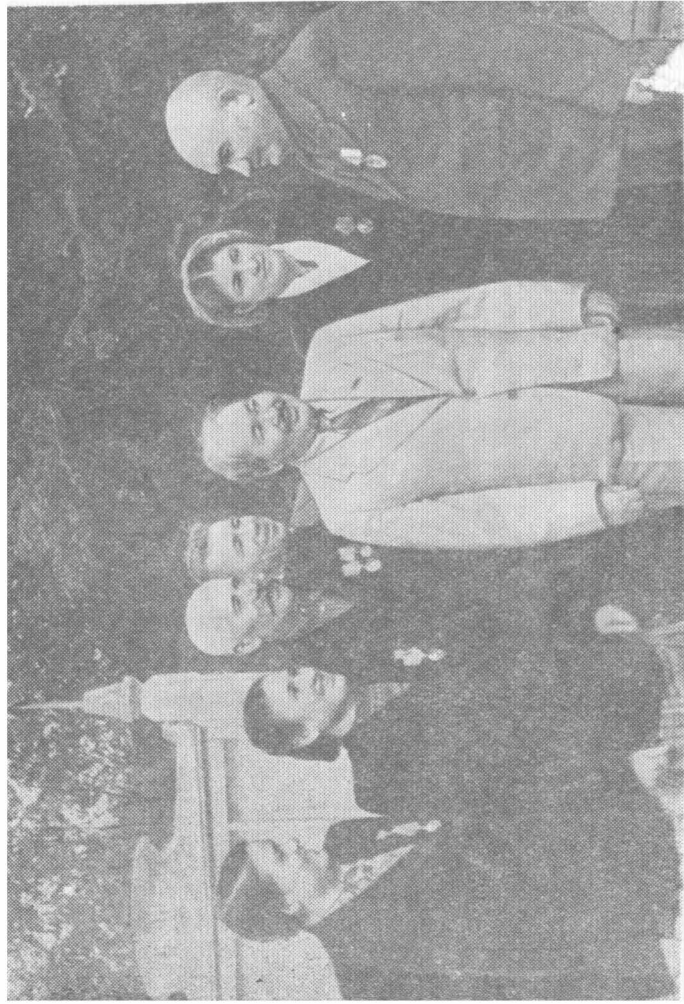
Да. Он — человек. Хватило
Твоих силенок с ним сразиться?

Белый

Нет.

Бурый

Так знай: он всех нас покоряет силой,
Его все звери, птицы, целый свет.
И много нас, и так несхожи мы,
И всем нам имена даны людьми.
А я средь них уже так долго жил,
Что даже все на память изучил.
Вот видишь там — изогнутая шея
И острый горб верблюда... Человек

Сабит Муканов в гостях у Героев Социалистического Труда колхоза им. Буден Белозерского района, Одесской области.

Доволен тем, кто, воли не жалея,
Нагружен кладью, ходит целый век.

Белый

Рассказывай теперь о ваших птицах.
Так много их, а кто они, как звать?

Бурый

Смотри туда. Вот беркут в клетке злится,
Что никого в ней нет, чтобы поймать.
Лису он видит — есть здесь и такая
Красавица средь ~~не~~больших зверьков.
Будь он на воле, — с неба опускаясь,
Когтями бы ее — и был таков.
Вот молчаливый коршун в синих перьях.
Он невелик, а зол и грозен как!
Он птичий враг, терзает, словно зверь, их,
С добычею скрываясь в облаках.

Белый

А тот, что всех мне показался краше?

Бурый

Павлин. Он видом удивляет свет,
Но про него, как про других, не скажешь, —
Нет ни когтей, ни быстрых крыльев нет.

Белый

А маленький, сидящий там, на ветке?

Бурый

То соловей. Хотя он слаб и мал,
Зато поет всех лучше, даже в клетке,
Жаль, что его еще ты не слышал.

Белый

Да, не слышал, но я и так поверю.
Ты Расскажи мне лучше вот о чем:
Ты смирным стал, ты не похож на зверя,
Как был ты в клетку эту заключен?

И долго Бурый объяснял соседу,
Кто мать его и где родился он,

Как был сюда из цирка привезен.
Давно когда-то был медвежья эта
Уже была рассказана поэтом.
Хочу я передать ее суметь,
Дополнив тем,
Что о себе
Сказал медведь.

«До неба поднимаются Балканы,
Их камни вековые и пески.
С любовью этих грозных великанов
Журчащие целуют родники.

Есть между гор цветущая долина
И городок, а в городке — базар,
Красавицы идут чредою длинной
Купить обвороживший их товар.

А на базаре музыкой и шумом
Беспечная толпа оглушена.
С утра там пляшут Атта Тролль и Мумма —
Медведь-невольник и его жена.

Поводырю собирая деньги пляской,
Они враждебно смотрят на людей.
Медведи вспоминают, словно сказку:
Пещеру... сад зеленый... и детей...

.
Однажды на базаре все смешалось.
Ужасный крик! Невероятный стон!
Толпа вся, как от смерти, разбежалась,
Открыв дорогу Атта Троллю. Он

В лес устремился, заревев от боли,
Он цепь порвал, чтобы не быть рабом.
Но он не успокоился — в неволе
Осталась Мумма на базаре том.

Своих детей в лесу нашедший вскоре,
Он целовал их, плакал и рычал.
Рыдания его большого горя
Лес громким эхом долго повторял.

«Ах, Мумма, Мумма!
К нам придешь когда ж ты?
Как долго быть тебе еще в плену?
Когда, чтоб утолить слепую жажду
Своей любви, я вновь к тебе прильну?!

Я сладкую твою забуду ль морду,
Могу ли я не слышать голос твой?
В лесу есть тысячи красавиц гордых,
Но разве есть сравнимая с тобой!

В руках врага осталась ты, страдая,
И он тебе свободы не отдаст.
Немилосердна та рука, я знаю,—
Которая тебя взяла от нас...»¹

Б у р ы й

И вот послушай ты, пришелец Белый,
Послушай же, как дальше было дело:
Жил Атта Тролль с детьми; лежал угрюмый;
О милой Мумме думал все грустней.
И вдруг услышал, будто плачет Мумма;
Не вытерпев, пошел на голос к ней
И был убит охотником, который
Манил его к себе...

Б е л ы й

Хитрец какой!

Б у р ы й

Убив отца и покидая горы,
Всех медвежат охотник взял с собой.
И каждый день на рынках в бубен бил он,
Чтобы толпа довольна им была,
С ним мать моя на привязи ходила
И четверых в неволе родила...
Меня, бывало, наряжали в платье,
Как человека. Знал я много игр.
Слова людей мог про себя ворчать я.
Был отдан в круглый, словно небо, цирк.

¹ Г. Гейне. Атта Тролль.

Белый

С кем в нем играл ты?

Бурый

С лающей собакой,
С рычащим тигром, с И-го-го конем.
Был этот цирк чуть меньше зоопарка,—
По вечерам полно народу в нем.
А как сердит был наш хозяин толстый!
Его мы не любили всей душой.
Он больно бил, но кроме плетки острой,
Был у него еще оркестр большой.
Я ничего не знал его чудесней!
Всесилен человек, что ни толкуй:
Поет слова — и называет песней,
Поет без слов — и называет: кюй.
Такие есть прекраснейшие кюи,
Что даже зверь поймет, о чем он пел.
Однажды я, под музыку тоскуя,
Лез по шесту... земедлил... ослабел...
Оркестр, чтоб удержать меня высоко,
Прелестный кюй послал на самый верх,
Все ж я упал и был разбит жестоко,
И с той поры здесь доживаю век.

Белый

Скажи, как долго буду жить я в страхе
Перед жарою? Мне бы в океан!

Бурый

А здесь совсем не жарко. Правда, всякий
В восторге от своих родимых стран.
Об океане слышал я и знаю,
Что не привыкнуть было б к вашим льдам.
Была и здесь зима — такая ж злая,
И вот — весна, которой нету там.
Ах, как она прекрасна! Я не скрою —
Не рассказать мне, что такое май.
Ты соловья послушай, он весною,
Я в цирке от людей слышал порою:
Средь птиц — поэт, остряк и краснобай.

Шлю маю тысячу приветов...
Любимый май! Ты к нам пришел,
Как будто юноша, одетый
В цветастый шелковистый шелк.

Держа в руках цветов охапки,
Среди лесов, среди лугов.
Стоишь ты в солнце, словно в шапке
С пером из легких облаков.

И чья душа не загорится
При виде пира твоего?
Все звери мира и все птицы,
Все насекомые его

Тебе слагают гимны... Здравствуй!
Добро пожаловать, наш май!
Живущий вечно, жизни счастья
Нам продолжай и прибавляй...

Прекрасен май, раскинувшийся в травах,
Меж яркими цветами и водой.
Он дремлет, шелковистый и кудрявый,
В бубенчики и кольца завитой.

Но вот проснулся он. У края ночи
Встает заря — и птицы вдалеке
Над озером светящимся бормочут,
Кричат на непонятном языке.

Но громче птиц весенних и трамваев,
Гремящих и звенящих на ходу,
Оркестров звон и песни в утро мая,
Бывавшее только раз в году.

На миг аэропланы песню глушат,
Их множество — не десять и не сто.
На небе — победители, на суше
Весеннее справляют торжество.

Идут войска — солдаты, командиры,
Вся жизнь страны выходит на парад.

Она приковывает зрение мира,
О ней все страны света говорят.

И крепнет жизнь — ясна, как полдень в мае,
Аэропланы устремив в зенит.
Она свои знамена подымает,
И льдины пароходами ломает,
И праздничными маршами звенит.

Медведь, желая спрятаться от гула,
Пошел в бассейн, блестящий, как слюда.
И там ему неожиданно распахнула
Объятия красавица-вода.

Доволен он — нырнул и фыркнул громко;
Боясь, чтоб он не задохнулся вдруг,
Вода ему оставила воронки
И кольца, бунтовавшие вокруг.

Медведь стоял на дне, и выдох резкий
Буравил воду, яркую, как шелк.
Счастлив медведь, что убежал из клетки,
Что океан здесь маленький нашел.

Он долго был в бассейне. Минул полдень.
Уж запад разгорался, желт и ал.
А парк шумел, народом переполнен,
С парада возвратясь, народ гулял.

Устал ли Белый иль со дна заметил,
Что есть несут,— поднялся из воды.
И встал на берегу, как месяц светел,
Средь каменной песчаной пустоты.

И слушал, не притрагиваясь к пище,
Как вечером Москва вокруг шумит.
Когда ж увидел, что к его жилищу
Идет чернобородый Шмидт,

То сам пошел к нему по плитам серым,
О страхе позабыв, красив и смел,
И лапу протянул из-за барьера,
Как будто поздороваться хотел.

Думаю, что если бы в нашей стране не свершилась Октябрьская социалистическая революция, я стал бы не писателем, а акыном — представителем устного народного творчества.

Родился в 1900 году в далеком полукочевом ауле Пресновского района, Северо-Казахстанской области, в семье батрака. Отец мой Мукан был неграмотным, забитым человеком. Умер он в глубокой нужде в 1906 году 55 лет от роду. В следующем году умерла моя мать Балсары. За 49 лет своей жизни она не видела ничего, кроме горя. У моих родителей было тринадцать дочерей, многие из них умерли в раннем детстве, а те, которые достигли совершеннолетия, были проданы за калым и стали рабынями очага. Я, единственный мальчик у родителей, был их предпоследним ребенком. Оставшись круглым сиротой, я с семилетнего возраста начал самостоятельную трудовую жизнь, выполнял разную физическую работу.

Не знаю, был ли я грамотным до революции. Хочу объяснить смысл этих кажущихся на первый взгляд странными слов. Когда мне исполнилось восемь лет, брат моего отца Мустафа, человек бедный, больной и набожный, отдал меня в обучение к аульному мулле. Это был странный мулла. Он обучал детей аула более сорока лет, но сам, умея читать тексты религиозных книг, до конца жизни не умел расписаться, и я вышел из его школы таким же полуграмотным, как он. Однако «школа» все же послужила мне на пользу: благодаря ей я свободно читал книги, особенно на казахском языке, и это помогло мне широко познакомиться с казахским фольклором, с произведениями классика казахской письменной литературы Абая Кунанбаева и других писателей. Многие из казахского фольклора и из произведений различных поэтов я зазубрил, и это послужило мне средством к существованию. Когда в ауле проходило какое-нибудь торжество, в числе прочих певцов и рассказчиков выступал и я. Бывали вечера, когда в подражание

старшим певцам, аккомпанируя на домбре, я исполнял какую-нибудь хиссу — сюжетную народную поэму — всю ночь, иной раз с продолжением на следующий день. Хозяин торжества щедро кормил меня за это, а другие слушатели давали копейки, которых хватало до следующих торжеств. Таким «промыслом» я занимался с восьми лет почти до революции.

Хорошо помню тот момент, когда мне вздумалось сочинить собственные стихи. Мне шел двенадцатый год. Как-то я поссорился с моим дядей Мустафой и в бурную ночь убежал из его дома. Аул наш был до крыш занесен сугробами снега. Направляясь к дому одного из моих родственников, я заблудился и не знал, куда иду. Одет я был очень плохо. Спотыкаясь на каждом шагу, теряя силы, я неожиданно оказался на кладбище нашего аула и нашел защиту от ветра и снега в одном из надмогильных сооружений. Немного согревшись, я начал устно слагать песню о своей горькой доле. Сложенную песню я запомнил надолго. Не знаю, складна ли она была, но знаю, что не раз она заставляла плакать некоторых моих сердобольных слушателей.

С этой песни началась моя творческая деятельность. В юношеские годы я увлекался традиционным казахским устным песнетворчеством, так называемыми «айтысами» — состязаниями. В прошлом, когда казахи были сплошь неграмотными, одаренные от природы люди достигали такого совершенства в устном народном песнетворчестве, что сочинять любого размера песнь на любую тему, при любой аудитории для них не представляло никаких трудностей. Такие творцы-импровизаторы часто состязались публично, и это называлось у казахов «айтысом», буквально это слово означает — «пререкание». Самыми крупными представителями такого жанра в наше время были Джамбул и Нурпеис Байганин.

Мусульманское образование в казахскую степь начало проникать с середины XVIII века, и с этого времени отдельные казахские акыны начали записывать свои песни на бумаге арабским шрифтом.

В начале XIX века в казахском фольклоре широко культивировались и айтысы в письменной форме, то есть стихотворные переписки. Я не умел писать, и поэтому сочиненные мной песни записывал на бумагу кто-нибудь из моих друзей. Так я участвовал в письменных айтысах с 1915 по 1918 годы. Песни этого времени были бытового и любовного содержания.

Научился писать я лишь в 1918 году, после того как организовались первые казахские национальные школы (мектебы) в аулах. Мой первый учитель Хамит Махмудов, родной брат известного казахского современного писателя Габита Мусрепова, жив и

здоров по сей день, награжден орденом Ленина, и, несмотря на свой преклонный возраст, преподает в аульной начальной школе.

У Махмудова я научился правильно писать по-казахски, изучил четыре действия арифметики. Тут же я, конечно, начал записывать свои стихи. Большинство моих стихов того времени, посвященных тяжелой жизни казахских бедняков и женщин, были описательного характера. Я не умел тогда делать выводов из виденного. На это не хватало моих знаний.

Узнав из газет, что в Омске осенью 1918 года открываются двухгодичные учительские курсы на казахском языке, я отправился туда. Учиться пришлось в крайне тяжелых условиях: колчаковцы не выплачивали курсантам обещанной стипендии, и мне, не имевшему средств к существованию, приходилось зарабатывать себе кусок хлеба разной поденной работой. Через пять месяцев курсы закрылись, и курсанты разъехались. Из Омска я увез не только знания, полученные на курсах, но и то, что называется духом революции. Там я случайно встретился с моим земляком Жумабаем Нуркином, народным учителем, большевиком, за свои убеждения он сидел в тюрьме. От него впервые по-настоящему узнал, кто такие большевики, что такое колчаковщина и казахская контрреволюционная партия алаш-орда. Нуркин также сообщил мне, что с ним вместе был арестован первый казахский поэт-революционер Сакен Сейфуллин и что они вместе с другими большевиками подвергались нечеловеческим пыткам в колчаковском застенке.

Красную армию я встретил осенью 1919 года в одном из аулов бывшего Петропавловского уезда, Акмолинской губернии. Вскоре в Петропавловске было созвано уездное совещание сельских учителей и аульных мугалимов, и мне пришлось быть участником этого совещания. Оно еще шире открыло мне глаза на Октябрьскую революцию. На вечере, устроенном для участников совещания, я читал свое стихотворение «Свобода». Это было начало моей работы в советской поэзии. Но этого было мало. Чтобы еще полнее выразить свою любовь к Октябрю, я тут же подал заявление в уездный комитет партии с просьбой принять меня в ряды РКП(б) хотя бы в качестве сочувствующего. Просьба моя была удовлетворена. С этого началась моя партийная деятельность.

Передо мною встал выбор: пойти учителем в открывающиеся аульные школы или принять участие в политической и хозяйственной жизни страны. Оба дела были крайне важны, но я, взвесив мои знания и возможности, решил пока идти на хозяйственный фронт. Я был назначен начальником одного из продовольственных отрядов и, получив форму бойца, винтовку, револьвер и ручные

бомбы, накинув на плечо патронташ, повязав на черную папаху красную ленту, выехал в волости. Кроме сборов продовольствия, мандатом в аршин длиною, состоявшем из 37 пунктов, подписанным секретарем укома партии, председателем уревкома и комиссаром укомпрода, мне было предписано организовать на местах партакчейки, потребительские общества, комитеты бедноты, смещать не соответствующих своему назначению председателей местных ревкомов, грамчека и т. д. В одном из последних пунктов было написано: «в случае крайней необходимости — расстрелять»

Около полутора лет я действовал на местах с этим широким, в буквальном смысле этого слова, мандатом. Этот период моей работы завершился в феврале 1921 года, когда под руководством скрывающихся белоофицеров и генералов кулаки и бан подняли восстание против советской власти, охватившее 16 окружающих уездов. Подавление этого восстания стоило большой крови. Отряд ЧОН, в котором я был рядовым, потерял многих бойцов. В числе их один из основоположников казахской советской литературы большевик Баймагамбет Этулин (1899—1921). Ряд стихов, пьесу «Дни борьбы», вторую книгу автобиографического романа «Школа жизни» я посвятил событиям тех лет.

Через год после ликвидации бандитизма Акмолинский губком РКП(б) постановил: «Ввиду недостатка знаний члена РКП(б), инструктора губкома РКП(б) товарища Муканова С. М. послать на учебу в Оренбургский рабфак». Я мог бы не поступить в это учебное заведение, если бы мне не помогли два товарища Абдолла Асылбеков — старый большевик, активный участник октябрьских боев, один из начальников крупного соединения партизанских отрядов в Сибири, работавший в год моего вступления в партию секретарем Киргизского (Казахского) обкома РКП(б), и поэт Сакен Сейфуллин, работавший в то время председателем Совнаркома Киргизской (Казахской) АССР. На экзамене в рабфак я было провалился, потому что крайне плохо знал русский язык, на котором нас экзаменовали. Асылбеков и Сейфуллин помогли мне сдать экзамены на казахском языке.

За четыре года учебы я получил среднее образование, впервые познакомился с русской литературой. Мог бы освоить этот предмет основательнее, если бы наш преподаватель русского языка и литературы русский немец Карл Карлович Безин был свободен от левых взглядов пролеткультовца. Он, например, изучение правил грамматики почитал за формализм. Но русская поговорка «нет худа без добра» весьма приложима к нему. Безин был поклонником Горького и Маяковского и часто на уроках вместо грамматики читал их революционные стихи и рассказы. Мне особенно понра-

вились босяцкие рассказы Горького. Маяковского я тогда понимал плохо, но зато очень хорошо понял его, когда в конце 1924 года в Москве слушал самого поэта на литературном вечере в зале Политехнического музея. С тех пор я с огромной любовью читаю любое его произведение и думаю, что как выразитель передовых идей своего времени, воплощенных в художественную форму, Маяковский не имеет себе равных.

Безин любил и Пушкина, любил декламировать его стихи, особенно «Деревню», «К Чаадаеву» и др. Странно было то, что, слабо зная русский язык, я почему-то хорошо понимал содержание всех пушкинских произведений, особенно его прозу. Секрет этого кроется, видимо, в ясности действия и характеров действующих лиц, в красоте языка, в простоте.

В рабфаке я писал много стихов, поэм и статей, как говорится, на злобу дня. Пытался издать их, наталкивался на препятствия со стороны буржуазных националистов. Кончилось тем, что в конце 1924 года я поехал в Москву, где видел Маяковского и беседовал с ним, был в ЦК РКП(б), добился приема у товарища Сталина. После полуторачасовой беседы он дал указание Московскому Госиздату выпустить мои избранные стихи.

После рабфака партийные органы послали меня на работу в советскую печать. Вначале я исполнял должность ответственного секретаря газеты «Бостандык туу» — органа Акмолинского губкома ВКП(б). Именно работая в газете, я выявил здравствующих ныне известных казахских поэтов Жакана Сыздыкова и Галима Малдыбаева. Первый был тогда агентом финансовых органов в аулах, второй — слушателем губернской советско-партийной школы. Систематически печатал в газете и свои стихи.

В 1927 году я был переведен в Кзыл-Орду, в тогдашнюю столицу советского Казахстана, и назначен главным редактором Казахского издательства. Одновременно мне было поручено заведывать партийным отделом руководящей республиканской газеты «Энбекши казах».

В то время Казахское издательство было очень маломощным. За год было выпущено всего два небольших сборника — Сакена Сейфуллина и Беймбета Майлина.

А как обстояло тогда дело на фронте казахской советской литературы вообще? В 1917—1920 гг. в казахской литературе только один Сакен Сейфуллин писал произведения на революционные и советские темы. Писатели, работавшие до революции в демократическо-народном направлении, отмалчивались, в то время как контрреволюционные националистические писатели выступали против советского строя.

С начала 20-х годов к поэтическому голосу Сакена Сейфуллина стали присоединять свои голоса молодые поэты и писатели, вышедшие из трудовой массы казахского народа. Но это были еще единицы. К середине 20-х годов число их увеличилось.

В 1927 году Казахское издательство решило выпустить два сборника стихов: один — посвященный десятилетию Октября, другой — посвященный Ленину. Об этом было объявлено в газете. Результат получился поразительный: для обоих сборников поступила уйма материалов из всех уголков громадной территории Казахстана. Были отобраны стихи нескольких десятков авторов и изданы оба сборника в том же году под моей редакцией. После этого ни у кого не осталось сомнения в том, что теперь казахским литераторам нужен центр, объединяющий их. И был создан КазАИП — отделение Всесоюзного РАППа. На организационном собрании председателем ассоциации был избран Сакен Сейфуллин, ответсекретарем выдвинули меня. Попытка националистов создать Союз «Алка» («Коллеги») и противопоставить его нашему объединению не увенчалась успехом.

Ассоциация пролетарских и крестьянских писателей Казахстана начала издавать свой печатный орган вначале в виде альманаха под названием «Жыл-Кусы» — «Птица весны» (1927 год), потом, в 1928 году журнал «Жана адабиет» — «Новая литература», который, изменив лишь название, (теперь «Жулдыз» — «Звезда») существует и поныне.

Наряду с государственной и общественной работой в это время не оставляя и своих творческих дел. Особенно мною много было написано в жанре поэзии.

В двадцатых годах вышел в свет мой первый роман в прозе «Адаскандар», повествующий о борьбе старого и нового в казахских аулах в первые годы советского строя.

В 1930 году я был командирован на учебу в московский институт языка и мышления имени академика Марра. Через год получил перевод на литературное отделение Института Красной профессуры. Я прошел его полный курс и думаю, что настоящей моей систематизированной литературной учебой были занятия в стенах этого института. Профессура института того времени была сильной. На всю жизнь, например, запомнились семинары такого эрудированного знатока литературы, как Анатолий Васильевич Луначарский. Среди моих товарищей по институту были такие писатели, как Алексей Сурков, Лев Никулин, Степан Щипачев, Александр Исбах, китайский поэт Эми Сяо, немецкий писатель Гупперт и другие.

Особенно счастлив был я в те годы потому, что судьба тесно

связала меня с делами Союза советских писателей СССР, когда им непосредственно руководил Алексей Максимович Горький. Много раз я слушал доклады и выступления основоположника социалистического реализма, встречался с ним несколько раз и наедине беседовал. Все это и то, что я видел в работе Правления Союза, для меня явилось дополнительным уроком к тому, чему я учился в стенах Института Красной профессуры.

Основное внимание в эти годы я уделял учебе, занимаясь творческим трудом, как говорится, между прочим. Очевидно, этим и объясняется неудача моих поэз «Уголь — коммунизм» и «Окрестности Ала-Тау». Нельзя считать законченным и роман в прозе «Темиртас», посвященный первым годам коллективизации сельского хозяйства и опубликованный в 1935 году. Я не принадлежу к тем, кто, изучив жизненный материал заочно, может построить на этом художественное произведение. Неудача же названных произведений объясняется слабым знанием жизненного материала. В 1935 году была опубликована поэма «Ак-аю» («Белый медведь») — о походе челюскинцев. Она получила первую премию на республиканском конкурсе.

После учебы в ИКП в 1936 году я вернулся в Алма-Ату и был назначен председателем Правления Союза писателей Казахстана и с небольшим перерывом (1938—1941 гг.) исполнял эту должность до 1951 года. За это время, кроме мелких рассказов и стихов, я опубликовал романы: «Ботагоз» (1938 г.) — роман об Октябрьской революции в Казахстане, повесть «Балуан Шолак» (1941 год) — о дореволюционном народном герое Балуане Шолаке, роман «Сыр-Дарья» (1947 год) — об одной из народных социалистических строк, автобиографический роман «Школа жизни» (1949—1953 гг.) в двух книгах.

С конца 30-х годов пишу пьесы. Первая пьеса «Дни борьбы» (1938 год) — о гражданской войне — получила республиканскую премию и несколько лет шла в театрах. Вторая пьеса «Песня победы» (1941 год), посвященная Отечественной войне, была поставлена в Казахском академическом театре драмы.

В 1943 году я опубликовал большую работу по истории казахской литературы XVIII—XIX веков; потом монографии о творчестве Абая, Джембула, Сакена Сейфуллина, Баймагамбета Зтулина и других.

В 1951 году с разрешения руководящих органов республики я освободился от должности председателя Правления Союза писателей Казахстана и с тех пор нахожусь на творческой работе, хотя и несу целый ряд серьезных общественных нагрузок.

Как только я ушел на свободную творческую работу, я задумал

мался: с чего начинать? Были у меня к тому времени две темы: роман о первых годах Советского строя, о жизни и революционных подвигах моих личных боевых друзей Владимира Гозака, старого большевика, Жакыпа Кыстаубаева, казахского народного героя, красного партизана, Баймагамбета Зтулина, одного из первых казахских революционных поэтов; роман о жизни и деятельности казахского просветителя Чокана Валиханова (1837—1865).

Почему же я не взялся за написание произведений на эти темы?

Я себя отношу к категории тех писателей, которые свои основные задачи в литературе видят в отображении той эпохи, в которой они живут. Если взять все мои произведения, написанные за все время моей писательской деятельности и принять их за сто процентов, то из них не менее 95 процентов посвящено темам советской современности. Тем не менее, мне всегда представляется, что я в неоплатном долгу перед тем строем, благодаря которому и мой народ и я вышли из рабства и строим счастливую жизнь. Так я думал и после того, как в 1951 году ушел на свободную творческую работу. Но для создания нового большого произведения на злобу дня у меня не хватало материала. Я решил совершить поездку по родине, причем не только по Казахстану, но и по многим местам Советского Союза, чтобы увидеть собственными глазами то новое, передовое, что делается на местах.

С этой целью в 1952 году я на машине совершил путешествие по многим областям Казахстана. Летом 1953 года ездил по соседней нам Киргизии. Осенью того же года — по Литве и Латвии. В начале 1954 года совершил поездку на Кавказ: посетил ряд городов и сел Азербайджана, Армении и Грузии. Весна 1954 года принесла мне, как высший дар, решение ЦК КПСС о поднятии целинных и залежных земель.

Еще в 1924 году я написал и опубликовал в журнале «Кзыл Казахстан» поэму «На джайляу», за которую придирчивая, буквоедская критика ругала меня долго и ощутимо. В поэме воспева-лась моя тоска по пустыющей, но очень плодородной казахстанской земле. Критики придирались к этому и поучающе задавали вопрос: «Может ли в советское время пустовать земля: не является ли это клеветой на Советский строй?..»

После решения ЦК КПСС выяснилось, что до 1954 года в Казахстане как раз пустовали не десятки, не сотни, не тысячи, а около сорока миллионов гектаров чудесных для посевов целинных земель. Постановление ЦК я читал на Кавказе, тут же написал свое первое восторженное стихотворение о целине и отправил его авиапочтой в Алма-Ату. Оно было напечатано.

Немедленно вернувшись в Казахстан, я тут же отправился в целинные районы — северные области Казахстана, и с тех пор по сей день, за исключением двухмесячной поездки в Китай летом 1956 года и поездки на Цейлон осенью 1957 года, все свое время провожу на целине. Что я успел написать о ней?

Пока, преимущественно, очерки. Их я написал много.

Они печатались в районных и областных газетах, на страницах периодической печати в республике и во всесоюзной печати: в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Совхозная газета», в журналах «Новый мир», «Огонек», «Дружба народов», в разных сборниках о целине, изданных в Москве и Алма-Ате. Некоторые из них переводились на языки братских народов нашей Родины и печатались в странах народной демократии.

С весны 1956 года я начал писать роман об освоении целины под названием «Степные волны». Сначала я планировал этот роман в двух книгах, первую из которых закончил к концу того же года, опубликовав на казахском и русском языках в республиканских литературных журналах «Адебиет жана искусство» и «Советский Казахстан» в начале 1957 года. Критика справедливо отмечала, что в романе есть следы спешки: рыхлость в сюжете, незавершенность отдельных ведущих персонажей. Пришлось значительно переработать роман, который будет теперь не в двух, а в одной книге. Думаю закончить его в 1960 году. Во время двухмесячного пребывания в Китае в 1956 году я сделал массу записей об истории и современном состоянии этой великой страны. Приведя их в порядок, я пришел к выводу, что они напрашиваются на целую книгу. Эта книга «Шаги великана» написана мною в объеме пятнадцати печатных листов и подготавливается к печати.

В 1958 году совершил интересную поездку в Индию и на Цейлон и написал книгу «Пик Адама». Готовлю к печати два сборника критических статей и монографий о литературе. Первый сборник, посвященный казахской советской литературе, сдал в издательство. Второй — о дореволюционном периоде казахской литературы — в плане 1961 года. На днях я отправляюсь на теплоходе «Михаил Калинин» в путешествие вокруг Азии и Африки.

Сабит Муканов.

СОДЕРЖАНИЕ

Чем беспокоишься, сердце мое... Перевод Н. Сидоренко . . .	7
Твоя доля. Перевод А. Брагина . . .	8
Молдагзы. Перевод А. Брагина . . .	10
Два письма. Перевод А. Брагина . . .	11
Вопль батрака. Перевод Д. Бродского . . .	13
Свобода. Перевод А. Чачикова . . .	15
Летнее утро. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	17
Собака и караван Перевод Б. Ахмадулиной . . .	18
Калинин в Оренбурге. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	20
Ленин где? Перевод А. Чачикова . . .	21
Абдулле Асылбекову. Перевод А. Чачикова . . .	22
В день траура. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	23
Здоровье. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	24
Бабушка. Перевод Н. Сидоренко . . .	25
Молочный завод. Перевод Н. Сидоренко . . .	26
Кюшаш. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	28
Летний день. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	29
Красный уголок. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	30
Смерть ребенка. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	31
Эмба Перевод А. Чачикова . . .	32
Красный мак. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	34
Пронзительная зимняя пора... Перевод Б. Ахмадулиной . . .	36
Весенний сев. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	38
Не отмищенным не будешь, родной. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	40
Рождение сына. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	41
В семье. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	43
Казахстан. Перевод А. Чачикова . . .	45
Темиртай. Перевод А. Чачикова . . .	47
Верный путь. Перевод Б. Ахмадулиной . . .	51
Золотоискателю. Перевод А. Тверского . . .	53
Новый отау. Перевод Н. Сидоренко . . .	54
Плач арабистов. Перевод А. Чачикова . . .	56
Здравствуй, май! Перевод Н. Сидоренко . . .	58
Парад. Перевод Н. Сидоренко . . .	65
Товарищ Буденный. Перевод Н. Сидоренко . . .	69
Большевистская осень. Перевод Н. Сидоренко . . .	71

Вулкан. Перевод А. Чачикова	74
Караганда. Перевод Б. Ахмадулиной	77
Красная Казань. Перевод А. Чачикова	80
Николаю Островскому. Перевод Б. Ахмадулиной	82
Майская пастушеская песнь. Перевод Н. Сидоренко	83
Магнит. Перевод Б. Ахмадулиной	86
Морская гадюка. Перевод Л. Тарловского	90
День колхозного аула. Перевод Д. Снегина и В. Чугунова	92
Когда вошли на гору. Перевод В. Антонова	97
Школа — посев знания. Перевод В. Антонова	102
Песня о молодости. Перевод В. Антонова	105
Цветущее дерево. Перевод А. Чачикова	107
Маршал поэзии. Перевод Д. Снегина и В. Чугунова	109
Наша армия. Перевод Д. Снегина	112
Ночь Балхаша. Перевод В. Антонова	114
Елеусизу. Перевод А. Антонова	115
Георгию Хайдину. Перевод В. Антонова	117
Город Ленина. Перевод М. Тарловского	120
Русский язык. Перевод М. Тарловского	123
Берлин взят. Перевод В. Антонова	126
Май победы. Перевод А. Брагина	127
Моя республика. Перевод В. Антонова	129
Ручка. Перевод В. Антонова	131
Электрический свет. Перевод В. Антонова	132
В моей библиотеке. Перевод А. Брагина	133
Подруги. Перевод Н. Титова	134
Цвети, Украина! Перевод В. Гордиенко	136
Сапаргалию Бегалину. Перевод Л. Кривощевой	139
Братьям-узбекам. Перевод Л. Кривощевой	139
Привет тебе, Москва! Перевод Л. Кривощевой	140
Песня о целине. Перевод Л. Кривощевой	143
Твои плоды. Перевод Л. Кривощевой	151

П о э м ы

Смерть Жумаша. Перевод Н. Титова	139
Альбом. Перевод А. Николаева	141
Батрак. Перевод Д. Бродского	146
Песня о сироте. Перевод А. Коренева	147
Балбопе. Перевод Д. Бродского	147
Кровавое озеро. Перевод М. Балыкина	147
Сулушаш. Перевод Н. Сидоренко	147
Месть. Перевод М. Джумагулова	147
Тулпар. Перевод Д. Бродского	147
Белый медведь. Перевод П. Вячеславова	147
Мой путь	147